

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник— четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>

<http://vk.com/vounb>

e-mail: vounb@mail.ru

+7 (473) 255-05-91

962.
326

807000 87.

ВОРОНЕЖСКИЙ КРАЙ.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРКЪ

ВЫПУСКЪ I-й.

Составлено Л. Б. Вейнберга.

Воронежскаго Губернскаго Статистическаго Комитета.

ВОРОНЕЖЪ.

ТИПО-ДИТОГРАФИЯ ГУБЕРНСКАГО ПРАВЛЕНІЯ.

1885.

1193

1994г. Возвратите книгу не позже указанного срока

30.03.

103.00

6/257

21.05.

19.03.98

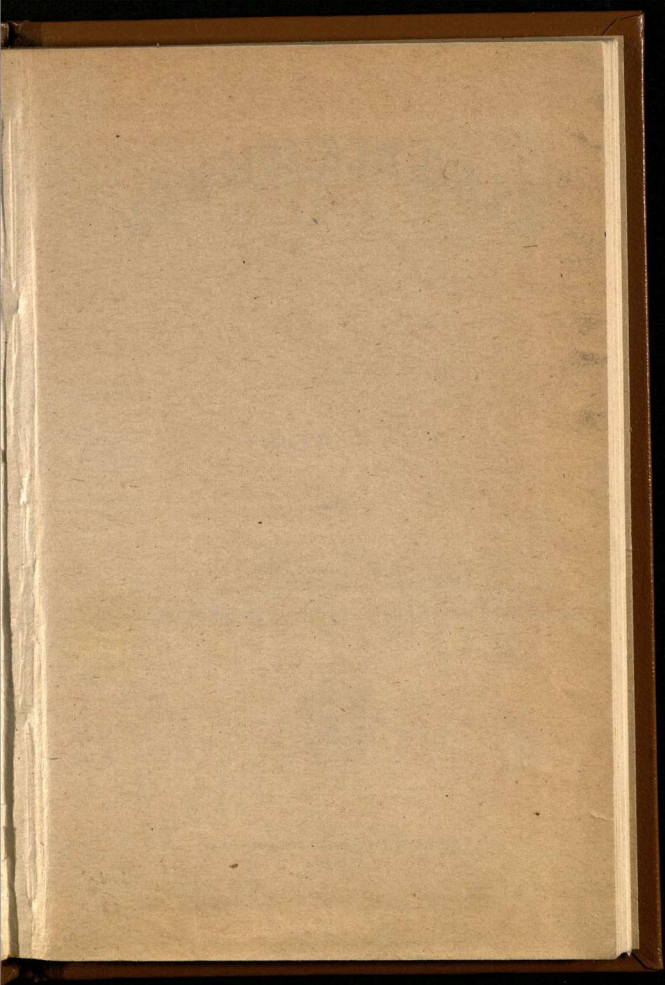
4.05.99

3.08.99

20.10.99

Воронеж, типография 15, а: 913

19.
30
G/
21.
19.
4.2
3.
20.

К 919
В 26

ВОРОНЕЖСКІЙ К Р А Й .

И С Т О Р И Ч Е С К І Й О Ч Е Р К Ъ

В Ы П У С К Ъ І - Й .

ИЗСЛѢДОВАНИЕ Л. Б. ВЕЙНБЕРГА.

И . д . Секретаря Воронежскаго Губернскаго Статистическаго Комитета.

ВОРОНЕЖЪ .

ТИПО-ЛИТОГРАФІЯ ГУБЕРНСКАГО ПРАВЛЕНІЯ .

1885 .

Г-ка
Кав. Ин.
Мед. Ин.
М 923
Мингр 9/47/(-2)

13 - 24

00

Борон жская областная
научная библиот ка
имени И. С. Никитина

244736

10
30
6
21
19
4
3
20

Handwritten text, likely a signature or name, written in a cursive script. The text is partially obscured by a large, dark, irregular stain or smudge on the right side of the page.

校

ВЫПУСКЪ I.

Исторія Воронежскаго края до восшествія на престолъ Михаила Феодоровича.

10
30
6
21
19
4
3
20

ВОРОНЕЖСКІЙ КРАЙ.

(историческій очеркъ).

Вступленіе. Періодъ I. Воронежскій край до XVII столѣтія. Растительное и животное царства его. Картина Средне-азиатской степи. Обитатели ея. Хазары, печенѣги, половцы, татары и др. народы. Естественныя богатства при-Донскаго края. Неопредѣленность положенія края. Удѣльная система какъ причина безсилія и бѣдствій Руси. Начало единой державы и постепенное освобожденіе Воронежскаго края отъ хищниковъ. Начало донскаго казачества; его вина и заслуги. Начало возникновенія городовъ.

ужно-ли говорить о необходимости изученія прошлаго своей родины? Кому не дорого свое отечество, кто не любитъ мѣста своей родины, гдѣ жили, дѣйствовали и умирали его предки, гдѣ живетъ онъ самъ? Убійца или вообще преступникъ бѣжитъ за предѣлы своего отечества дабы не подвергнуться соотвѣтственному строгому наказанію; но, проживъ годъ, два, три, онъ нерѣдко возвращается обратно и добровольно отдается въ руки правосудія. Что его заставило вернуться? Тоска, страшная тоска по родинѣ.... Она заглушила въ немъ страхъ предстоящаго наказанія, непреодолимо влечетъ она его туда, гдѣ, быть можетъ, ожидаетъ его строгое наказаніе. Онъ сознаетъ это; но возвращается,—и возвращается онъ потому, что не въ силахъ противостоятъ охватившему его чувству любви къ родинѣ. Это одно изъ сильнѣйшихъ чувствъ, ибо оно проявляется даже въ такихъ нравственно испорченныхъ людяхъ, въ кото-

рыхъ уже заглохли всѣ остальные чувства, присущія человѣку нравственному. Но если обширное отечество намъ такъ дорого и мило, то тѣмъ болѣе влечетъ насъ къ себѣ то мѣстечко, тотъ уголокъ въ немъ, гдѣ мы родились, гдѣ почти все намъ знакомо....

Населенію Воронежской губерніи какъ не любить своего края? Одною изъ тѣхъ, которымъ такъ дорого досталась честь считаться частью Великой Россіи. На поляхъ Воронежскаго края въ продолженіи цѣлаго тысячелѣтія почти безпрерывно воевала Русь съ азіятцами, и когда эта борьба окончилась, и Воронежскій край былъ освобожденъ отъ дикихъ ордъ хищниковъ, край нашъ въ свою очередь достойнымъ образомъ отплатилъ своему отечеству за понесенныя ради него жертвы: что всего нужнѣе было Правительству для независимости государства, то давалъ Воронежскій, или вѣрнѣе, такъ какъ ни Воронежа, ни точныхъ границъ тогда еще не было—при-Донской край. Сначала всего нужнѣе были: серебро, свинецъ и порохъ. Затѣмъ, начиная съ Петра Великаго при-Донской край своимъ флотомъ сразу поставилъ Россію въ ряду могущественнѣйшихъ государствъ. Было время, когда глаза всей Европы были обращены на Воронежскій край: мы подразумеваемъ эпоху борьбы Петра Великаго съ Турціею.

А между тѣмъ, рѣдкій изъ насъ знаетъ что-либо изъ славнаго прошедшаго при-Донскаго края, за исключеніемъ развѣ одного событія—о построеніи флота Петромъ Великимъ.

Мы бы желали дать нашимъ читателямъ болѣе полный историческій очеркъ Воронежскаго края, но такъ какъ матеріалы по исторіи его заключаются главнымъ образомъ въ хранящихся въ архивѣ Воронежск. губерн. статистическаго комитета древнихъ актахъ, большая часть которыхъ, къ сожалѣнію, еще не появилась на свѣтъ, то намъ приходится пока ограничиться краткимъ историческимъ

14
30
6
21
19
4
3
20

очеркомъ Воронежскаго края до построеній городовъ, т.-е. до конца XVI столѣтія, а затѣмъ—краткимъ обзоромъ историческихъ событій въ нашемъ краѣ, начиная съ заселенія его по настоящее время, поимѣвающимся пока историческимъ матеріаламъ.

1. ВОРОНЕЖСКІЙ КРАЙ ДО XVII СТОЛѢТІЯ.

Въ исторіи нашего отечества Воронежскій край играетъ весьма важную роль. Служа театромъ безпрестанныхъ кровопролитій въ продолженіе многихъ вѣковъ, онъ часто упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ. Можно съ достовѣрностью сказать, что въ Воронежскомъ краѣ едва-ли остался клочекъ земли, неорошенный человѣческою кровью.... Одаренный богато природою, этотъ чудный край, казалось, предназначенъ былъ ею не для кровавыхъ войнъ, а для тихой и мирной жизни человѣка. Къ тому убѣжденію приходимъ, читая описанія его.

Представьте себѣ необозримую равнину, покрытую многовѣковыми, величественными дубравами, изрѣдка прерывавшимися роскошными лугами. Въ то время такіе лѣса, о которыхъ намъ, современнымъ обитателямъ этого края, и понятія себѣ составить трудно, тянулись по обоимъ берегамъ Дона густою стѣною чрезъ всю нынѣшнюю Воронежскую губернію и сѣверную часть Земли Войска Донскаго, а луга покрывала такая трава, которая скрывала въ себѣ коня вмѣстѣ съ всадникомъ ⁽¹⁾. Донъ, Воронежъ, Хоперь

⁽¹⁾ *Кернъ*. „Бесѣды о лѣсѣ“ (I. Облѣсеніе южныхъ степей). Вотъ какъ рисуетъ намъ г. Кернъ Южнорусскія степи, сравнивая ихъ съ тѣмъ, что было 100—200 лѣтъ назадъ:

Степныя травы, которыя теперь едва вырастаютъ по полю, тогда скрывали въ себѣ коня вмѣстѣ съ всадникомъ. Урожай хлѣбовъ, которые теперь такъ сильно страдаютъ и отъ засухъ, и отъ суховѣя, (восточный вѣтеръ) тогда были много

и другія рѣки въ современномъ ихъ состояніи не могутъ намъ дать достаточно яснаго понятія о томъ времени, когда онѣ были на столько многоводны и глубоки, что позволяли мечтать о постройкѣ верфи и флота. И климатъ этого чуднаго края вполне соответствовалъ его природной красотѣ: тогда лѣта были прохладнѣе, зимы гораздо умѣреннѣе, а дождей выпадало много больше, нежели теперь. Тогда и рѣки были многоводнѣе, а балки и озера, которыя теперь пересохли, были наполнены водою. На рѣкахъ, обильныхъ рыбою, трудолюбивые бобры строили свои жилища, а въ величественныхъ, дремучихъ лѣсахъ кипѣла жизнь: дикіе кабаны, козы, лоси, лисицы, выдры и неизбѣжные спутники травоядныхъ—барсу-

обильнѣе и постояннѣе. Еще въ началѣ текущаго вѣка въ Новороссіи зимы почти не знали: если снѣгъ и выпадалъ, то лежалъ не подолгу; саней въ заводѣ не было; плуги ходили въ полѣ почти до Рождества; въ февралѣ уже кончали посѣвы, а табуны круглый годъ оставляли въ степи и не знали, что значить запастись скоту кормъ на зиму.

Рѣзкая переменѣна къ худшему въ климатѣ нашихъ степей, — говоритъ г. Кернъ. — какъ разъ совпадаетъ съ повальнымъ истребленіемъ степныхъ лѣсовъ, развившимся на югѣ во второй четверти текущаго вѣка свеклосахарными заводами и въ третьей четверти — пароходами и желѣзными дорогами. Непроходимыя дебри юга Россіи принадлежать теперь исторіи!

Правое побережье Волги и Дона за 100, много за 200 лѣтъ тому назадъ было покрыто почти сплошными лѣсами. По Волгѣ они тянулись ниже Царицына, *по Дону — до самаго устья*. Лѣса эти переходили въ заволжскія степи, шли къ Уральскому хребту и сливались съ величественными лѣсами Саратовской и Воронежской губ., которые (т. е. лѣса) въ свою очередь сливались съ лѣсами нашихъ среднихъ и сѣверныхъ губерній. Теперь же вплоть до Саратова и Воронежа — все равно и голо.

Многовѣковыя, величественныя дубравы Воронежской губерніи и сѣверной части Земли войска Донскаго, еще при

16
30
6
21
19
4
3
20

ки, медвѣди, волки, орлы. ⁽²⁾ Кромѣ пернатыхъ пѣвцовъ воздухъ оглашали своимъ крикомъ гуси, лебеди, журавли, бѣлые и черные аисты и другія дикія птицы. Для полноты картины замѣтимъ, что по обоимъ берегамъ рѣки Дона позади лѣсовъ находились двѣ обширныя степи, изъ коихъ западная называлась *Донскою*, а восточная—*Калмыцкою* ⁽³⁾. Въ Донской степи водилась особая порода дикихъ лошадей. Эти лошади отличались длинною шерстью, мышиннаго, темносѣраго цвѣта; имѣли короткія черныя ноги, кудрявыя гривы, голову и уши не соразмѣрно большія. При всемъ томъ отличались необыкновенною быстротою бѣга, пугливостью и неукротимостью. Онѣ ходили стадами подъ предводительствомъ жеребца и что замѣчательно,—бывали и зимою тучны. Последнее впрочемъ могло зависѣть отъ передвиженія ихъ къ югу на

Петръ I доставлявшія корабельный лѣсъ для постройки азовскаго флота, теперь представляютъ лишь одни жалкіе остатки.

Въ Землѣ войска Донскаго—Леонтьевскій Буеракъ, лѣсъ десятины въ 1,000, является теперь единственнымъ представителемъ естественнаго лѣса на высокой степи, тогда какъ еще въ 1773 г., по свидѣтельству путешествовавшаго тамъ академика Гюльденшtedта, онъ вмѣстѣ съ другими лѣсами Земли войска Донскаго составлялъ одну сплошную массу.

По притокамъ Медвѣдицы, Хопра и др. рѣкъ тянулись, лѣтъ 80 тому назадъ, цѣнные дубовые лѣса, а теперь эти лѣса сведены, и сами рѣчки изъ многоводныхъ и обильныхъ рыбою превратились въ пересохшія ложбины, въ которыхъ развѣ только весной въ какой-нибудь лужѣ можно найти лягушку.

Остатки большихъ судовъ и судовыхъ принадлежностей, находимые въ руслахъ незначительныхъ теперь степныхъ рѣчекъ, указываютъ на то, что эти рѣчки въ старину были такъ же многоводны, какъ теперь значительныя судоходныя рѣки нашей средней полосы.

⁽²⁾ Волховит. Ист. Геогр. и Экон. описаніе Ворон. губ.

⁽³⁾ Сл. геогр. А. Ш. ст. Донская степь.

зиму. Въ началѣ этого столѣтія онѣ еще попадались по теченію Ингула (*).

И вотъ этому-то прелестному уголку земнаго шара суждено было въ продолженіи многихъ вѣковъ служить театромъ безконечной, кровавой борьбы между Русью съ одной стороны и напиравшими съ востока и юга азіятцами съ другой. Тяжелыя то были времена, судя потому какъ характеризуетъ ихъ древній пѣвецъ нашъ: „Уже бо, братіе, невеселая година встала, уже пустыни силу прикрыла; встала обида въ силахъ Дажь-бога внука, вступила дѣвою на землю Трояню, всплескала лебедиными крылы на синѣмъ море, у *Дону плещущи*, убуди жирня времена“.... и далѣе: „Въстона бо, братіе, Кіевъ тугою, а Черниговъ напастьми; тоска разлися по Руской земли.... О! стонати Руской земли“ (†). Спрашивается, кѣмъ были вызваны эти стоны, кто были и откуда пришли тѣ варвары, внесшіе цѣлый кровавый періодъ въ исторію нашего отечества?

Чтобы уяснить себѣ этотъ вопросъ, бросимъ взглядъ на карту древней Руси: передъ нами обширная равнина, почти вся покрытая величественными лѣсами, и только къ югу и юговостоку переходящая въ степь. Эта степь есть продолженіе Великой Среднеазиатской степи. Этой степью Азія, такъ сказать, врѣзывается въ Европу, здѣсь двѣ части свѣта слились такъ незамѣтно, что невозможно съ точностью опредѣлить ихъ границы. Покрытая прежде дремучими лѣсами, Русь не имѣла значительныхъ сухопутныхъ дорогъ. Последнія замѣнялись водяными путями сообщенія. Въ исторіи древней Руси упоминаются три важнѣйшихъ торговыхъ пути: *Греческій, Соляной и Залозный*. По направле-

(*) Köppen's statist. Reise. 1850, (стр. 85, прим. 158). и статья его же „Nordgestaden des Pontus“ (Wiener Jahrbücher der Literatur 1822, Bd. XX, S. 267).

(†) Слово о полку Игоревѣ (2-е изд. Тихонравова, стр. 5 - 6, 11).

16
30
6
21
19
4
3
20

нію съ сѣвера на югъ и юговостокъ текутъ три громадныя рѣки: Днѣпръ, Донъ и Волга—три пути, по которымъ съ незапамятныхъ временъ други и недруги проникали въ глубь Руси. Ни на сѣверъ, ни на западъ эту величественную равнину не прорѣзываетъ ни одна сколько нибудь значительная рѣка, очевидно—здѣсь, *на украинѣ*, должна была главнымъ образомъ разыгратъ та вѣковая борьба, о которой мы упоминали выше, потому что всѣ три пути вели къ этой степи, гдѣ съ незапамятныхъ временъ гнѣздились враждебныя намъ силы,—степные народы *хазары, печенѣги, половцы* и другія племена татарскія.

Степь среднеазіятская, о которой мы выше говорили, занимаетъ громадное пространство. Мѣстами она совершенно безжизненна, пустынна, непокрыта растительностью, такъ что по поверхности ея несутся, гонимыя вѣтромъ, песчаныя волны; эта именно та бесплодная и голая часть степи, которая состоитъ изъ солончаковъ и сыпучихъ песковъ. Мѣстами же она покрыта зеленымъ ковромъ, въ особенности весною, когда дожди напояютъ землю, она покрывается сочною травою, и тогда она представляетъ прекрасныя пастбища; въ лѣтній зной пропадаетъ вода, накопившаяся въ углубленіяхъ почвы во время весеннихъ дождей, растительность погибаетъ—до слѣдующихъ осеннихъ дождей, когда природа снова просыпается на время и появляются признаки жизни, впрочемъ, опять не надолго,—наступающая суровая зима закрываетъ степь своимъ бѣлымъ саваномъ, и наступаетъ тишина могильная. При такомъ характерѣ степной природы, отличающейся чрезвычайно рѣзкими и быстрыми переходами, не только растительность и животное царство вообще, но и человѣкъ—обитатель этой степи—носитъ на себѣ особый отпечатокъ степной природы.

Рѣзкіе переходы отъ палящаго зноя къ суровой зимѣ лишаютъ возможности обработать землю, обратно, богатыя пастбища,—правда, отдѣльными оаза-

ми,—замкнутые въ этой степи, приспособляютъ ее къ пропитанію значительнаго количества скота, и вотъ, подчиняясь этимъ условіямъ мѣстной природы, обитатель степи кочуетъ съ мѣста на мѣсто, отъ одного оаза къ другому, и въ результатѣ получается отдѣльный типъ кочующаго челоуѣка—*толковина* или *броднига*, какъ его называли наши предки. Вѣчная борьба съ стихійными силами, въ связи съ необходимо-стью передвигаться съ одного мѣста на другое, вѣчная борьба за существованіе—выработали въ немъ особый, къ слову сказать, крайне непривлекательный характеръ—степнаго хищника. Единственное его помышленіе—удалой набѣгъ, единственная цѣль—грабежъ. Такими въ особенности представляются намъ въ исторіи *половцы*—т. е. степняки, отъ слова *поле*—степь ⁽⁶⁾, многочисленную ордою появившіеся у насъ съ половины XI-го столѣтія на смѣну печенѣгамъ. Но кто-бы они ни были: Хозары, или Печенѣги, Половцы или другія орды Татарскаго племени, почти всѣ они непрерывно тянулись въ продолженіе многихъ столѣтій изъ этихъ степей, стремясь къ западу, къ Дунаю и вообще въ Европу, огнемъ и мечемъ истребляя все попадавшееся имъ по дорогѣ, и этимъ только можно объяснить себѣ причину, почему въ Воронежскомъ краѣ нѣтъ города, нѣтъ селенія старѣе 16 столѣтія, тогда какъ многочисленные историческія изслѣдованія новѣйшаго времени положительно говорятъ за то, что Воронежскій *) край (вѣрнѣе—при-Донской край) когда-то былъ населенъ славянами ⁽⁷⁾. Мало того, нѣкоторые историки, какъ напр. Массуда, Марко Поло и Арабскій путешественникъ

⁽⁶⁾ Карамз. Ист. Г. Р., т. II, прим. 112.

^{*)} Мы далѣе будемъ называть его *при-Донскимъ краемъ*, а *Воронежскимъ*—съ эпохи возникновенія городовъ, т. е. съ 1586 года.

⁽⁷⁾ „О славянахъ въ Малой Азіи, въ Африкѣ и въ Испаніи. Вл. Ламанскаго. 1859 г. стр. 79.

16
30
6
21
19
4
3
20

Ибнъ-Батути единогласно рассказываютъ о *русскихъ серебрянныхъ рудникахъ*, которые еще разрабатывались въ XIV столѣтіи. Полагаютъ, что они находились въ Донецкомъ краѣ, по рѣкѣ Нагольной, составляющей притокъ Міуса. ⁽⁸⁾ Ибнъ-Батута, посѣтившій южную Россію въ 30—40 годахъ XIV-го столѣтія, рассказываетъ, что Россіяне владѣютъ серебрянными рудниками, откуда вывозятъ слитки серебра, служащіе монетою при куплѣ и продажѣ („Ils [les Russes] possèdent des mines d'argent, et on apporte de leur pays des saum, c'est à dire des lingots d'argent, avec lesquels on vend et l'on achète dans cette contrée“). Онъ опредѣляетъ даже вѣсъ слитка: „Le poids de chaque lingot est de cinq onces“ ⁽⁹⁾, т.-е. около 40 золотниковъ *). Собравъ все имѣющіяся свѣдѣнія о серебрянныхъ рудникахъ, Ламанскій приходитъ къ заключенію, что „свѣдѣнія эти окончательно доказываютъ бытность и давность Русскихъ поселеній въ при-Донскомъ краѣ, служившихъ въ X—XII в. средними звеньями, связывавшими Русскія поселенія на берегу Азовскаго моря съ тогдашнею Русью. Полагаю“, продолжаетъ онъ, „что чрезъ нихъ шелъ такъ называемый въ лѣтописяхъ *Залозный путь*, коимъ князья наши такъ же дорожили, какъ и путями Греческимъ и Солянымъ“ ⁽¹⁰⁾.

Первые степные хищники, ворвавшіеся въ древнюю Русь были, по нашимъ лѣтописямъ, *Хозары* или

⁽⁸⁾ Тамъ-же, стр. 82.

⁽⁹⁾ Тамъ-же стр. 83.

*) Въ письмѣ Госуд. Канцлера Румянцева къ Малиновскому изъ Гомеля въ 1821 г. (см. переп. Митроп. Евгенія съ Н. П. Румянцевымъ, вып. II-й) говорится о найденныхъ въ Новгородѣ при разрываніи *древняго вала и рва* серебряныхъ слитковъ, вѣсомъ въ 42³/₄ золотника. Формою и вѣсомъ эти слитки, какъ намъ кажется, напоминаютъ сейчасъ описанные.

⁽¹⁰⁾ Тамъ-же, стр. 85.

Хозары. По среднему и нижнему теченію Волги жили въ то время воинственные болгары. Хозары напали на нихъ, истребили ихъ поселенія и оттѣснили ихъ къ Дунаю. Это было въ ⁽¹¹⁾ VII столѣтіи. Съ тѣхъ поръ Хозары, поселившись по всей южной степи Руси, стали хозяйничать. Они дѣлали частые набѣги, разоряли и налагали дань на побѣжденныхъ ими. Такъ они брали съ Вятичей *по щлягу* *) *отъ рила*, а съ полянъ и сѣверянъ—по *побѣлѣй дивичь отъ дыма*. По переселеніе Хозаровъ изъ азіатской степи, равно какъ и новое сосѣдство съ осѣдлымъ народомъ повидимому повліяли на ихъ характеръ. Постепенно измѣнялся ихъ хищническій образъ жизни и воинственный духъ, такъ что уже два столѣтія спустя ихъ могъ побѣдить Великій Князь Кіевскій Святославъ, причемъ у нихъ оказались уже города какъ Бѣловѣжъ—признакъ осѣдлости. Полтораца лѣтъ спустя, около 1117 года Хозары уже ходатайствуютъ у Владиміра Мономаха объ отводѣ имъ земель *для поселенія*, а *купцы* хозарскія торговали по русскимъ городамъ.

Не такъ легко было отдѣлаться Руси отъ нашествія другаго врага—*печенѣговъ*, хотя въ результатѣ получилось тоже самое, что съ хозарами. Подобно хозарамъ и печенѣги вышли изъ этой степи и направились чрезъ южнорусскія степи къ Дунаю. Сначала они повидимому не намѣревались нападать на Русь, имѣя цѣлью достигнуть Дуная, заключили даже миръ съ Великимъ Княземъ Игоремъ, но тучныя пастбища по Днѣпру и Дону очевидно прельстили ихъ: они остановились тамъ, и въ 968 году сдѣлали набѣгъ на Русь. Святославъ разбилъ ихъ и прогналъ обратно въ поле. Цѣлое столѣтіе терпѣла Русь отъ непрерывныхъ набѣговъ печенѣговъ. Имѣя

(11) Волховитиновъ. „Историч. Геогр. и Экон. опис. Воронеж. губ. стр. 6.

*) *Щляги*—мелкія серебряныя деньги, введенныя хозарами (Карамз. Ист. Г. Р. т. I, прим. 526).

19
30
61
21
19
48
3
20

исключительно цѣлью—грабежи, печенѣги то воевали противъ Русскихъ Князей, то занимались къ нимъ же въ службу противъ другихъ непріятелей. До конца своего независимаго существованія печенѣги оставались кочевниками и кочевья ихъ были по рѣкамъ Дону, Донцу и Днѣпру и только съ половины XI столѣтія, когда на нихъ напали половцы и нанесли имъ рѣшительное пораженіе, печенѣги подобно хозарамъ пришли въ Русь къ Великому Князю Владимиру, который и расселилъ ихъ по разнымъ городамъ, а ихъ мѣсто заняли *половцы*...

Въ 1061 году сдѣлалъ впервые нашествіе на Русь народъ, называвшій себя *Кумани* или *Комани* [Chomani], т.-е. степняки; полагаютъ, что по этой причинѣ наши предки называли ихъ *половцами*, потому что степь называлась въ то время полемъ. Чтобы составить себѣ понятіе о *половцахъ*, съ которыми пришлось нашимъ предкамъ столкнуться, достаточно прочитать отзывы о нихъ современныхъ нашихъ и европейскихъ лѣтописцевъ: „Половцы“, говоритъ нашъ лѣтописецъ, „законъ отцовъ своихъ держать *кровь проливати* и хвалящися о семъ, ядуще мертвечину и всю нечистоту, хомики и сусолы, и поимаютъ мачехи своя ятрови“⁽¹²⁾. Это подтверждаетъ и венгерскій лѣтописецъ, который говоритъ, что половцы „gens immundissima, quae carnibus utebatur fere crudis pro cibo et lacte equorum et sanguine pro potu“ (люди крайне неопрятные, которые употребляютъ почти сырое мясо въ пищу, а кобылье молоко и кровь въ питье). Сдѣлавъ первый набѣгъ, половцы разлились широкою половою, отъ Яика до Дуная, по всей южной Руси. И начались безпрестанные набѣги, поражающіе своею кровожадностью и дикостью. Эти безпрестанные набѣги какъ бы слились въ одинъ непрерывный погромъ, длившійся почти 200 лѣтъ! Древняя Русь стояла подъ ужаснымъ гнетомъ кровожадныхъ варва-

⁽¹²⁾ Карамз. Ист. Г. Р., т. II, прим. 112.

ровъ; ни до ни послѣ этого, бѣдствія и страданія предковъ нашихъ не доходили до той степени, какъ именно въ эти 200 лѣтъ. Каждый набѣгъ сопровождался полнымъ опустошеніемъ мѣстности, тамъ гдѣ проходили половцы, дымились обугленные пожарища и плавали въ своей крови убитые жители—пощадъ половцы не знали: „Города вси опустѣша“, говоритъ лѣтописецъ, „села опустѣша; пройдемъ поля, идѣже пасома бѣша стада конь, овця и волове, все тоще нонѣ видимъ, нивы поростѣше звѣремъ жилищи быша“. Таковъ былъ характеръ этого народа. Эти варвары терзали Русь до самаго появленія татаръ, т.-е. почти до половины XIII столѣтія. Ихъ быть и обстановку обрисовалъ намъ современникъ ихъ, итальянецъ Плано Карпини, путешествовавшій въ XIII вѣкѣ по южной Руси. По его словамъ, половцы не имѣли постоянныхъ жилищъ или домовъ, а жили они въ шатрахъ.

Шатры эти—предки наши называли *тыжми*—были ничто иное, какъ кибитки. Половцы зимою спускались къ морю, а лѣтомъ по берегамъ рѣкъ перекочевывали къ горамъ. При такихъ условіяхъ, понятно, о земледѣліи не могло быть и рѣчи—они занимались исключительно скотоводствомъ. Поэтому, если намъ и встрѣчаются иногда указанія на города половецкіе на Дону, какъ напримѣръ у Нестора ⁽¹³⁾: Въ 1116 году Ярополкъ Владиміровичъ, *ходи на Половецкую землю къ Дону и ту взя полонъ много и города три половецкія: Балинъ, Чешлюевъ и Сугровъ*, то подъ ними, по всей вѣроятности, подразумѣвались зимовища, т.-е. укрѣпленные станы, вокругъ которыхъ кочевники соединяются зимою, а лѣтомъ опять расходятся по всей странѣ. Что у половецвъ въ дѣйствительности не было городовъ, можетъ служить, по нашему мнѣнію, доказательствомъ дальнѣйшее же

(13) Болховитиновъ. „Ист. Геогр. и Экон. опис. Ворон. губ“, стр. 7.

18
30
61
21
19
48
3
20

повѣствованіе Нестора и о томъ же Великомъ Князѣ Ярополкѣ Владиміровичѣ: Въ 1120 году (т.-е. спустя четыре года) *онъ же* (Ярополкъ Владиміровичъ) *ходилъ на Половцы за Донъ и не обратилъ ихъ, возвратился*. И далѣе: въ 1199 году Великій Князь Владиміръскій (что на Клязьмѣ) Всеволодъ *ходи на Половцы съ сыномъ своимъ Константиномъ; Половцы же, слыша походы его, бѣжали и съ вещами прочь. Князь же Великій, ходивъ по становищинамъ ихъ, иде прочь возмъ Донъ*. Наконецъ и то обстоятельство, что Половцы занимались исключительно скотоводствомъ, что они на зиму покидали нашу мѣстность и спускались къ югу, къ болѣе теплomu морскому побережью, даетъ намъ право предположить, что у нихъ городовъ не было, а если Балингъ, Чевшлюевъ, Сугровъ и существовали какъ города, то это были не построенныя, а завоеванныя половцами. Наконецъ, какъ бы то ни было, жили ли половцы въ городахъ или то были зимовищи, во всякомъ случаѣ вѣрно то, что главнымъ мѣстопробываніемъ этому воинственному народу служилъ нашъ Воронежскій край, потому что почти всѣ ихъ „города“ лежали по теченію рѣки Дона, протекающаго почти по срединѣ его.

Двухсотлѣтній непрерывный, опустошительный погромъ разорилъ Русь—всѣ богатства ея перешли въ руки хищниковъ. Но половцы не ограничивались однимъ разореніемъ Русской земли, они мѣшали также ея сношеніямъ съ другими цивилизованными странами. Караваны, шедшіе изъ Греціи или изъ за Дунайя, они захватывали и грабили и даже въ концѣ разорили наши города на Дунаѣ. Однимъ словомъ всюду, куда ни взглянемъ, сказывается гибельное вліяніе половцевъ на жизнь нашихъ предковъ.

Чтобы защититься отъ внезапныхъ нападеній половецкихъ, Русскіе, по свидѣтельству западнаго миссіонера Брунона Кверфуртскаго, окружили южную часть своихъ владѣній *валоми* (шеломя“, „валь По-

ловечьскій^{а)}) и *честоколомъ*, существовавшими еще во времена Владиміра Святаго. Вдоль этихъ валовъ устроилось нѣчто въ родѣ военной линіи....

Съ появленіемъ грозныхъ татарскихъ ордъ, въ первой половинѣ XIII вѣка, половцы, какъ въ свое время печенѣги, должны были уступить силѣ. Разбитые наголову, они разсѣялись и подобно своимъ предшественникамъ обратились къ Руси съ ходатайствомъ о разселеніи ихъ по городамъ, причемъ многіе приняли христіанство.

Такимъ образомъ, какъ мы уже видѣли, съ половины IX столѣтія до половины XIII, Русь не имѣла почти ни одного года отдыха. Безпрестанно терзали ее сначала хозары, затѣмъ печенѣги и наконецъ половцы; всѣ они унимались только съ появленіемъ новаго, болѣе сильнаго врага. Половецкіе набѣги до того ослабили древнюю Русь, что съ появленіемъ затѣмъ слѣдующаго врага—*татаръ* въ первомъ же сраженіи, происходившемъ въ при-Донскомъ краѣ въ 1237 году, до крайности истощенныя войска Рязанскихъ князей не въ состояніи уже были съ успѣхомъ бороться противъ свѣжихъ и многочисленныхъ силъ грознаго татарскаго хана Батия, и потерпѣли жестокое пораженіе. Рязанцы бѣжали, а татары, слѣдуя по ихъ пятамъ, пошли чрезъ Воронежъ къ Рязани и по Окѣ, ⁽¹⁴⁾ добивая и разоряя все, что попадалось имъ по пути, все, что уцѣлѣло отъ погромовъ ихъ предшественниковъ.... Эпиграфомъ къ этому кровавому періоду въ исторіи нашего отечества могутъ служить слѣдующія стонущія слова лѣтописца-поэта: „Тогда по русской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, нѣ часто врани граяхуть, трупія себѣ дѣляче, а галици свою рѣчь говоряхуть, хотятъ полѣтѣти на уедіе“. ⁽¹⁵⁾

⁽¹⁴⁾ Волховитиновъ. Ист. Геогр. и Экон. описаніе Воронеж. губ. (стр. 9).

⁽¹⁵⁾ Слово о полку Игоревѣ. (2-е изд. Тихонравова).

19
30
61
21
19
48
3
20

Несчастнѣйшее сраженіе 1237 года нанесло окончательный ударъ при-Донскому краю. И безъ того уже обезлюденный, такъ какъ здѣсь имѣли пребываніе почти исключительно пчеловоды (бортники), охотники и рыбаки, онъ окончательно лишился славянского населенія и сдѣлался постояннымъ мѣстопробываніемъ дикихъ кочевниковъ, числясь только номинально во владѣніи, удѣльнаго отъ Рязанскихъ, князя Елецкаго, и даже полтора ста лѣтъ спустя, въ 1380-мъ году, на рѣкѣ Воронежѣ еще находились многочисленные кочевья великаго хана Мамай, который: „*стоялъ на Воронежѣ, кочуя во мнози силы*“. Эта грозная сила, подобно тучѣ саранчи, не предвѣщала ничего хорошаго, и она дѣйствительно разразилась цѣлымъ рядомъ опустошительныхъ набѣговъ 1392-го, 1402-го, 1405-го, 1411-го, 1415-го, 1426-го, 1437-го, 1442-го, 1445 и т. д., которые ознаменовались полнымъ разореніемъ Рязанской украины—это не были сраженія, въ смыслѣ борьбы двухъ противниковъ, а хищническія набѣги: „*приходиша изгономъ*“ говорить о нихъ лѣтописецъ. Въ особенности достопамятны опустошенія нашего края въ 1392 и 1415 гг., произведенныя татарскимъ ханомъ Темиръ-Аксакомъ. Описывая набѣгъ 1415 года, наши лѣтописи говорятъ: „*придоша татарове мнози, и воеваша по за Дону рѣки власти Рязанскія, и много зла сотворше, градъ Елецъ взяша, и Елецкаго Князя убиша; и много воевавши татарове, возвратишася со многими полономъ и богатствомъ во свояси.*“ (16)

Попытки обуздать свирѣпыхъ кочевниковъ были въ это время очень рѣдки. Одна изъ подобныхъ попытокъ была впрочемъ довольно успѣшна. Именно въ 1400 году ходилъ противъ татаръ войною Великій Князь Рязанскій съ князьями Козельскимъ, Муромскимъ и Пронскимъ. Татаръ въ это время на Воро-

(16) Болховитиновъ: Ист. Геогр. и Экон. опис. Ворон. губ., стр. 11.

нежѣ не оказалось: они или перекочевали, или предпочли отретироваться, но Великій Князь настигъ ихъ на рѣкѣ Хопру, близъ Дона, и нанесъ имъ поражение; но эта побѣда, какъ и предшествовавшій ей (надъ половцами) не приносили ожидаемой пользы: послѣ каждаго подобнаго похода набѣги производились съ удвоенною силою.

Положеніе при-Донскаго края въ это время, какъ мы выше замѣтили, было довольно неопредѣленно. Будучи почти весь занятъ враждебными намъ силами, онъ тѣмъ не менѣе считался частью Руси. Такъ, напримѣръ, изъ договорныхъ взаимныхъ Граматъ Великаго Князя Іоанна Васильевича, сына его и братьевъ, съ Великимъ Княземъ Рязанскимъ, Иваномъ же Васильевичемъ, ⁽¹⁷⁾ писанныхъ въ 1484 году, явствуетъ, что отецъ ихъ Великій Князь Василій Васильевичъ (прозванный *Темнымъ* и княжившій съ 1425 года 1462 годъ) купилъ нѣкоторые мѣста въ верховьяхъ рѣки *Дона*, а по немъ вышеписанными взаимными Граматами въ 1483 году и разграничено во владѣніи такъ, чтобы Рязанскому Князю владѣть за Дономъ (отъ Московской стороны) городомъ Ивановымъ-Романцовымъ съ уѣздомъ и съ прилежащими къ тому мѣстами, а Московскому Великому Князю владѣть Ельцомъ и всѣми Елецкими мѣстами; но рѣку Мечу вѣдать обоимъ Князьямъ. Изъ этихъ Граматъ видно, что рѣка *Донъ*, начиная отъ рѣки Мечи, т. е. отъ города Ефремова, служила границею Московскому Великому Княжеству съ Рязанскимъ, а слѣдовательно *Воронежъ*, какъ за Дономъ отъ Московской стороны лежащій, оставался вмѣстѣ съ Романцовымъ или съ Романовымъ подъ Рязанскою областію. А по договорнымъ взаимнымъ Граматамъ Великаго Князя Іоанна Васильевича съ Рязанскимъ Княземъ Ѳеодоромъ Васильевичемъ, писаннымъ въ 1496 году, значится, что Великій Князь Московскій тогда уже вла-

(17) Тамъ-же, стр. 12.

19
30
61
21
19
48
3
20

дѣніе свое простирали далѣе Дона и даже на многіе города, бывшіе до того издавна Рязанскими, и имѣли участіе въ *Воронежѣ*.

Но насколько слаба была эта связь съ остальною Русью, можно видѣть изъ того, что при-Донской край наши предки называли *подемъ*, а подемъ, т.-е. *степью* они называли всѣ мѣста, по которымъ скитались степняки: хозары, печенѣги, половцы и др., хотя и нѣтъ сомнѣнія, что при-Донской край до нашествія степняковъ былъ населенъ Русскими и имѣлъ свои города и поселенія. Такой богатоодаренный природою край не могъ оставаться незамѣченнымъ, въ то время какъ на далѣкомъ сѣверѣ существовали уже города; но находясь на пути непрерывнаго потока всеуничтожающей дикой силы—степняковъ, онъ опустѣлъ: исчезли города, исчезло населеніе, за исключеніемъ тѣхъ немногихъ, коимъ занятія давали возможность скрываться въ непроходимыхъ при-Донскихъ лѣсахъ, каковы пчеловоды (бортники), рыбаки и звѣроловы. Съ этого момента нашъ когда-то цвѣтущій край превращается въ поле. Какъ поле же онъ и не имѣетъ своей исторіи, а становится театромъ, на которомъ въ продолженіе многихъ вѣковъ разыгрываются кровавыя событія той страны, отъ которой силою грустныхъ обстоятельствъ онъ былъ оторванъ. Причина же этихъ грустныхъ обстоятельствъ, по единогласному мнѣнію нашихъ историковъ, заключалась въ отсутствіи *единства* власти, вѣрнѣе—въ *удѣльной системѣ*, бывшей у насъ въ теченіе весьма продолжительнаго времени. Дѣло въ томъ, что хотя Великій Князь и считался старшимъ, но каждый удѣльный князь былъ независимый владѣтель своего участка; отсюда происходили междоусобія, благодаря которымъ въ критическую минуту Русь не могла соединиться въ одно цѣлое.

Безсиліе Руси вслѣдствіе непрестанныхъ междоусобій рѣзко бросалось въ глаза даже посѣщавшимъ

0 244736

Ворон жская областная
научная библиот ка
имени И. С. Никитина

ея иностранцамъ. Массуди, напимѣрь, говорить, что „Славяне были бы самымъ могущественнымъ народомъ въ мірѣ, если-бы не ихъ внутреннія усобицы (Les Slaves se composent de différentes peuplades qui se font la guerre: si la discorde ne régnait entre eux, aucune nation ne pourrait leur résister pour la force et l'audace). Почти тоже самое повторилъ черезъ сто лѣтъ другой арабскій историкъ аль-Бекри (Les Slaves sont une nation redoutable, puissante et impétueuse. S'ils n'eussent été divisés en un grand nombre des races et des tribus différents, aucune nation au monde ne leur eût tenu tête). ⁽¹⁸⁾ Не будь удѣльной системы, едва-ли бы степняки одолѣли Русь, страну сравнительно цивилизованную, благодаря долговременному вліянію Византіи, и дикія полчища кочевниковъ не выдержали бы стройнаго напора Россійскихъ войскъ, потому что понятія о правильномъ веденіи войны степняки не имѣли, а отличались только жестокостью и многочисленностью. И въ самомъ дѣлѣ, стоило только нѣсколькимъ удѣльнымъ князьямъ соединиться—и они шли на вѣрную побѣду, такъ что русскіе князья, видя идущіе на нихъ „аки борове“ многочисленные полки половецкіе, сами удивлялись легкости, съ какою они ихъ одолѣвали (въ 1111 году), преслѣдовали до самаго далекаго Лукоморья, т.-е. до Азовскаго моря и жестоко отплачивали за вытерпѣнные муки. Если-бы Великій Князь Московскій Іоаннъ Васильевичъ не уничтожилъ удѣльные княжества, татары бы еще долго хозяйничали у насъ и при-Донской край еще долго былъ бы *подемъ*. Но съ 1498 года особымъ уставомъ Іоанна Васильевича удѣльные княжества были уничтожены и вся Русь, мало по малу сплотилась въ одно Московское государство, въ составъ котораго вошелъ и нашъ, Воронежскій край, причисленный къ Рязанскому вѣдомству.

Хотя послѣ этого татарскіе набѣги еще долго продолжались и заселеніе при-Донскаго края вслѣд-

⁽¹⁸⁾ В. Ламанскій: „О Славянахъ въ Малой Азіи и т. д.“

16
30
61
21
19
4
3
20

ствіе того подвигалось крайне медленно впередъ, такъ что еще въ прошломъ столѣтіи лѣвая часть губерніи называлась *Ногайскою степью*, а правая *Крымскою стороною*, тѣмъ не менѣе, съ 1498 года начиная, въ исторіи при-Донскаго края наступаетъ новая эра, предсказывающая скорое проясненіе до толѣ мрачнаго горизонта. Мы подразумѣваемъ цѣлый рядъ мѣръ, предпринятыхъ Московскимъ правительствомъ къ освобожденію нашего края изъ рукъ варваровъ и къ возвращенію краю его славянскаго элемента, когда-то обитавшаго въ немъ. Повторяемъ: какъ ни темна первая исторія нашего края, но что славянскій элементъ издревле дѣйствительно населялъ при-Донской край подтверждается многими историческими источниками; даже и для XIV столѣтія существуютъ историческія указанія. Одно изъ этихъ указаній мы видимъ въ словахъ описателя хожденія митрополита Пимена въ Царьградъ, въ 1389 году. Вотъ какъ описываетъ онъ положеніе видѣннаго имъ при-Донскаго края: „Бысть же сіе путное шествіе печально и унынливо, бѣше бо пустыня зѣло всюду, не бѣбо видѣти тамо ничтоже, ни града, ни села; *аще бо и бываша древле грады красны* и нарочиты зѣло видѣніемъ мѣста, точію пусто жъ все и не населено; нигдѣ бо видѣти челоуѣка, точію пустыни велія и звѣріе множество.... (19)

При этомъ, необходимо замѣтить, что сейчасть описанная печальная картина разоренія и опустошенія, наведшая на описавшаго ея такое тяжелое впечатлѣніе, проходила предъ глазами его по берегамъ рѣки Дона, вдоль по теченію ея, начиная выше впаденія въ нее Мечи и Быстрой Сосны и за устья Медвѣдицы и Бѣлаго Яра; всѣ эти мѣстности онъ осматривалъ съ струга, плывя по Дону, т.-е. по тому же пути, который въ продолженіи многихъ вѣковъ служилъ, наравнѣ съ Днѣпромъ и Волгою, постояннымъ путемъ

(19) Болховитиновъ: Ист. Геогр. и Эк. опис. Вор. губ.

сообщенія Руси съ Югомъ и Юговостокомъ. Путь этотъ былъ хорошо извѣстенъ путешественникамъ, и въ свое время, т.-е. до появленія степняковъ, безъ сомнѣнн, весьма оживленъ. Если въ началѣ прошлаго столѣтн образованнѣйшія государства Европы не имѣли порядочныхъ сухопутныхъ дорогъ, то древняя чернoземная и покрытая безконечными дебрами Русь и подавно ихъ имѣть не могла; поэтому понятно, что Донъ, Днѣпръ и Волга, до замерзанія ихъ, составляли почти единственные пути сообщенія съ Югомъ и Юговостокомъ, *)—исторія представляетъ намъ достаточно тому доказательствъ, да и само хожденіе митрополита Пимена тоже самое подтверждаетъ. Плoдородные берега величественнаго Дона, по водамъ котораго то вверхъ, то внизъ, плавали торговые, а иногда и посольскіе струги, не могли оставаться на долго безлюдными, а напротивъ, что гораздо вѣроятнѣе, имѣли много такихъ прибрежныхъ населенныхъ пунктовъ, гдѣ путешественники могли запастись провизіею и прочими необходимыми припасами для продолжительнаго пути, а затѣмъ, въ послѣдствіи, благодаря благоприятному своему географическому положенію, селенія эти, естественно, должны были превратиться въ цвѣтушіе торговые города. Въ свою очередь, плававшіе по рѣкѣ Дону не могли не знать о существованіи этихъ городовъ, даже о разстояніи

*) Сухопутныя дороги, существовавшія внутри государства, обыкновенно мостились деревомъ; при всемъ томъ тяжелыя обозы шли преимущественно зимою. Какія это были дороги видно изъ письма Царя Алексѣя Михайловича къ стольнику Матюшкину: „А мы Великій Государь пришли въ Кубенское въ 12 день въ другомъ часу ночи, а изъ Кубенскаго пойдемъ противъ четвертагонадесять числа ночевать за Мажаескъ верстъ съ десять; а дорога та такова худа, какой мы отъ роду не видали, просовы великіе и выбои такіе великіе жъ, безъ пѣшихъ обережательныхъ никоими мѣрами нельзя розно разбиться.....“

16
30
6
21
19
4
3
20

между ними. Вотъ почему мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ Г. Второва, ⁽²⁰⁾ считающаго это правдоподобное описаніе *реторическою фразою*. Его въ особенности останавливаетъ выраженіе *красные города*: „Если въ самомъ средоточіи русской жизни не было тогда *красныхъ* городовъ“, говоритъ почтенный критикъ, *) „гдѣ же искать ихъ въ придонскихъ пустыняхъ“. Но дѣло въ томъ, что въ тѣ отдаленныя времена существовалъ другой взглядъ на *красоту* города, вполне отличный отъ *современнаго* взгляда и чтобы судить безпристрастно, необходимо мысленно перенестись въ отдаленныя времена митрополита Пимена, когда скромный еще взглядъ нашихъ предковъ видѣлъ *градъ* въ такомъ ничтожномъ селеніи, который мы нынѣ едва найдемъ приличнымъ назвать деревушкою, а по мнѣнію многихъ, градомъ даже называли всякое мѣсто, огороженное палисадомъ; если же благопріятное географическое положеніе ставило эти грады на бойкомъ торговомъ пути, то они, естественно, могли улучшаться настолько, чтобъ казаться путешественнику *красными*. Такими преимуществами очевидно легко могли пользоваться при-Донскіе города. Нѣтъ, не желаніе блеснуть *реторическою фразою*, а тяжелое впечатлѣніе отъ представлявшейся глазамъ его печальной картины страшныхъ опустошеній и всеобщаго разоренія заставило описателя вспомнить тѣ времена, когда здѣсь, въ этихъ безлюдныхъ мѣстахъ, кипѣла жизнь и берега величественнаго Дона оживляли *красные* города. Серьезный тонъ этого описанія исключаетъ всякое подозрѣніе въ намѣреніи его поразить

⁽²⁰⁾ Н. Второва: О заселеніи Ворон. губ. („Вор. Бесѣда“ 1861 г., стр. 248.)

*) И съ этимъ нельзя согласиться: такіе города какъ Кіевъ, Новгородъ, Москва и другіе не только на Руси считались *красными*, но, какъ извѣстно, и иностранцы признавали ихъ такими.

насть реторическими фразами. Г. Второвъ, по нашему мнѣнію, гораздо ближе къ истинѣ, когда онъ немного ранѣе высказываетъ догадку, что могли существовать хазарскіе и половецкіе или же русскіе города, впоследствии разоренные татарами ⁽²¹⁾.

Мы сейчасъ перейдемъ къ разсмотрѣнію другихъ историческихъ указаній на существованіе славянскаго населенія въ Воронежскомъ краѣ, здѣсь же только замѣтимъ, что селенія эти или города были вѣроятно русскіе какъ народа осѣдлаго, и во всякомъ случаѣ не половецкіе, потому что, какъ мы видѣли выше, половцы, ведя кочевую жизнь, не нуждались въ постоянныхъ городахъ. Мы даже думаемъ этимъ объяснить причину, почему набѣги этихъ хищниковъ были такъ опустошительны и такъ часто сопровождались полнымъ разрушеніемъ древне-русскихъ городовъ, а не ограничивались простымъ занятіемъ ихъ. Наконецъ, если-бы города эти принадлежали татарамъ, то въ періодѣ путешествія митрополита Пимена татары были еще въ такой силѣ, что ихъ города были бы вполне гарантированы отъ разоренія, а главное, — *русскій* путешественникъ едва ли бы такъ искренно сожалѣлъ о паденіи хотя бы и красныхъ городовъ, но принадлежащихъ заклятымъ врагамъ его отечества.....

Все это вмѣстѣ взятое, по нашему мнѣнію, вполне подтверждаетъ наше предположеніе, что Воронежскій край былъ населенъ русскими, или по крайней мѣрѣ, какимъ нибудь славянскимъ племенемъ еще задолго до возникновенія городовъ. Плато Карпини, около 1246 года проѣзжавшій землю Половецкую, говоря однажды о жестокости баскаковъ, замѣтилъ: „такъ они истребили великое число *Русскихъ, жившихъ въ*

⁽²¹⁾ Н. Второва: О заселеніи Ворон. губ. („Вор. Вѣсѣда“ 1861 г., стр. 248.)

16
30
6
21
19
4
3
20

земль *Половецкой*“ ⁽²²⁾. Второе, весьма вѣское доказательство—это грамоты митрополитовъ Теофнота (1334—1353) и Алексѣя (около 1360 г.) посланныя къ *жившимъ* въ предѣлѣ *Червленнаго Яру* ⁽²³⁾, т.-е. въ при-Донскомъ краѣ, христіанамъ; слѣдовательно, что весьма важно, здѣсь мы имѣемъ несомнѣнное доказательство существованія въ при-Донскомъ краѣ, въ началѣ XIV столѣтія, *православныхъ христіанъ*, селенія которыхъ существовали еще по берегамъ рѣки Дона лѣтъ за 30—50 до путешествія митрополита Пимена.

Существуютъ еще и другія историческія указанія на то, что славянскія племена до появленія кочевниковъ не только обитали въ Воронежскомъ краѣ и до самыхъ береговъ Азовскаго, Чернаго и Адриатическаго морей, но почти по всей Европѣ въ Малой Азіи и Африкѣ; но такъ какъ подробное разсмотрѣніе этого вопроса не входитъ въ программу нашего историческаго очерка, то интересующихся имъ мы отсылаемъ къ прекрасному труду В. Ламанскаго: „О славянахъ въ Малой Азіи, въ Африкѣ и въ Испаніи“. Здѣсь же разсмотримъ ихъ настолько, насколько это необходимо намъ для выясненія вопроса о происхожденіи *казачества* вообще и Донскаго въ особенности; вопросъ, тѣсно связанный съ дальнѣйшимъ теченіемъ событій въ исторіи Воронежскаго края, въ тоже время до крайности затемненный разными источниками, діаметрально противоположными и взаимно опровергающимися....

Первая исторія казачества, и безъ того темная превращается въ настоящій лабиринтъ, коль скоро коснемся въ разъ нѣсколькихъ источниковъ ея. По одному изъ такихъ источниковъ казаки произошли отъ какого-то неизвѣстнаго намъ татарскаго племе-

⁽²²⁾ В. Ламанскій. О Славянахъ въ Малой Азіи и т. д. стр. 66.

⁽²³⁾ Болховитиновъ. Ист. Геогр. и Экон. оп. Вор. губ.

ни, по другому, они выходцы изъ Кавказа, по третьему они остатки половцевъ и монголовъ, по четвертому они потомки каракалпакъ (Черныхъ Клобуковъ) по пятому казачество составилось исключительно изъ бѣглыхъ русскихъ, почему-либо оставившихъ свое отечество, и т. д.

Для разъясненія этого темнаго, но важнаго для насъ вопроса, вернемся немного назадъ.

Мы видѣли какъ хозары, разбивъ и прогнавъ приволжскихъ болгаръ, заняли ихъ мѣста и жили независимо до появленія болѣе дикаго и менѣе организованнаго племени печенѣговъ. Находясь подъ вліяніемъ—съ сѣвера Руси, а съ юга Арабовъ и Византіи, хозары постепенно просвѣщались и доразвились до осѣдлаго образа жизни, образовавъ на юго-востоку правильно организованное царство и занявшись главнымъ образомъ торговлею. Разбитые затѣмъ печенѣгами, хозары обратились къ Великому Князю Владиміру Мономаху съ просьбою разрѣшить имъ селиться и торговать по разнымъ городамъ Руси. Просьба ихъ, какъ мы видѣли, была уважена и хозары, какъ народъ торговый, поселились по торговымъ городамъ и по дорогамъ къ нимъ ведущимъ. Въ числѣ послѣднихъ особенный важный пунктъ представляло нижнее теченіе рѣки Воронежа и вообще та мѣстность, гдѣ эта рѣка впадаетъ въ Донъ. Здѣсь хозары устроили свои города, теченіемъ времени сдѣлавшіеся торговыми центрами, куда стекались для торговыхъ операцій купцы русскіе, татарскіе и другіе. Одинъ изъ подобныхъ городковъ могъ носить названіе Воронежа, могъ и уцѣлѣть во время набѣговъ татаръ, потому что хозары-купцы были достаточно богаты, чтобы откупиться, а хищникамъ могло показаться болѣе выгоднымъ получать постоянную дань, нежели разорить этотъ городъ въ одинъ набѣгъ. Такъ или иначе, но въ исторіи нашего края существуютъ несомнѣнные указанія на то, что въ то

16
30
6
21
19
4
3
20

время по нижнему теченію рѣки Воронежа находились *Козарскіе городки*. Эти-то козарскіе городки, какъ увидимъ далѣе, ввели въ заблужденіе многихъ изслѣдователей нашего края и подали поводъ къ предположенію, что городъ Воронежъ существовалъ до 1586 года, какъ *русскій* городъ (*). Дальнѣйшая судьба хозаръ нашего края намъ неизвѣстна. Предположить можно, что они, тревожимые козаками, или кѣмъ либо другимъ, переселились внутрь страны, гдѣ и слились окончательно съ остальнымъ населеніемъ....

Печенѣги заступили мѣсто хазаръ, но—только какъ хищники, и такими они повидимому остались до конца своего независимаго существованія ⁽²¹⁾: со-

(*) Вблизи Воронежа есть нѣсколько мѣстъ, носящихъ названіе „козарскія городища“, а городищемъ называютъ то мѣсто, гдѣ существовалъ городъ.

⁽²¹⁾ Интересны отношенія Великаго Князя Киевскаго Владимира къ печенѣгамъ. Нѣмецкій миссіонеръ Брунонь Кверфуртскій, бывшій у печенѣговъ въ 1007 году, рассказываетъ: „Мы направили путь къ жесточайшимъ изъ всѣхъ язычникамъ,—Печенѣгамъ. Князь Руссовъ, имѣющій обширныя владѣнія и большія богатства, удерживалъ меня мѣсяцъ, стараясь убѣдить, чтобъ я не шелъ къ такому дикому народу, среди котораго, по его мнѣнію, я не могъ снискать душъ Господу, но только умереть самымъ постыднымъ образомъ. Не могли убѣдить меня, онъ пошелъ провожать меня самъ до границъ, которыя онъ оградилъ отъ кочевниковъ самымъ крѣпкимъ частоколомъ на очень большое пространство. Когда мы вышли за ворота, князь послалъ старшину своего къ намъ съ такими словами: „Я довелъ тебя до мѣста, гдѣ кончается моя земля, начинается непріятельская. Ради Бога прошу тебя не погубить, *къ моему безчестію*, жизнь свою понапрасну. Знаю, завтра прежде третьяго часа, безъ пользы, безъ причины, вкусишь ты горькую смерть“. (Брунонь говоритъ, что Владиміръ имѣлъ какое то видѣніе).—Брунонь пять мѣсяцевъ пробылъ у Печенѣговъ, едва не погибъ, но успѣлъ крестить 30 человекъ и скло-

сѣдство цивилизованнаго народа ничуть на нихъ не повліяло; но разбитые на голову и разсѣянные половцами, часть ихъ обратилась къ Великому Князю Владиміру съ тѣмъ же ходатайствомъ, какъ и хозары. Благоразуміе, вѣроятно, требовало поселить ихъ на окраинѣ государства, а не въ центрѣ его; не только во избѣжаніе безпорядковъ, но и потому, что изъ нихъ въ послѣдствіи могла образоваться хорошая пограничная стража.

Тоже самое могло случиться и съ побѣдителями печенѣговъ—съ половцами, когда полчища ихъ въ свою очередь были разсѣяны татарами. Часть ихъ ушла въ Венгрію, но другая осталась, и по примѣру хозаръ и печенѣговъ, предложила свои услуги Великому Князю Руси. Подобно печенѣгамъ, и половцы, — никуда не годные граждане, — давали прекрасный контингентъ воиновъ для защиты границъ. Русскіе князья могли въ томъ убѣдиться еще въ то время, когда они водили этихъ хищниковъ другъ на друга... Незамѣтно и постепенно подвергались они вліянію Руси и православная Церковь, высылая къ нимъ въ степь дѣятельныхъ миссіонеровъ, много содѣйствовала сліянію ихъ съ остальнымъ народомъ. Полагаютъ, что изъ нихъ составилось ядро малорусскихъ казаковъ. Они поселились по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, вдоль границъ Кіевскихъ, Переяславскихъ и Черниговскихъ и каждый родъ назывался именемъ своего родоначальника (Берендичи, Бастѣва чадь и др.) ⁽²³⁾

Такимъ образомъ объясняютъ нѣкоторые историки происхожденіе малорусскихъ казаковъ. Но спраши-

нить старшинъ Печенѣжскихъ къ миру съ Русью. Когда онъ возвратился въ Кіевъ, то Владиміръ, по его просьбѣ, отправилъ къ Печенѣгамъ сына въ заложники, и вмѣстѣ съ этимъ княземъ отправился епископъ, посвященный Брунонъ. Участь его намъ неизвѣстна.

⁽²³⁾ Ист. Госуд. Рос.

вается когда появились донскіе казаки? Появленіе донскаго казачества исторія объясняетъ намъ нѣсколько иначе. По мнѣнію Костомарова, казачество возникло въ то время, когда единоедержавіе начала торжествовать надъ удѣльною стихіею; что оно было противодѣйствіемъ стараго новому. Ряды казачества наполнялись тѣми, кто не уживался въ обществѣ, для кого не по натурѣ были его узы. Русскій міръ былъ уже раздѣленъ на два государства—Москву и Литву; въ обѣихъ половинахъ явилось казачество (донское и днѣпровское). Тогда какъ въ Южной Руси заложилось славное Запорожье и разлило изъ себя духъ казачества по всей Украинѣ, одинакія событія произвели наплывъ народа съ сѣвера на Донъ. Украина подала помощь этому обществу и населяла берега Дона своими дѣтьми. Какъ ни темна первая исторія донскаго казачества, но что малороссійская народность участвовала въ его закладкѣ и воспитаніи, это, лучше всякихъ историческихъ памятниковъ, доказываетъ нынѣшній языкъ донскихъ казаковъ, составляющій среднее нарѣчіе между малороссійскимъ и великорусскимъ языками. По мнѣнію Татищева, ⁽²⁶⁾ начало донскому казачеству положено Великимъ Княземъ Іоанномъ Васильевичемъ. Стремясь къ уничтоженію дикихъ ордъ кочевниковъ-татаръ, довольно еще многочисленныхъ въ тѣ времена въ Донскихъ степяхъ, Іоаннъ Васильевичъ задумалъ усилить въ нашемъ краѣ русскій элементъ. Послѣдній состоялъ (въ описываемую эпоху изъ бѣглецовъ, ушедшихъ изъ Россіи на Донъ по разнымъ причинамъ,—они то и составили ядро будущаго донскаго казачества. Ихъ удачные схватки съ ордынскими хищниками, отличавшіяся бѣшенною отвагою, навели Іоанна Васильевича на мысль образовать изъ нихъ грозную военную силу, съ которою считается татарамъ уже не легко будетъ. И вотъ съ этою цѣлью были выселены въ 1487 году, *Касимовскіе* и

(26) Сл. геогр. А. Щ. ст. Донская степь.

Мещерскіе казаки на Донъ къ жившимъ уже тамъ въ значительномъ числѣ, а для ослабленія татарскаго элемента, кочевавшихъ по Дону ногайскихъ татаръ переселили въ *Мещеру*.

Если это такъ, то донское казачество значитъ возникло ровно за сто лѣтъ до построенія города Воронежа. Ряды нашего донскаго казачества постоянно пополнялись, какъ увидимъ далѣе, бѣглыми русскими и добровольными переселенцами, которые стекались партіями въ нашъ край и селились по берегамъ Дона, Воронежа, Хопра, а позднѣе и прочихъ рѣкъ, и которые были воодушевлены желаніемъ, столь прирожденнымъ Русскому, „новыхъ земель отыскивать“ и „пустую землю въ живущую полнити“.

Однако донское казачество не представляетъ собою одноплеменной массы; напротивъ, существуютъ неопровержимыя доказательства, что въ составъ нашего донскаго казачества частью вошли кавказскіе черкесы. Такъ, на примѣръ, изъ отечественныхъ лѣтописей извѣстно намъ, что въ 1552 году пріѣзжали къ царю Іоанну Васильевичу Черкесскіе князья Маушукъ, да князь Иванъ Ензбозлуковъ, да Танашукъ, *чтобы Государь вступился съ нихъ, а ихъ съ землями взялъ къ себѣ въ холопы, и отъ Крымскаго оборонилъ*. Въ 1555 году пріѣзжали Черкасскіе государи, а людей съ ними полтора ста, *приняли у насъ крещеніе и били челомъ, чтобы Государь далъ имъ помощь на Турского города и Азовъ и на Крымскаго, а они холопы его*; государевъ посолъ Андрей Щепетовъ сказалъ про нихъ, что „они дали правду всею землею“.

Въ 1557 году пріѣхали служить Государю два Черкасскихъ князя, и проч.

Въ томъ же 1557 году „прислалъ И. Черемисинъ Васку Вражескаго съ Черкасскимъ мурзою съ Калычемъ, отъ Кабартынскихъ князей и черкасскихъ, чтобы Государь велѣлъ имъ собѣ служить, а на

Шавкаль бы помочь учинить Астороханскимъ воеводамъ“.

Въ 1558 году прїѣзжали „изъ Черкасъ изъ Кабарды большого князя дѣти Темрюковы“⁽²⁷⁾.

Въ 1559 году *прїѣхалъ съ Дону К. Дм. Ив. Вишневецкій, а съ нимъ Чюракъ мурза Черкасской и былъ челомъ отъ всѣхъ Черкасъ, чтобъ ихъ Государь пожаловалъ.*, далъ бы имъ воеводу своего, К. Д. Вишневецкаго, а съ нимъ князей Черкасскихъ, да К. Василья Сибока съ братьею, и *поповъ крестьянскихъ, а велѣлъ ихъ крестити по ихъ обещанью и по ихъ челолюбью....*

По челобитью Кабардинскихъ князей и по неправдамъ Шавкаловыхъ, отпустилъ (Царь) воеводу Ивана Семеновича Черемисинова съ товарищи на Шавкаль и на Тюмень, а съ Иваномъ *отпустилъ поны христианскіе крестити Кабардинскихъ Черкасъ*⁽²⁸⁾.

Герберштейнъ упоминаетъ о Пятигорскихъ черкесахъ, жившихъ у Чернаго моря (Circasi Quinquemontani ad Pontum). Онъ пишетъ объ нихъ, что они говорятъ на славянскомъ языкѣ, а вольные Черкессы, живущіе на восточномъ берегу Чернаго моря, не признаютъ ни турецкой, ни татарской властей, плаваютъ по Черному морю и грабятъ турецкія суда. *Они исповѣдуютъ греческую вѣру, и Богослужбный языкъ ихъ славянской.*

Поссевинъ, бывшій въ Москвѣ года за четыре до построения Воронежа, также называетъ черкесовъ *христианами Греческой вѣры.*

Сопоставляя слова Поссевина и Герберштейна съ просьбою Черкессовъ у Царя Іоанна Васильевича о посылкѣ къ нимъ православныхъ священниковъ,

⁽²⁷⁾ Ист. Гос. Рос. VIII, прим. 416.

⁽²⁸⁾ Тамъ-же прим. 566.

мы видимъ какимъ образомъ кавказскіе черкессы частью вошли въ составъ донскаго казачества.

Сдѣлавъ это маленькое отступленіе, наше терпѣніе вознаградилось: мы можемъ теперь себѣ составить приблизительно вѣрное понятіе о происхожденіи нашего донскаго казачества, какъ первоначальнаго населенія при-Донскаго края.

Ядро этого казачества должны считаться принявшіе русское подданство и обрусѣвшіе кочевники: печенѣги, половцы и другія татарскія племена. Съ тринадцатаго столѣтія ядро это увеличивается вслѣдствіе присоединенія бѣглыхъ изъ Руси. Въ XV столѣтіи московское правительство само содѣйствуетъ увеличенію его устройствомъ сторожевыхъ пунктовъ, куда оно выселяетъ значительно число будущихъ казаковъ. Въ XVI столѣтіи донское казачество особенно сильно увеличилось во 1.) присоединеніемъ къ нимъ кабардинскихъ и другихъ Черкассовъ, во 2.) вслѣдствіе того, что по распоряженію Московскаго правительства, всякій бѣжавшій на Донъ преступникъ, если онъ тамъ поселится, освобождается отъ наказанія, во 3.) убѣжавшими на Донъ отъ повинностей, 4.) вслѣдствіе распоряженія Годунова о прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ. Последнее обстоятельство, если не ошибаемся, наиболѣе содѣйствовало усиленію казачества и 5.) присоединеніемъ къ донскимъ днѣпровскихъ казаковъ. Вслѣдствіи, какъ увидимъ далѣе, прибавилась еще много раскольниковъ. Въ мѣнѣе значительномъ количествѣ вошли въ составъ донскаго казачества литовцы, поляки, шведы, латыши и эсты и др. поселенные здѣсь какъ полонняники во время войнъ съ Польшею и за Ливонію.

Несмотря на разноплеменность состава Донскаго казачества оно скоро оправдало надежду Московскаго правительства и дѣйствительно сдѣлалось грозою для ордынскихъ хищниковъ.

По мѣрѣ того какъ росло и развивалось донское казачество, стали мѣняться роли, и татары—разбой-

ники и притѣснители превратились въ притѣсняемыхъ. Уже въ 1549 году въ грамотѣ на имя Государя Царя и Великаго Князя Іоанна Васильевича ⁽²⁹⁾ жаловался татарскій князь Юсуфъ на донскихъ казаковъ: „на Дону стоятъ де Русскіе разбойники и ногайскихъ купцовъ, ѣздившихъ на границу къ Россіи для торговъ, грабятъ“. Московское правительство очевидно не нашло необходимымъ объяснить татарамъ настоящее значеніе казачества и поэтому отвѣчало въ томъ же духѣ: „Сіи разбойники“, писалъ Царь татарскому князю въ отвѣтъ на его грамоту „живутъ на Дону безъ моего вѣдома и отъ меня де бѣгаютъ; что я напередъ сего посылалъ ихъ перемати, но посланные добыти ихъ не могутъ....“ Но на самомъ дѣлѣ Донскіе казаки едва-ли поступали самовольно, а дѣйствовали, по всей вѣроятности, по приказанію Московскаго правительства; мы видимъ тому доказательство въ слѣдующемъ фактѣ. Когда турецкое войско, въ 1569 году, явилось подъ Астрахань на помощь татарамъ, съ цѣлью помочь имъ возвратитъ завоеванныя Русью Казанское и Астраханское царства, то, по Царскому велѣнію, двинулся съ Днѣпра противъ турокъ отрядъ, состоявшій изъ 5000 *запорожскихъ* казаковъ подъ предводительствомъ князя Михайлы Вишневецкаго. Завязался бой, и турки были разбиты; послѣ чего почти весь отрядъ Вишневецкаго остался на Дону и, согласившись съ мѣстными казаками, построили городъ *въ 60 всего верстахъ отъ турецкаго города Азова*, который былъ ими названъ въ память бывшаго у Запорожцевъ города на Днѣпрѣ—Черкасскомъ (*).

(29) Ист. Гос. Россійск. Карамз.

*) Замѣчательная смѣлость, доходящая до дерзости, въ особенности если вспомнимъ, что это случилось въ XVI столѣтіи, когда Турція находилась на высотѣ своего могущества и сильнѣйшія государства Европы трепетали предъ нею и искали ея дружбы!

Безпрекословное исполненіе повелѣнія Московскаго правительства, заставившаго 5000 человекъ идти въ бой, а затѣмъ тотъ фактъ, что они поселились на Дону очевидно тоже, по волѣ Правительства, (иначе они бы были наказаны) ясно говоритъ за то, что слово „разбойники“ въ отвѣтной грамотѣ помѣщено здѣсь изъ политическихъ соображеній. Не думаемъ, чтобы Московское правительство особенно искренно огорчалось разореніемъ хищниковъ—татаръ, столько вѣковъ разорявшихъ тогдашнюю Русь....

Вообще въ сношеніяхъ своихъ съ Турціею и Крымомъ Московское Правительство постоянно называло казаковъ „разбойниками“, бѣглыми людьми“, ибо этимъ путемъ оно слагало съ себя всякую отвѣтственность за опустошенія и грабежи казаками крымскихъ улусовъ и турецкихъ городовъ. Турція и Крымъ не особенно этому вѣрили, но не имѣя ясныхъ, подкрѣпляющихъ ихъ обвиненіе, доказательствъ, ограничивались подобными же уловками. Ворвавшись внезапно въ предѣлы Руси и опустошивъ цѣлую область, ханъ отговаривался незнаніемъ: „Калга-де безъ меня ходилъ“. Московское Правительство вполнѣ сознавало, что лучшею мѣрою избавить себя отъ этихъ набѣговъ было бы уничтоженіе крымской орды, оно даже не считало это особенно труднымъ; но дѣло въ томъ, что за спиною крымскихъ хищниковъ стоялъ во всеоружіи Турецкій султанъ, съ которымъ бороться разоренной неокрѣпшей еще Руси было далеко не по силамъ. Этимъ объясняются также, почему Московское Правительство отказалось принять Азовъ, завоеванный донскими казаками въ одинъ изъ многочисленныхъ набѣговъ ихъ на Югъ, а велѣло имъ возвратиться обратно. Казаки, правда, не ослушались, но уходя, не вытерпѣли—разрушили его до основанія. Послѣ этого послѣдовало обычное объясненіе нашего посла, что де „разбойники, живущіе на Дону“ и т. д., но милость, оказанная казакамъ послѣ этого замѣчательнаго, въ военномъ отношеніи, дѣла, не согласовалась

съ объясненіями нашего посла. Оффиціальное признаніе казаковъ вѣрноподанными, дѣйствующими по волѣ Правительства, было бы равносильно объявленію войны тогда еще могущественной Турціи, а это, какъ мы видѣли, было бы преждевременно. Но съ другой стороны Московское Правительство оставляла безъ вниманія безпрестанныя требованія Турціи свести съ Дону казаковъ. Рискавъ запутать свои отношенія къ Турціи, Московское Правительство не только на это не соглашалось, но въ концѣ XVI столѣтія стало приглашать литовскихъ казаковъ селиться въ при-Донскомъ краѣ, которые, какъ увидимъ далѣе, не оставили безъ вниманія это приглашеніе....

Съ этого момента донскіе и азовскіе казаки все болѣе и болѣе приобрѣтають силы и значеніе. Отважные до самозабвенія, они преслѣдовали хищниковъ до самыхъ жилищъ, врывались и грабили улусы и всячески ихъ донимали, жестоко отплачивая за страданія Руси. Дошло наконецъ до того, что посланникъ нашъ Петръ Тургеневъ доносилъ, въ 1551 году Іоанну Васильевичу изъ Ногайскихъ Улусовъ ⁽³⁰⁾: „прислалъ Турецкой царь къ Исмаилъ мирзѣ посла сее весны, съ тѣмъ: въ нашихъ-де въ бусурманскихъ книгахъ пишется, что тѣ лѣта пришли, что Русскаго Царя Ивана рука надъ бусурманы высока; уже-де и мнѣ отнево обида великая: поле де все да и рѣки у меня поотымалъ, да и Донъ отнялъ, да и Азовъ городъ пусть у меня доспѣлъ; поотымалъ всю волю въ Азовѣ. *Казаки его съ Азова оброкъ емлютъ, и воды изъ Дону пити не дадутъ*“....

Неожиданными благодѣтелями, хотя быть можетъ и-безсознательно, являются намъ въ эту эпоху наши казаки—эти борцы за цивилизацію, за исторію, и объ ихъ отчаянную отвагу сокрушился вѣковой напоръ степнаго моря. Какъ Русь въ отношеніи остальной Европы,

(30) Ист. Гос. Рос. VIII Прим. 254.

такъ казачество въ отношеніи Россіи былъ въ нашихъ степяхъ передовымъ постомъ цивилизаціи, въ державшимъ степной напоръ. Безпрерывная, непримиримая борьба съ варварами, закончившаяся въ дѣйствительности лишь въ концѣ прошлаго столѣтія, въ 1783-мъ году, т. е. съ присоединеніемъ Крыма....

Жилища донскихъ казаковъ въ самомъ началѣ были только по рѣкѣ Дону, а затѣмъ они были разселены *станицами* и *слободами* по рѣкамъ Донцу, Хопру, Медвѣдицѣ, Вузулуку, Илавлѣ, Салѣ и Манычу.

Донскіе казаки, подражая Запорожскимъ, сначала не обзаводились семействами, и отличались непоколебимою преданностью престолу. Отдѣльныя „шалости“ ихъ не имѣли политическаго характера, а вызывались нуждою, необходимостью, чѣмъ нибудь существовать, когда прямые источники существованія временно изсякали. Особенно замѣчательна одна изъ подобныхъ „шалостей“, случившаяся въ 1577 году, по ея послѣдствіямъ. Донскіе казаки ограбили персидскій купеческій караванъ и пословъ. Царь Іоаннъ Васильевичъ, собиравшійся заключить съ Персіею выгодный для Россіи торговый союзъ, разсердился на такъ не кстати накуралесившихъ донскихъ казаковъ и отправилъ сухимъ путемъ и водою для поиска надъ ними боярина Ивана Мурашкина съ войскомъ. Ермакъ Тимоѣевъ, атаманъ грабившаго шеститысячнаго отряда донскихъ казаковъ, испугавшись предстоявшаго наказанія, бросился чрезъ Каму и Чусовую въ Сибирь, разбилъ и прогналъ татарскаго хана Кучума, завоевалъ всю страну и—добился прощенья.

Въ 1579 году донскіе казаки уже участвовали, какъ часть Русской арміи, въ *Лифляндскомъ* походѣ, гдѣ ихъ было 3000 человекъ, за что Царь Іоаннъ Васильевичъ наградилъ ихъ жалованьемъ.

Между тѣмъ набѣги хищниковъ не прекращались. Необходимо было принять болѣе серьезныя мѣры къ прекращенію безпрестанныхъ нападеній, безъ чего колонизація при-Донскаго края была немыслима.

Уже давно Московскія сторо́жи, сторожевые отряды или станицы разѣзжали по разнымъ направленіямъ въ степи и стояли въ опредѣленныхъ мѣстахъ, наблюдая за Татарами ⁽³¹⁾; при Іоаннѣ IV Московскія сторо́жи начали сталкиваться съ Литовскими на Днѣпрѣ. Во второй половинѣ царствованія, обративши все вниманіе на западъ, Іоаннъ тѣмъ болѣе долженъ былъ хлопотать, чтобъ южная граница была защищена, чтобъ Крымцы не могли явиться у Оки безвѣстно. Съ этою цѣлію, въ Январѣ 1571 года, государь приказалъ боярину своему, князю Михайлѣ Ивановичу Воротынскому, вѣдать станицы, сторо́жи и всякія свои государевы польскія службы. Воротынскій говорилъ государевымъ словомъ въ Разрядѣ дьякамъ, что ему велѣлъ государь вѣдать и построить станицы и сторо́жи, и велѣлъ доискаться станичныхъ прежнихъ списковъ; въ города Путивль, Тулу, Рязань, Мещеру, въ другіе украинные города и къ Сѣверу велѣлъ послать грамоты по дѣтей боярскихъ, по письменныхъ по станичныхъ головъ, и по ихъ товарищей станичниковъ, и по станичныхъ вожей и по сторожей, которые ѣздить изъ Путивля, изъ Тулы, Рязани, Мещеры, изъ Сѣверной страны въ станицахъ на поле къ разнымъ урочищамъ, и которые прежде ѣзжали лѣтъ за десять и пятнадцать, велѣлъ имъ всѣмъ быть въ Москву. Когда они пріѣхали, то государь приказалъ князю Воротынскому *сидѣть* (заняться) о станицахъ, сторожахъ и всякихъ польскихъ (степныхъ) службахъ, станичныхъ головъ, станичниковъ и вожей спрашивать, и спрося, расписать подлинно порознь: изъ котораго города, по ко-

(31) Исторія Россіи, V, 216.

торымъ мѣстамъ и до какихъ мѣстъ пригоже станицамъ ѣздить, и въ какихъ мѣстахъ сторожамъ на сторожахъ стоять, и до какихъ мѣстъ на которую сторону отъ которой сторожи разѣздамъ быть; и въ которыхъ мѣстахъ на полѣ головамъ стоять для береженія отъ приходу воинскихъ людей; и изъ которыхъ городовъ и по сколько человѣкъ, съ которымъ головою и какимъ людямъ на государевой службѣ быть?—Чтобъ государю про приходъ воинскихъ людей быть не безвѣстну, и воинскіе люди на государевы украинны безвѣстно не приходили.

Послѣ разспросовъ, князь Воротынский приговорилъ съ дѣтьми боярскими, съ станичными головами и станичниками о Путивльскихъ, Тульскихъ, Рязанскихъ и Мещерскихъ станицахъ, и о всѣхъ украинныхъ дальнихъ и ближнихъ мѣсячныхъ сторожахъ и сторожкахъ, изъ котораго города къ которому урочищу станичникамъ податнѣе и прибыльнѣе ѣздить, и на которыхъ сторожахъ и изъ которыхъ городовъ и по сколько человѣкъ сторожей на которой сторожѣ ставить. А станичникамъ бы къ своимъ урочищамъ ѣздить и сторожамъ на сторожахъ стоять въ тѣхъ мѣстахъ, которыя были бы усторожливы, гдѣ бы имъ воинскихъ людей можно было усмотрѣть. Стоять сторожамъ на сторожахъ, съ коней не саживаясь, попеременно, и ѣздить по урочищамъ попеременно же, направо и налево, по два человѣка, по наказамъ, какіе будутъ даны отъ воеводъ. Становъ имъ не дѣлать, огонь раскладывать не въ одномъ мѣстѣ, когда нужно будетъ кому пищу сварить, и тогда огня въ одномъ мѣстѣ не раскладывать дважды; въ которомъ мѣстѣ кто подневалъ, тамъ не ночевать; въ лѣсахъ не останавливаться, останавливаться въ такихъ мѣстахъ, гдѣ было бы усторожливо. Если станичники или сторожа подстерегутъ воинскихъ людей, то посылаютъ своихъ товарищей съ этими вѣстями въ ближайшіе украинскіе города, а

сами позади непріятеля ѣдутъ на сакмы (дороги, слѣды), по сакмамъ и по станамъ людей смѣчать, и поѣздивъ по сакмамъ и смѣтивъ людей, съ тѣми вѣстями въ другой разъ отсылають товарищей въ тѣ же города; новые посланные ѣдутъ направо или налѣво, которыми дорогами поближе, чтобъ въ украинскіе города вѣсть была раньше, не передъ самымъ приходомъ непріятеля; а самимъ имъ ѣхать за непріятелемъ сакмою, а гдѣ и не сакмою, какъ пригоже, покинувъ сакму направо или налѣво, ѣздитъ бережно и усторожливо, и того беречь накрѣпко: на которыя украинны воинскіе люди пойдутъ, и имъ про то развѣдавши вѣрно, самимъ съ вѣстями подлинными спѣшить къ тѣмъ городамъ, на которые непріятель пойдетъ. Если станичники завидятъ воинскихъ людей на дальнихъ урочищахъ, то имъ посылать посылки по три или по четыре, или сколько будетъ пригоже, посмотря по людямъ и по дѣлу, отъ которыхъ мѣсть пригоже, а не отъ одного мѣста, чтобъ провѣдавъ подлинно про непріятеля, на какія мѣста онъ идетъ, самимъ съ подлинными вѣстями спѣшить на скоро въ тѣ города, на которые пойдетъ непріятель. А не бывъ на сакмѣ и не смѣнивъ людей и не довѣдавшись до пряма, на которыя мѣста воинскіе люди пойдутъ, станищикамъ и сторожамъ съ важными вѣстями не ѣздитъ, и сторожамъ, не дождавшись на сторожахъ себѣ перемѣны, съ сторожъ не съѣзжать. А которые сторожа, не дождавшись смѣны, съ сторожи сойдутъ, и въ то время государевымъ украинцамъ отъ воинскихъ людей учинится война: тѣмъ сторожамъ отъ государя быть казненнымъ смертию. Которые сторожа на сторожахъ лишніе дни за срокомъ перестоятъ, а ихъ товарищи на смѣну въ тѣ дни къ нимъ не пріѣдутъ, то брать первымъ на послѣднихъ по полуполтинѣ на человѣка на день. Если воеводы или головы пошлють кого наблюдать за станичками и сторожами на урочищахъ и на сторожахъ, и посланные найдутъ, что они стоятъ небрежно и не-

усторожливо и до урочищъ не доѣзжаютъ, то хотя бы приходу воинскихъ людей и не ждали, тѣхъ станичниковъ и сторожей за то бить кнутомъ. Воеводамъ и головамъ смотрѣть накрѣпко, чтобъ у сторожей лошади были добрыя, и ѣздили бы на сторожки о двухъ коняхъ, чтобъ можно было, увидавши неприятеля, уѣхать. У кого изъ станичниковъ и сторожей лошади будутъ худы, а случится посылка скорая, и подъ тѣхъ сторожей велѣтъ доправить лошадей на ихъ головахъ; а если надобно вскорѣ и доправить некогда, то воеводамъ велѣтъ брать лошадей добрыхъ у ихъ головъ, а не будетъ у головъ столько лошадей, то воеводамъ брать по оцѣнкѣ лошадей добрыхъ у полчанъ своихъ, а на головахъ брать найму на всякую лошадь по 4 алтына съ деньгою на день и отдавать деньги тѣмъ людямъ, у которыхъ взяты лошади.

Ѣздить станицамъ изъ Путивля или изъ Рыльска: первой станицѣ ѣхать на поле съ весны 1-го Апрѣля, второй 15-го, третьей 1-го Мая, четвертой 15-го и т. д., осмой станицѣ 15-го Юля; потомъ въ другой разъ первой станицѣ ѣхать 1-го Августа и т. д.; послѣдній выѣздъ 15-го Ноября. Если же надобно будетъ еще ѣздить станицамъ, снѣга не нападутъ (снѣги не укунуть), то станичниковъ посылать и позднѣе 15 Ноября по расчету; посылать по двѣ станицы на мѣсяцъ, межъ станицы пропуская по двѣ недѣли съ днемъ.

Для разъѣздовъ употреблялись дѣти боярскіе, посадскіе люди, козаки и наемные жители Сѣверской украины или Севрюки; но потомъ приговорили послѣднихъ отставить, потому: стоятъ на сторожахъ неусторожливо, воинскіе люди на украины приходятъ безвѣстно, а они того не видятъ, вѣсти отъ нихъ прямой никогда не бываетъ, а пріѣзжаютъ съ вѣстями ложными. Изъ Путивля и Рыльска на Донецкихъ сторожахъ стерегли дѣти боярскіе, Путивльцы

и Рыляне; съ помѣстій и изъ денежнаго жалованья. Кромѣ Донецкихъ сторожъ, на ближнихъ Путивльскихъ и Рыльскихъ, смѣсныхъ и несмѣсныхъ сторожахъ стерегли съ посадовъ посадскіе люди, равно какъ изъ Новгорода Сѣверскаго на смѣсной Путивльской сторожѣ. Изъ Мценска и Корачева, на смѣсныхъ и несмѣсныхъ сторожахъ стерегли дѣти боярскіе Мценяне и Корачевцы съ помѣстій и изъ денежнаго жалованья. На Орельскихъ, Новосильскихъ, Дѣдиловскихъ, Донковскихъ, Елифанскихъ, Шацкихъ, Рязскихъ сторожахъ стерегли козаки съ земель и изъ денежнаго жалованья. На Кадомскихъ и Темниковскихъ сторожахъ стерегли Татары и Мордва съ земель Кадомскихъ и Темниковскихъ. На Алаторскихъ сторожахъ стерегли козаки. Послѣ приговорили также ставить на сторожу по шести человѣкъ сторожей вмѣсто прежнихъ четырехъ, для того, чтобъ имъ разъѣзжать направо и налево, перемѣняясь безпрестанно по два человѣка. Для надзора за исправностію сторожей назначены были четыре стоялые головы, которые разъѣзжали по всему пространству степи отъ Волги до Вороны, Оскола и Донца.

Въ Октябрѣ, того же 1571 г., по государеву указу, князь Воротынской съ товарищами приговорили жечь степь; опредѣлили, изъ которыхъ украинскихъ городовъ, и въ какую пору, по какимъ мѣстамъ, къ которымъ урочищамъ, до какихъ мѣстъ, сколькимъ станицамъ и по скольку человѣкъ въ станицѣ ѣздить на поле и жечь его. Жечь поле опредѣлено осенью, въ Октябрѣ или Ноябрѣ, по заморозамъ, какъ на полѣ трава сильно посохнеть, снѣговъ не дожидаясь, а дождавшись ведреной и сухой поры, чтобъ вѣтеръ былъ отъ государевыхъ украинскихъ городовъ на польскую (степную) сторону; не зажигать вблизи украинскихъ городовъ, вблизи лѣсовъ и лѣсныхъ заѣкъ и всякихъ крѣпостей, которыя надѣланы отъ

проходу воинскихъ людей. Станицы для зажженія степи должны были выѣзжать изъ городовъ: Мещеры, Донкова, Дѣдилова, Кропивны, Новосила, Мценска, Орла, Рыльска и Путивля; пожаръ долженъ былъ обхватить пространство степи отъ верховьевъ Вороны до Днѣпра и Десны.

Въ 1574 году назначенъ былъ новый начальникъ надъ сторожевою и станичною службою, бояринъ Никита Романовичъ Юрьевъ. При новомъ начальникѣ видимъ перемѣну относительно перваго срока выѣзда станицъ: вмѣсто 1-го Апрѣля положено сообразоваться со временемъ открытія весны; потомъ выбирать дѣтей боярскихъ на степную службу велѣно разряднымъ дьякамъ, а не воеводамъ по городамъ. По челобитію польскихъ (степныхъ) мѣсячныхъ сторожей, бояре приговорили: въ Шацкѣ, Рязкомѣ, Донковѣ, Епифани, Дѣдиловѣ, Кропивнѣ, Новосилѣ и Орлѣ козаковъ, которые стерегутъ мѣсячную сторожу, помѣстьемъ и денежнымъ жалованьемъ поверстать: придать къ старому ихъ помѣстью, къ 20 четвертямъ еще по 30 четвертей человѣку; а денежнаго жалованья приговорили имъ дать въ третій годъ по три рубля человѣку для сторожевой службы, чтобъ имъ безконнымъ не быть, а быть у нихъ по два коня добрыхъ, или къ коню меринъ добрый. Велѣли послать въ тѣ города писцовъ, дѣтей боярскихъ и подъячихъ добрыхъ—пересмотрѣть всѣхъ козаковъ на лицо съ конями и со всею ихъ службою: которые козаки собою худы или безконны и въ сторожевую службу ихъ не будетъ, тѣхъ отъ сторожевой службы отставить, и служить имъ казачью рядовую службу и помѣстной имъ придачи не придавать, а на ихъ мѣсто прибрать изъ рядовыхъ козаковъ добрыхъ и конныхъ. Во Мценскѣ и Корачевѣ на сторожахъ стеречь дѣтямъ боярскимъ изъ тѣхъ городовъ съ малыхъ статей, съ 50, 70 и 100 четвертей, потому что въ этихъ городахъ козаковъ въ росписи не написа-

но; въ Шацкѣ, Новосилѣ и Орлѣ въ прибавку къ ко-
закамъ посылать дѣтей боярскихъ. Чтѣ касается до
границъ станичныхъ разъѣздовъ, то во время упра-
вленія боярина Никиты Романовича Путивльскія ста-
ницы ѣздили къ верховьямъ Тора, по Мюсу, Сама-
рѣ, Арели къ Днѣпру до Песыихъ Костей; Тульскія
къ Мжу и Коломаку на Муравскій шляхъ (дорогу);
Рязанскія къ Сѣверскому, Донцу и къ Свѣтымъ Го-
рамъ, а Мещерскія внизъ по Дону, до Волжской пе-
револоки ⁽³²⁾.

При всемъ томъ въ XVI столѣтіи Воронежскій
край былъ еще очень мало населенъ, благодаря ча-
стымъ набѣгамъ крымскихъ татаръ, отнимавшихъ у
всякаго охоту и желаніе селиться въ немъ. Чтобы
во время получить свѣдѣнія о движеніи татаръ, да-
бы не быть застигнутымъ врасплохъ, Московское
правительство, какъ мы видѣли, еще въ XV столѣ-
тіи вынуждено было прибѣгнуть къ содержанію въ
степи *сторожей* и *станичниковъ*, но это было край-
не неудобно въ виду отдаленности степи отъ Ря-
зани. Правда, и въ нашемъ краѣ были приняты
разныя мѣры къ прекращенію варварскихъ набѣговъ;
такъ напримѣръ выстроили засѣку или линію искус-
ственныхъ укрѣпленій; въ лѣсныхъ мѣстахъ свалили
срубленныя деревья, въ рѣкахъ на бродахъ вбивали
колья и сваи, въ степяхъ копали рвы, насыпали ва-
лы, дѣлали городки и острожки съ сторожевыми ба-
шнями, но на всемъ протяженіи Тамбовской губер-
ніи, начиная отъ мѣста, гдѣ нынѣ городъ Воронежъ и
до Муромъ не имѣлось никакихъ укрѣпленій; ⁽³³⁾ вслѣд-
ствіе чего татары, покинувъ прежніе пути, стали
ходить по Битюгу. Годуновъ, управлявшій государ-

⁽³²⁾ См. статью Вѣльева: О сторожевой, станичной и по-
левой службѣ, въ чтеніяхъ Моск. Истор. Общ. № 4, 1846 г.

⁽³³⁾ См. Ист. зап. края Тамб. губ. архимандр. Дмитрія.
(Самбикина).

ствомъ отъ имени Θεодора Іоанновича, думалъ прекратить набѣги татаръ путемъ сближенія съ Турціею; но скоро оказалось, что этимъ путемъ нельзя остановить варварскихъ набѣговъ ⁽³¹⁾.

Исключительная цѣль этихъ набѣговъ была конечно грабежъ, который удавался татарамъ благодаря *внезапности* ихъ набѣговъ. Очевидно, единственная цѣлесообразная мѣра къ прекращенію этихъ набѣговъ заключалась въ устройствѣ ряда укрѣпленій по вышеуказанной незащищенной линіи. Эти укрѣпленія исполнили бы свое назначеніе даже и въ такомъ лишь случаѣ, если бы они и не въ состояніи оказались дать отпоръ татарамъ, а только лишь *задержатъ* врага настолько, чтобы лишить набѣга характеръ внезапности; въ последнемъ случаѣ татары, прорвавшись сквозь линію укрѣпленій, не могли бы уже рассчитывать на грабежъ,—конечную цѣль ихъ набѣговъ. Таковъ былъ взглядъ Московскаго правительства въ концѣ 16-го столѣтія на способъ обороны Рязанской области отъ крымскихъ татаръ и этому взгляду обязанъ своимъ возникновеніемъ городъ Воронежъ, а вмѣстѣ съ нимъ и всѣ остальные города Воронежской губерніи. Такимъ образомъ, съ построеніемъ города Воронежа начинается новая эпоха въ исторіи Воронежскаго края. Мы далѣе увидимъ какую славную будущность готовила судьба этому новорожденному городу и всему краю....

Результатомъ трудовъ князя Михайла Ивановича Воротинскаго, а затѣмъ боярина Никиты Романовича Юрѣва былъ царскій указъ о построеніи первыхъ двухъ городовъ въ при-Донскомъ краѣ—Воронежа и Ливенъ. Это было въ 1586 году; слѣдовательно за триста лѣтъ назадъ, что видно изъ слѣдующаго документа, хранящагося въ Розрядномъ Архи-

(31) См. Ист. зап. края Тамб. губ. архимандр. Дмитрія. (Самбикина).

вѣ: „7094 (1586) году, марта въ 1 день, Бояринъ „Никита Романовичъ Юрьевъ приговорилъ: на Оско- „лѣ усть Убли и на Дону на Богатомъ Затонѣ сто- „ялымъ головамъ не стояти, по Государеву Цареву и „Великого Князя Ѳедора Ивановича всея Русіи ука- „зу и по приговору боярь Князя Ѳедора Ивановича „Мстиславскаго съ товарищи, на Соснѣ, не доѣзжая „Оскола два днища, поставити велѣно городъ Лив- „ны, а на Дону на Воронежѣ, не доѣзжая до Богата- „го Затону два днища, велѣно поставити городъ Во- „ронѣжъ. А быти на Ливнахъ городъ ставити воево- „дѣ Князю Володимиру Васильевичу Колцову Мо- „сальскому да Лукьяну Хрущову, на Воронежѣ во- „еводѣ Семену Ѳедоровичу Сабурову да Ивану Су- „дакову, да Василью Биркину; и каковы будутъ вѣ- „сти на Ливнахъ про приходъ воинскихъ людей на „Государевы украины, и съ Ливенъ посылати съ вѣ- „стми на Воронежъ, а съ Воронежа по тому жъ на „Ливны съ вѣстми посылати; а ѣхати которыми до- „рогами поближе и бережнѣе; а сторожи воеводамъ „поставити, присмотря въ которыхъ мѣстехъ приго- „же; и станицы по тому жъ посылати присмотря, да „о томъ отписати къ Государю“. (См. Чт. въ Моск. Об. Ист. и Древ. 1846. № 4, прилож. къ статьѣ Г. Бѣляевой о сторожевой, станичной и полевой служ- бѣ на польской украинѣ Московскаго Государства стр. 35).

ГЛАВА II-Я.

Какъ былъ построенъ Воронежъ? Казачество. Первые въ Воронежѣ храмы. Слѣды ихъ существованія до 1590 года. Первое населеніе города и пригородныхъ селъ. Основаніе слободы изъ охотниковъ-ямовъ. Селенія великороссовъ, малороссовъ и татарскія. Первые занятія городскихъ и сельскихъ жителей. Замѣчательно быстрое развитіе Воронежа. Значеніе и обязанности первыхъ должностныхъ лицъ. Воеводы. Головы. Значеніе и характеръ поручной записи. Военное сословіе. Разрушеніе города. Ложное обвиненіе воронежскихъ казаковъ въ томъ, будто они участвовали въ разрушеніи его. Кто были въ дѣйствительности виновниками разрушенія? Мѣстныя достовѣрнѣйшіе источники. Свидѣтельство объ этомъ Царя Михаила Федоровича. Возникновеніе другихъ городовъ.

Какъ быстро промчалась зима 1585 года! Къ концу марта во всей средней полосѣ Руси началъ таять снѣгъ, поэтому и весна 1586 года была ранняя. Въ послѣднихъ числахъ апрѣля Донъ съ многочисленными своими притоками не только успѣлъ уже вскрыться, но полая вода уже опала и снѣгъ весь уже успѣлъ сойти, а весеннее солнышко своими живительными лучами, согнавъ бурными потоками снѣгъ съ болѣе возвышенныхъ мѣстностей въ рѣки, манило уже травку на свѣтъ Божій. И только въ котловинахъ и оврагахъ, въ глубинѣ дремучихъ лѣсовъ, еще мѣстами можно было видѣть остатки снѣга въ видѣ бѣлыхъ пятенъ.

На супротивъ того мѣста, гдѣ нынѣ село Устье, гдѣ Воронежъ впадаетъ въ Донъ, въ то время находилась

сторѡжа. Здѣсь находилось шесть человѣкъ сторожей „вольныхъ сыновъ степей“—малороссійскіе козаки, изъ числа ушедшихъ изъ Польши въ православную Русь, спасаясь отъ религіознаго гоненія поляковъ, нафанатизированныхъ іезуитами. Не весела жизнь казака и здѣсь: тяжелая сторожевая служба, почти вѣчное пребываніе вдвоемъ, вчетверомъ въ страшно уединенной мѣстности; вѣчное выслѣживаніе нищихъ хищниковъ, ногайскихъ, или крымскихъ, которыхъ и „изрубить“—что толку? Съ собою, вѣдь, кромѣ оружія, у нихъ ничего нѣтъ? Что, развѣ башку снесешь,—ни чести, ни прибыли! Толи-ли дѣло отдать имъ визитъ на дому, т.-е. забратъ къ нимъ въ улусы!.... Безъ зипуна навѣрно не вернешься, да и *поганныхъ* сколько вразъ изведешь..... А здѣсь, на сторѡжѣ, и тяжело, и скучно, и грустно. Тяжело—въ бурю и непогоду, днемъ и ночью, раннею весною и въ глубокую осень непрестанно подвергаться вліянію холода и дождя, а лѣтомъ—зноя. Да—мало ихъ, невзгодъ то, въ подобномъ положеніи? Скучно здѣсь, потому что и годъ, и два бываетъ прожدهшь, пока недогадливый татаринъ на тебя наскочитъ; только и развлеченія, что молодецкая пѣснь казачья. Грустно дѣлается, когда вспомнишь привольныя степи Днѣпровскія, а то еще не совсѣмъ забытую черноокою Марусю.... Но тутъ вспомнится казаку ужасная сцена, какъ близорукіе поляки, наученные фанатиками іезуитами, надсмѣхались надъ его казачкою честью, мало того—дрождь его пробираетъ при одномъ воспоминаніи—надъ его религіею, его святынею! Кровь въ немъ закипаетъ и подступаетъ къ горлу отъ сознанія безсилія, невозможности отомстить за поруганную святыню. Онъ приходитъ въ себя и успокоиваетъ себя тою мыслью, что теперъ онъ, хотя и въ пустынь, но служитъ единовѣрной Москвѣ, которая не только не преслѣдуетъ, но сама, напротивъ, высылаетъ по временамъ пастырей на сторожевыя линіи для удовлетворенія духовныхъ нуждъ и утѣшенія православныхъ христіанъ. Это одно уже

въ состояніи примирить удалца съ тяжелою службою, ибо казакъ,—вѣчный воинъ, вѣчно въ ожиданіи смерти,—очень набоженъ. Набоженъ—какъ никто въ семь мірѣ.

Казакъ вѣками служить Россіи; ради нея онъ не задумывается идти въ бой, ради нея онъ, хотя и скрѣпя сердце, отказался отъ вольности и все эти жертвы онъ принесъ, не задумываясь, ради Церкви. Эта могучая духовная связь навѣки его прикрѣпила къ единовѣрной Руси. Честный, набожный казакъ былъ въ тоже время преданъ Престолу и Руси, тѣсно связанные съ той же Церковію, поэтому, измѣнить Руси или Царю значило—измѣнить Церкви. Вотъ почему мы встрѣчаемся въ исторіи постоянно съ одними и тѣми же типами измѣнниковъ: Заруцкій Разинъ, Мазепа, Пугачевъ и другіе отличались какимъ-то непонятнымъ, даже для нашего времени, безвѣріемъ и только измѣнивъ Церкви, они уже могли измѣнить и земному Престолу. Ихъ злодѣянія совершенно пропорціональны степени безнравственности каждаго изъ нихъ. Такъ напримѣръ самые крупные измѣнники, Разинъ и Пугачевъ, не щадили даже храмовъ и жизни беззащитныхъ пастырей, обратно Тимофѣй Ермаковъ, человекъ набожный,—„шалить“, но не дерзаетъ измѣнить, а старается геройскимъ подвигомъ добиться прощенія. Наливайко, Богданъ Хмѣльницкій, Сѣрко, Самойловичъ и другіе были, какъ извѣстно, люди глубоковѣрующіе; они же отличались непоколебимою преданностью Престолу, и, обратно, Дорошенко, Заруцкій, Булавинъ, Разинъ и Пугачевъ, съ непривлекательными личностями которыхъ мы еще впоследствии познакомимся, поражаютъ насъ своею разнузданностью....

Но вернемся къ начатому повѣствованію.

Согласно приказа Обѣзжаго, или Стоялова головы, четверо изъ казаковъ, по парно разѣхались въ

1
30
6
2
10
11
12

разныя стороны: „понюхать—нѣтъ-ли мухаѣдановъ“, а двое остались на пунктѣ, на очереди. Одинъ изъ нихъ вздремнулъ, а другой, лежа внизъ лицомъ, глядитъ задумчиво на противоположный берегъ, освѣщенный заходящимъ солнцемъ. Въ его головѣ, толпятся одна за другою все тѣже мысли. Вотъ вспомнилась ему опять все таже Маруся; вспомнилъ онъ пѣсню ея любимую о „лихой долѣ“ ⁽³³⁾ и невольно запѣлъ:

Породила мене мѣти у святѣ недѣлю:

Дала мнѣ лихѣ долю—дѣ жъ її подіну!

»Та піді, доле, піді, нещѣстная, въ полі загубіся,

А за мною та за молодію, та й не волочіся!»

—»Хочъ я піду, молодѣ дівчино, въ полі загублюся,

А якъ підешъ пшевиці жѣти—я за тебе вчеплюся!»

—»Та піді, доле, піді, нещѣстная, въ лісі заблудіся,

А за мною та за молодію, та й не волочіся!»

—»Хочъ я піду, молодѣ дівчино, въ лісі заблудюся,

А якъ підешъ калини ломѣти—я за тебе вчеплюся!»

»Та піді, доле, піді, нещѣстная, въ воді утопіся,

А за мною та за молодію, та й не волочіся!»

—»Хочъ я піду, молодѣ дівчино, въ воді утоплюся,

А якъ вийдешъ рано воді брѣти—я за тебе вчеплюся!»

»Та піді, доле, піді, нещѣстная, въ цѣркві присвятіся,

А за мною та за молодію, та й не волочіся!»

—»Хочъ я піду, молодѣ дівчино, въ цѣркві присвѣчуся,

А якъ прійдешъ Богу моли́тися—я за тебе вчеплюся!»

Казаки пѣль съ увлеченіемъ и забылъ все окружающее. Еслибы онъ взглянулъ влѣво, вверхъ по теченію Дона, то навѣрно недопѣлъ-бы своей пѣсни: тамъ, вверху, гдѣ Донъ, послѣ впаденія рѣки Дѣвицы, дѣлаеть поворотъ на право, виднѣлись при слабомъ уже освѣщеніи закатившагося солнца нѣсколько струговъ

⁽³³⁾ Пам. Ст. Рус. Лит., изд. гр. Г. Куш.-Безбородко, подъ редакц. Костомарова, ч. I, стр. 15. Эта пѣсня, по словамъ Костомарова, занесена къ намъ, въ Воронежскую губернію первыми прибывшими изъ Малороссіи казаками.

и лодокъ, плывшихъ внизъ по теченію, по направленію къ сторожевому посту. Казакъ ихъ замѣтилъ лишь тогда, когда они уже были всего лишь верстахъ въ двухъ отъ него. Онъ обрадовался, но не удивился. Отъ товарищей, бывшихъ здѣсь ранѣе его на посту, онъ уже зналъ, что въ предпрошломъ 1584 году, здѣсь проплылъ мимо, отправленный въ Царь-градъ „къ Турскому Салтану“, посолъ Борисъ Петровичъ Благовъ, а въ прошломъ, 1585 году, проѣзжали воеводы Оома Бутурлинъ и Юрѣя Булгаковъ, ѣхавшіе встрѣчать Турскаго посла Адзія Ибраима и возвращавшагося посла нашего В. П. Благова. Они тогда ѣздили, по требованію Турецкаго посла, сгонять казаковъ съ Дона, а вмѣсто того раздавали царскіе подарки за вѣрную службу....

Однако казакъ заинтересовался и, разбудивъ товарища, въ нетерпѣніи, побѣжалъ, вдоль берега, на встрѣчу плывшимъ суднамъ. Заинтересуется и читатель, когда узнаетъ, что тѣ струги везли не что иное, какъ будущій градъ Воронежъ, или, что одно и то же, всѣ матеріалы и принадлежности, какіе на первыхъ порахъ необходимы были для построенія города Воронежа.

1 марта 1586 года состоялся приказъ о построеніи городовъ Ливень и Воронежа, а въ концѣ апрѣля воеводы съ духовными, горододѣльцами и рабочими уже спускались по Дону, внизъ. Сначала они плыли вмѣстѣ, а поравнявшись съ устьемъ рѣки Сосны, Воевода, князь Владиміръ Васильевичъ Кольцовъ-Масальскій повернулъ направо, вверхъ по теченію рѣки Сосны (ему поручено было построить городъ Ливни), а воевода Семенъ Ѳеодоровичъ Сабуровъ, съ Иваномъ Судаковымъ, Василиемъ Биркинымъ и остальными отправился дальше, къ устью рѣки Воронежа, куда онъ прибылъ въ началѣ мая....

Снявшись съ разсвѣтомъ съ якоря, воевода Семенъ Ѳеодоровичъ повернулъ на лѣво, вошелъ въ рѣ-

1
31
6
2
10
1
2

ку Воронежъ и медленно поднимаясь вверхъ, стали оглядывать мѣстность, по обоимъ берегамъ, высматривая удобное для такого града, какъ Воронежъ, мѣсто. Для этого требовались: 1) Высокій берегъ. 2) Близость рѣки и обиліе дубоваго лѣса. Какъ ни прозаиченъ былъ старикъ воевода, но онъ не могъ не быть пораженнымъ чудною панорамой, представлявшейся его глазамъ по мѣрѣ того, какъ онъ приближался къ тому мѣсту, гдѣ нынѣ городъ Воронежъ. Очаровательная до сказочнаго картина должна была приковать его взоръ. По обоимъ берегамъ густою темнозеленою стѣною, тянулись вѣковые деревья, — гордые дубы, высоко уходившіе своими вершинами вверхъ къ голубому небу и межъ этихъ темно зеленыхъ стѣнъ серебрилась, отражая опрокинутыя деревья, зеркальная поверхность рѣки, по которой, тихо скользя впередъ, двигались медленно судна, везшія странѣ ея будущую столицу!....

Поравнявшись съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ теперь городъ и быстро окинувъ взглядомъ мѣстность на правомъ берегу, Сабуровъ приказалъ остановиться, — отдохнуть. Опытный глазъ посѣдѣвшаго уже воеводы сразу намѣтилъ точку, гдѣ всего удобнѣе быть городу. Всѣмъ требованіямъ удовлетворяла выбранная имъ мѣстность: дремучая, непроходимая дубрава прикрывала берегъ съ тылу отъ набѣговъ крымцевъ; съ южной стороны возвышенная точка, гдѣ теперь слобода Чижевка представляла прекрасный пунктъ для наблюденія за противоположною, ногайскою стороною; она же прикрывала, въ случаѣ опасности, со стороны Дона. Было рѣшено — здѣсь быть Воронежу.

Отслуживъ молебенъ, принялись дружно за работу. Рабочіе занялись рубкою лѣса — дубовъ, не на этомъ берегу, а на противоположномъ, лѣвомъ берегу, или какъ выражались тогда, на „ногайской сторонѣ“. Тяжело, со стономъ валились подрубленные гиганты-дубы, послѣ многовѣковаго безмятежнаго су-

ществованія. За нихъ принялись привезенные плотники, между тѣмъ какъ на правомъ берегу уже кипѣла работа: строился монастырь и градскія стѣны—дубовыя. Къ срединѣ августа монастырь уже былъ построенъ и по этому освященъ во имя Успенія Пресвятыя Богородицы. Къ концу года городъ Воронежъ, въ рукахъ, воспитаннаго въ суровой школѣ Іоанна Васильевича, воеводы Сабурова, уже былъ готовъ, а въ слѣдующемъ 1587 году въ Воронежѣ уже сидѣлъ присланный изъ Москвы *первый* воевода Ѳедоръ Михайловичъ Ласкиревъ съ Яковомъ Вельяминовымъ. Такъ, или почти такъ былъ построенъ Воронежъ: за неимѣніемъ точныхъ историческихъ свѣдѣній объ этомъ, столь интересномъ для насъ вопросѣ, мы дополнили его наиболѣе вѣроятною догадкою о подробностяхъ, сопровождавшихъ построение города.

Но... спросятъ насъ: на чемъ мы основываемся, допуская существованіе Успенскаго монастыря въ Воронежѣ, въ 1586 году, когда всѣ согласны въ томъ, что онъ построенъ въ 1600 году или близко того?

На это мы отвѣтимъ слѣдующими, по нашему мнѣнію, заслуживающими вниманія доказательствами.

Прежде всего—наши лѣтописи вовсе не утверждаютъ, что монастырь построенъ въ 1600 году, а дѣло въ томъ, что документы, какіе до сихъ поръ находятся въ нашихъ рукахъ, въ отношеніи занимающаго насъ вопроса, не восходятъ далѣе 1616 года. Это именно донесеніе Ѳеодосія, игумена Успенскаго монастыря, царю Михаилу Ѳеодоровичу, въ которомъ онъ проситъ о разрѣшеніи перенести монастырь на старое Козарское городище, потому что „въ монастырѣ семь храмы пришли въ разрушеніе и монашескія кельи подгнили и ограду монастырскую вода сразнесла, и *спредъ де на томъ мѣстѣ монастырю быти не можно*“. Изъ этого почему-то вывели заключеніе, что монастырь построенъ въ 1600 году.

Этотъ-то именно документъ мы и считаемъ вѣрнѣйшимъ доказательствомъ тому, что монастырь построенъ гораздо раньше, и непременно въ одно время съ городомъ, т.-е. въ 1586 году, по слѣдующимъ соображеніямъ:

1.) Нѣтъ указанія въ отечественной исторіи, чтобы въ XVI столѣтіи русскіе города существовали безъ церквей, да еще на окраинѣ государства. Существовали и нынѣ существуютъ православные храмы безъ городовъ; но городовъ безъ оныхъ мы въ исторіи нашего отечества не встрѣчали. Напомнимъ нашимъ читателямъ, что царь Іоаннъ Васильевичъ, завоевавъ Казанское царство, всплошь населенное одними мусульманами, немедленно посылаетъ туда Гурія строить церкви, а въ православномъ городѣ Воронежѣ забыли, что-ли, храмъ построить?... Не правда-ли, невѣроятно?

2.) Построенный, яко-бы, въ 1600 году изъ крѣпкаго дуба монастырь, оказывается чрезъ какихънибудь 15 лѣтъ разрушеннымъ и даже подгнившимъ, отъ того, что его за эти 15 лѣтъ нѣсколько разъ подмачивало, недѣли по двѣ, водою. Не правда-ли, не вѣроятно? Для этого ему необходимо было просуществовать по крайней мѣрѣ съ 1586 года и то окажется въ донесеніи нѣкоторое преувеличеніе, протекающее изъ нежеланія жить на затопляемомъ мѣстѣ.

3.) При описаніи города Воронежа, сдѣланное уже въ царствованіи Алексѣя Михайловича, именно въ 1666 году, воеводою Василиемъ Епифановичемъ Уваровымъ, оказывается, что городъ Воронежъ и тогда еще не имѣлъ вѣстоваго колокола (³⁶) безъ чего въ осадное время, городу и существовать нельзя было; но оказывается также, что Уваровъ за неимѣніемъ вѣстоваго, пользовался колоколомъ Дѣвичьяго монастыря, который, замѣтимъ, въ его время на-

(³⁶) Ворон. Акты, ч. I, № XLII, стр. 133.

ходилъся на полугорѣ между нынѣшними Вознесенскою и Успенскою церквами. Спрашивается, какъ же поступали воеводы и осадные головы при появленіи татаръ, если ранѣе не существовалъ Успенскій монастырь, значить: они не только никогда не молились въ храмѣ, но даже и въ набатъ не били? Но есть еще одно повидимому ничтожное и дѣйствительно до сихъ поръ незамѣченное обстоятельство, не только подтверждающее наше предположеніе о существованіи Успенскаго монастыря до 1600 года, но прямо говорящее за то, что Успенскій монастырь былъ построенъ именно въ 1586 году и никакъ не позже: если бы этотъ монастырь не былъ построенъ въ одномъ году съ городомъ Воронежемъ, онъ бы позже не былъ построенъ, по крайней мѣрѣ на этомъ мѣстѣ. Обстоятельство это ясно выражено въ подчеркнутой нами фразѣ въ донесеніи Θεодосія, игумена Успенскаго монастыря, и это доказательство будетъ

4.) *„И впредь де на томъ мѣстѣ монастырю бытъ не можно“*, говорить Θεодосій, а мы прибавимъ: не только впредь, но и до этого ему не мѣсто было стоять тамъ, гдѣ вода при весеннемъ подъемѣ, въ тѣ времена чрезвычайно значительномъ, ежегодно покрывала все побережье. Думаемъ, уже весною слѣдующаго 1587 года Воронежцы замѣтили свою ошибку; но уже было поздно. Ясно, что если бы монастырь строился не только въ 1600, но даже на второмъ году существованія города Воронежа, то монастырь уже не попалъ бы въ подобную бѣду, а это потому что *впервые* прибывшіе сюда строители не знали, что это мѣсто затопляетъ весною. Отсюда ясно, что строители пріѣхали не ранѣе начала мая, иначе они бы еще замѣтили сырость на берегу, и не позже начала мая пріѣхали они, иначе монастырь бы не былъ отстроенъ къ половинѣ августа, т.-е. къ Успеневу дню. А что монастырь получилъ свое названіе по этой причинѣ, а не потому что онъ построенъ иноками московскаго Успенскаго монастыря, въ этомъ мы еще

убѣдимся въ послѣдствіи. Наконецъ, что городъ вмѣстѣ съ монастыремъ былъ выстроенъ въ томъ же году, это видно изъ того, что въ слѣдующемъ 1587 году строителей замѣнили уже обыкновенные воеводы.

Нѣтъ сомнѣнія, что уже въ слѣдующемъ 1587 году, послѣ весенняго разлива, игумень, имени котораго мы пока еще не знаемъ, выдержавъ приблизительно двухъ—трехнедѣльную осаду со стороны бушевавшей рѣки Воронежа, сталъ совѣтоваться съ воеводами Ласкиревымъ и Вельяминовымъ, „какъ помочь горю“. Надо замѣтить, что строители вывели воеводскій домъ близъ того же монастыря; слѣдовательно и этотъ домъ затопляло вешною водою, но воеводамъ ничего не стоило приказать выстроить другой домъ немного повыше, ибо для такого неважнаго предпріятія не требовались не только разрѣшенія, но даже донесенія Царю. Совсѣмъ въ другихъ условіяхъ находился монастырь, которому безъ разрѣшенія нельзя было перебраться; къ тому же на посланное, по всей вѣроятности, уже лѣтомъ 1587 года, донесеніе не скоро могло получиться разрѣшеніе, а когда оно прибыло, то городъ уже лежалъ въ развалинахъ: это было въ 1590 году. Далѣе увидимъ мы, что вопреки мнѣнію нашихъ мѣстныхъ бытописателей, Воронежъ не оставался разрушеннымъ на долго, а напротивъ, былъ вновь отстроенъ въ томъ же 1590 году.

Послѣдняя постройка города, какъ мы видѣли, была причиною крупной ошибки—устройства обители на затопляемомъ вешною водою мѣстѣ; но дѣло не ограничилось одною, а въ результатѣ получилось много еще весьма крупныхъ ошибокъ, изъ коихъ одна изъ важнѣйшихъ, по послѣдствіямъ, которая она влекла за собою, была неправильно устроенные тайники съ колодеземъ: „Да тоіникъ изъ города к рекѣ Воронежю, а в томъ тоіникѣ выкопанъ колодезь *блиско реки*

Воронежа, а в томъ колодези вода худа. *Тоиницкая башня и тоиникъ и колодезь пескомъ занесенъ*“ ⁽³⁷⁾.

И такъ въ началѣ 1587 года городъ Воронежъ уже существовалъ фактически. Къ сожалѣнію, мы имѣемъ пока очень мало матеріаловъ подъ руками, чтобы дать читателю наглядную картину Воронежа за первый годъ его существованія. Однако изъ имѣющихся уже свѣдѣній мы можемъ видѣть, что Воронежскій край началъ быстро населяться, съ появленіемъ города Воронежа. Такъ напримѣръ въ томъ же 1587 году на противоположномъ берегу рѣки, противъ Успенскаго монастыря, на очищенной отъ лѣса мѣстности (лѣсъ былъ употребленъ на городскія постройки) были поселены сведенцы, которые образовали деревню, получившую названіе—*Клементьевска*. Эта деревня вмѣстѣ съ землею неудобной и удобной 300 четвертей принадлежала, какъ вотчина, Успенскому монастырю съ первымъ появленіемъ той и другого. Далѣе къ сѣверу на томъ же берегу были поселены казаки, въ два селенія: *Придача и Боровое*. Но особенно быстро росъ самъ городъ Воронежъ. Вскорѣ послѣ возникновенія города, по указу царя Ѳедора Іоанновича были сведены на Воронежъ нѣсколько семействъ изъ Рязска, Ельца, Брянска и другихъ ближайшихъ городовъ, которые вмѣстѣ съ военными, состоявшими изъ стрѣльцовъ, пушкарей, затинщиковъ, воротниковъ и казаковъ, составили первое населеніе города Воронежа. Изъ этихъ переселенцевъ, бывшій житель города Рязска, нѣкто Никита построилъ по обѣщанію въ Стрѣлецкой слободѣ, вѣроятно въ 1587 или въ слѣдующіе два года до разрушенія города, церковь во имя Николая Чудотворца ⁽³⁸⁾. А между тѣмъ въ описаніи Воронежской губерніи Е. Болховитинова, о нынѣшней Никольской церкви въ Воронежѣ гово-

⁽³⁷⁾ Ворон. Акты, ч. I, № XLII, стр. 133.

⁽³⁸⁾ Ворон. Акты, кн. 2, стр. 155, № I.

рится, что она построена сперва во имя Св. Дмитрія Царевича съ придѣломъ Св. Михаила Малеина, упоминаемый въ писцовыхъ книгахъ 1628 года и уже послѣ переименовано во имя Св. Николая.

Еще при жизни Царя Ѳедора Іоанновича было отмежевано въ самомъ Воронежѣ земля для ямской слободки, которую впослѣдствіи составили 10 человѣкъ: семь человѣкъ ельчанъ и три человѣка брянцевъ. Землю эту окружали поселенія бѣломѣстныхъ казаковъ, атамановъ, пушкарей и затынщиковъ, которые и захватили эту землю. Въ послѣдствіи, именно въ 1624 году, Царь Алексѣй Михайловичъ возобновилъ Ямскую слободу, съ каковою цѣлью Степанъ Стрѣшневъ свезъ въ Воронежъ упомянутыхъ нами 10 лицъ. Прибывшіе ельчане и брянцы подали жалобу Царю о захватѣ военнымъ населеніемъ города принадлежащую ямской слободѣ земли, и вотъ изъ этого документа (³⁹) видно, что начало ямской слободѣ положено было въ Воронежѣ съ начала его существованія Тамъ-же упоминаются, въ числѣ захватившихъ землю ямской слободы, священникъ *Дмитровской* церкви и игуменъ Успенскаго монастыря: значить, что 1.) Успенскій монастырь; 2.) Дмитровская церковь и 3.) Никольская церковь одновременно существовали въ Воронежѣ еще при жизни Царя Ѳедора Іоанновича—фактъ новый! Основываясь на томъ, что церкви эти и монастырь упоминаются въ писцовыхъ книгахъ лишь подъ 1628 годомъ, не подозрѣвали ихъ существованіе при жизни Ѳедора Іоанновича, то-есть до 1598 года.

Нѣтъ сомнѣнія, что порывшись въ грамотахъ, можемъ найти еще много фактовъ, которые дадутъ совершенно новое освѣщеніе нѣкоторымъ сторонамъ первоначальной исторіи Воронежскаго края.

(³⁹) Ворон. Акты, кн. 2, стр. 2--3, № XLIV.

Мало по малу деревня Клементьевка, названная, быть можетъ, такъ по имени перваго игумена Успенскаго монастыря, или перваго ея основателя, стала называться въ народѣ монастырскимъ селомъ и наконецъ просто Монастырщенькой, подъ какимъ названіемъ она извѣстна и по настоящее время. Кромѣ этихъ, пока извѣстныхъ намъ, русскихъ селеній, существовали еще многочисленныя селенія болѣе мирныхъ татаръ, состоявшихъ въ подданствѣ Россіи. Такъ надо понимать смыслъ грамоты Царя Михаила Ѳеодоровича, въ которой говорится, что „Государь послалъ на Воронежъ къ *татарамъ* воеводу князя Василя Петрова Щербатова и т. д.“.

Мирные обитатели селъ занялись садоводствомъ, огородничествомъ и хлѣбопашествомъ; причемъ, кромѣ хлѣбныхъ растений, разводили также въ довольно значительномъ количествѣ хмѣль. Жители единственнаго пока города, Воронежа, занялись торговлею. Съ перваго момента своего существованія Воронежъ сдѣлался торговымъ центромъ, куда со всего Придонскаго края стали стекаться обитатели степи для торговыхъ операцій. Воеводы же занялись приведеніемъ въ безопасное состояніе ввѣреннаго ихъ управленію края. Здѣсь мы считаемъ умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ о военномъ сословіи, выяснить, насколько это намъ необходимо, его права и обязанности и объ отношеніяхъ его къ воеводамъ, насколько это видно изъ напечатанныхъ уже грамотъ.

Главнымъ начальникомъ края былъ *воевода*. И такъ какъ Воронежскій край находился въ особыхъ условіяхъ, требовавшихъ отъ главнаго начальника больше самостоятельности, то и полномочія воронежскихъ воеводъ были гораздо обширнѣе, чѣмъ ихъ товарищей, внутреннихъ областей. Только въ самыхъ важныхъ случаяхъ испрашивали они разрѣшеніе Царя, а обыкновенно ограничивались отписками объ исполненномъ. При нихъ находилось всегда извѣстное ко-

личество постоянного войска, состоявшаго изъ стрѣльцовъ, пушкарей, затинщиковъ, воротниковъ и казаковъ. Какъ увидимъ далѣе, они не употреблялись исключительно для военныхъ дѣйствій, но и для разныхъ дѣлъ и посылокъ. Стрѣльцы набирались *стрѣleckими головами*, по приказанію воеводъ; при этомъ голова собиралъ на нихъ *поручныя записи*, о которыхъ будетъ сказано ниже, которыя отдавалъ воеводѣ. Таже самая обязанность лежала на *казацкихъ головахъ* въ отношеніи казаковъ, и тутъ требовалась поручная записъ. Цѣль этихъ поручныхъ записей, т.-е. порукъ, была та, чтобы, въ случаѣ бѣгства стрѣльца со службы или другаго важнаго проступка, можно было разыскать съ поручителей за пропавшее оружіе или казенныя деньги и наказать ихъ за виновнаго въ измѣнѣ. Чтобы дать читателю понятіе о характерѣ этихъ поручныхъ записей и проступкахъ, которые въ особенности преслѣдовались въ старину Правительствомъ, приводимъ одну изъ нихъ, именно отъ 1615 года, найденную нами⁽⁴⁰⁾ въ библіотекѣ Воронежскаго Губернскаго Статистическаго Комитета:

„Се язь⁽⁴¹⁾ Иванъ Ѳедоровъ сынъ Оскининъ, да язь⁽⁴²⁾ Полуха Ѳилатовъ сынъ Бовякинъ, да язь Василей Огѣевъ сынъ Казаковъ, да язь Дмитрей Петровъ сынъ Зуевъ, да язь Василей Кирѣевъ сынъ Вѣтровъ, да язь Иванъ Оидаровъ, да язь Ѳедоръ Яковлевъ сынъ Кокоревъ, да язь Иванъ Соооновъ сынъ Ортемовъ, да язь Иванъ Григорьевъ сынъ Перешовкинъ, да язь Елистратъ Василевъ сынъ Пересышкинъ, воронежскія полковые козаки поручились еси по полковомъ козацкѣ, по Лукяне Дементіеве сыне Тораборине в томъ: Служити ему за нашею порукою

(40) Ворон. акты, выпускъ IV, издан. нами.

(41) Се язь—вотъ я.

(42) Да язь—и я.

Государева Царева і Великого Князя Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи служба козаця полковая в рядско записи и, живучи, ему никакимъ воровствомъ не воровать, не красть и не розбивать и зернью не играть, и корчмы, и бл....ни ⁽⁴³⁾ не держать и лихимъ людемъ, татемъ и розбоиникомъ к нему не приѣзжать и никакою воровскою рухледю не промышлять, и Государю Царю і Великому Князю Михаилу Ѳеодоровичю всеа Русіи не изменить, в Крымъ и в Ногаи и в Литву и в Немцы и ни в которыя орды не отѣхать и с Воронежа никуды не збежать. А не учнетъ онъ, Лукянъ, за нашею порукою, Государева службы служить полковой козацей в рядско записи, или учнетъ какимъ воровствомъ воровать, красть, или розбивать, или зернью играть, или корчму, бл....ню ⁽⁴⁴⁾ держать, или учнетъ воровскою рухледю промышлять, или татемъ и розбоиникомъ к нему приѣздить будетъ, или Государю Царю і Великому Князю Михаилу Ѳеодоровичю всеа Русіи изменить, в Крымъ или в Ногаи и в Литву и в Нѣмцы, или в которыя в ыныя орды отѣдетъ, или с Воронежа куды збежитъ—и на насъ, на поручикахъ, пеня Государя Царя і Великого Князя Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи. А пеня, что Государь укажетъ, наши поручиковы головы въ его голову мѣсто. Кто насъ поручиковъ въ лицахъ, на томъ пеня и порука. А на то послуше ⁽⁴⁵⁾ Ларионъ Ондрѣевъ сынъ Чорной. А записъ писаль Первушка Тихоновъ, лѣтомъ 7123 (1615 г.).

Поручная запись эта—самая древняя изъ сохранившихся въ архивѣ Воронежскаго Губернскаго Статистическаго Комитета,—представляетъ собою весьма любопытный документъ во многихъ отношеніяхъ.

⁽⁴³⁾ Неудобное въ печати слово.

⁽⁴⁴⁾ Также.

⁽⁴⁵⁾ Послухъ—свидѣтель.

Онъ свидѣтельствуесть намъ о нравственномъ упадкѣ, безурядицахъ, крайней подвижности, господствовавшихъ въ первомъ населеніи нашего края, очевидно вызванныхъ сосѣдствомъ упомянутыхъ въ записи странъ. Вліяніе ихъ выразилось въ цѣломъ рядѣ бунтовъ, извѣстныхъ въ отечественной исторіи, подъ названіемъ *смутнаго времени*. Это смутное время началось въ Воронежскомъ краѣ предвѣстникомъ—разрушеніемъ Воронежа литовскимъ отрядомъ въ 1590 году и въ Воронежскомъ же краѣ завершилось оно финаломъ—уничтоженіемъ шайки Заруцкаго въ 1613 году. Приведенная нами поручная записъ писана въ Воронежѣ чрезъ два года послѣ этого финала. Обыденная жизнь еще не успѣла войти въ свои колеи, масса бродягъ, „лихихъ людей“ наполняла еще все углы, неуспѣвшей оправиться Руси. Уклоняясь отъ разныхъ повинностей, многіе переходили съ мѣста на мѣсто, скрывались, грабили и убивали. Чтобы положить конецъ этой безурядицѣ, Правительство прибѣгло къ единственной въ то время цѣлесообразной мѣрѣ—*къ поручнымъ записямъ*.

Эти поруки практиковались Московскимъ Правительствомъ въ XVII и XVIII вѣкахъ, представляя собою форму частнаго обезпеченія, проникнувшую во все служебныя отношенія....

Стрѣльцы, пушкаріи и казаки были собственно военные люди и состояли въ полномъ распоряженіи воеводы, который посылалъ ихъ для военныхъ дѣйствій и на сторожевые пункты, для поимки воровъ, бѣглыхъ, нѣтчиковъ, разбойниковъ и т. п., назначая начальниками экспедицій казацкихъ или стрѣleckихъ головъ. Случалось и такъ, что должности стрѣleckаго головы и казачьяго соединялись вмѣстѣ, и это бывало не рѣдко ⁽⁴⁶⁾. Казачьи головы иногда вы-

⁽⁴⁶⁾ Ворон. акты т. 1-й, № 23; т. 2-й стр. 187; т. 3-й, № 172.

бирались самими казаками, иногда же воронежскими воеводами. Добивавшихся этой должности Московское Правительство не утверждало безъ одобренія воеводы ⁽⁴⁷⁾. *Осадные Головы* имѣли обязанностью при появленіи непріятеля собрать въ городъ ратныхъ людей, разставить ихъ по мѣстамъ, назначить имъ на время осады головъ, учредить караулы. Безъ нихъ не отпирали и не запирали городскихъ воротъ. А въ мирное время Осадные Головы вѣдали въ городѣ артиллерію со всѣми ея принадлежностями, пушкарей, затинщиковъ, разсылщиковъ, воротниковъ, кузнецовъ, плотниковъ и всякихъ осадныхъ людей. Назначались они въ Воронежъ изъ Москвы, изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ; наказъ выдавался имъ изъ Пушкарскаго Приказа, но въ Воронежѣ воевода сдавалъ имъ всѣ дѣла, такъ же какъ и другимъ полковымъ головамъ ⁽⁴⁸⁾. Финансовую часть представлялъ собою, такъ называвшійся *житенный голова*, о которыхъ мы мало что знаемъ. Извѣстно только, что они выбирались обыкновенно „всякихъ чиновъ уѣздными людьми“, но случалось и такъ, что воевода по своему усмотрѣнію выбиралъ въ эту должность лицъ изъ дѣтей боярскихъ, подъячихъ и цѣловальниковъ, для завѣдыванія житницами ⁽⁴⁹⁾. Съ 1679 года должность эта упразднена, а обязанности возложены на воеводъ. Были-ли въ Воронежѣ въ 1586—90 гг. губные старосты, откупщики и другія должности, пока неизвѣстно, а потому объ этомъ скажемъ въ свое время.

Насталъ 1588 годъ, и на смѣну первому воронежскому воеводѣ явился второй—князь Григорій Петровичъ Ромодановскій. Подобно своему предшественнику и Ромодановскій потрудился надъ приведеніемъ въ возможно лучшее состояніе сторожевую

⁽⁴⁷⁾ Ворон. акты т. 3-й, № 116.

⁽⁴⁸⁾ Ворон. акты т. 3-й, № 120.

⁽⁴⁹⁾ Ворон. акты т. 2-й, стр. 94.

службу. Проведемъ, кстати, параллель между первоначальнымъ росписаніемъ воронежскихъ сторожъ, составленнымъ воеводами вскорѣ послѣ повелѣнія о построеніи Воронежа и тѣмъ, которое составлено на основаніи грамоты Михаила Ѳеодоровича:

1.) Первоначальное росписаніе.

1-я сторожа ближняя отъ усть воронежскаго вверхъ по Дону 3 версты, стоятъ сторожи на Дону 4 человѣка.

2-я сторожа на Дону версты съ 3, а сторожей на ней 4 ч.

3-я сторожа на Дону жъ усть Дѣвиць верхнихъ, и отъ тое сторожи версты съ 4, а отъ города версть съ 5.

4-я сторожа вверхъ по Дону подъ Кривоборомъ, а сторожей на ней 4 ч., а отъ города версть съ 40.

5-я сторожа на Дону подъ Галичьими горами, стоятъ 4 ч., отъ города версть со 100.

6-я сторожа по Рязской и по Донковской дорогѣ, стоятъ сторожи на Долгой полянѣ 4 человѣка, отъ города версть съ 7.

7-я сторожа по Рязской и по Донковской дорогѣ на гору, а сторожей на ней 6 человѣкъ, отъ города 20 версть. А проѣзжаютъ тѣ сторожи на право къ Воронежу къ усть Усмани версты съ четыре, а на лѣво къ Дону проѣзжаютъ версты съ 3.

8-я сторожа вверхъ по Воронежу у Микитина Перевѣся на броду 4 человѣка, отъ города версть съ 40.

9-я сторожа за Дономъ на Крымской сторонѣ на Тихой Соснѣ противъ Вязова броду подъ Терновымъ лѣсомъ, а сторожей на ней 6 человѣкъ; розѣзжаютъ тѣ сторожи на право по Тихой Соснѣ черезъ Колмюжскую дорогу, которые люди лязятъ въ

Вязовъ и въ Каменной бродъ и до Усерда, а переѣзду верстъ съ 15-ть, а на лѣво тѣ сторожи переѣзжаютъ внизъ по Тихой Соснѣ до Царевой пасеки, которые люди лязятъ Сосну ниже Олшаница, а переѣзду верстъ съ 15; а отъ города та сторожа переѣзду полтора днища, а по смѣтѣ верстъ съ 90.

10-я сторожа вверхъ по Тихой Соснѣ усть Усерда противъ Каменова броду, а на лѣво переѣзжаютъ Калміюжскую дорогу до Иловсково лѣсу верстъ съ 6, а на право переѣзжаютъ вверхъ по Тихой Соснѣ до верхъ Волуйки; а переѣзжаютъ тѣ сторожи сакмы, которые люди ходятъ верхъ Сосны и верхъ Волуйки; а переѣзду верстъ съ 20, а стоятъ на той сторожѣ 8 человекъ.

11-я сторожа на Крымской сторонѣ въ Котелскомъ лѣсу, а переѣзжаютъ до Погорѣлово лѣсу черезъ Калміюжскую дорогу, а переѣзду верстъ съ 15, а переѣзду полтора днища, а по смѣтѣ верстъ съ 90.

12-я сторожа по Ногайской сторонѣ отъ Дону за Воронежемъ къ Битюкѣ усть Чамлыка до верхъ Цны и Дачнаура, переѣзду полтора днища, а по смѣтѣ верстъ со 100. А переѣзжаютъ сакмы, которыми сакмами ходятъ Заволскіе Ногаи изъ Казыева улуса и Азовскіе люди на Государевы украины, на Резанскіе и на Рязскіе мѣста, а на лѣво переѣзжаютъ отъ усть Чамлыка до верхъ Гавы переѣзду днище, а по смѣтѣ верстъ съ 70; а переѣзжати сакмы которыми сакмами ходятъ на Государевы украины воинскіе люди на Резанскіе и на Рязскіе и на Шатцкіе мѣста; а посылаютъ на тѣ сторожи сторожей, смѣчая по людямъ, сколько будетъ на Воронежѣ людей ⁽⁵⁰⁾.

⁽⁵⁰⁾ См. Чтенія въ Моск. Об. Ист. и Древ. 1846 № 4. Приложенія къ статьѣ Г. Вѣльева стр. 37 и 38.

2.) Росписаніе Воронежскимъ сторожамъ.

(на основаніи грамоты Михаила Федоровича).

1-я сторожа на Черномъ яру у Дону отъ города верстѣ 8, а стоятъ на тоі сторожѣ по 10 ч. пѣшихъ въ судѣхъ.

2-я сторожа на усть Воронежа, отъ города верстѣ съ 7, а стоятъ на тоі сторожеі по 3 ч., а проезжаютъ къ Малышевской стороже версты зъ 2.

3-я сторожа въ Малышеве отъ города верстѣ зъ 10, стоятъ на ней по 3 человекъ, а проезжаютъ къ Девицкой стороже версты съ 3, да на тоі же стороже по вестемъ для приходу воинскихъ людей стоятъ сотня.

4-я сторожа на усть рѣчки Девицы отъ города верстѣ зъ 10, стоятъ на ней сторожеі по 3 человекъ, а проезжаютъ къ Торопливской сторожи версты зъ 2; да на тоі же сторожи по вестемъ для приходу воинскихъ людей стоятъ сотня.

5-я сторожа за Дономъ по Осколской дороге, отъ города верстѣ съ 15, стоятъ на ней по три человекъ, „а проезжаютъ внизъ по рѣкѣ Вѣдогѣ версты съ 4.

„6-я сторожа въ Торопливомъ отъ города верстѣ съ 8; стоятъ на ней по три человекъ, а проезжаютъ къ Донской пристани съ версту.

„7-я сторожа у Донской пристани отъ города „8 верстѣ; стоятъ на ней по 3 человекъ, а проезжаютъ къ Рускому рогу версты съ 2.

„8-я сторожа у Руского рогу отъ города 5 верстѣ, „сторожей стоятъ по 3 человекъ, а проезду никуды „не живетъ, оберегаютъ съ степи приходу съ городу воинскихъ людей.

„9-я сторожа вверхъ по Дону подъ Красною „Дубровкою, отъ города верстѣ съ 30-ть, сторожей

„стоять по 4 человекъ, а проѣзжаютъ къ Кривому
„бору верстъ съ 10“.

10-я сторожа подъ Кривымъ боромъ отъ города
верстъ съ 40, а сторожеі стоитъ по 3 человекъ, а
проѣзжаютъ къ Осовицкой стороже верстъ съ 5.

11-я сторожа въ Осовикахъ отъ города верстъ
съ 40, а стоятъ сторожеі по 3 человекъ, а проѣз-
жаютъ къ рекѣ Дону версты съ 3, да на той же сто-
роже по вестемъ для приходу воинскихъ людей сто-
ить сотня.

Да на Воронеже жъ сторожи межъ реки Дону
и Бетюка поставлены для того, что тѣмъ мѣстомъ
Нагаіские люди на воронежскіе мѣста приходятъ без-
вѣсно. „А прежи сего межъ рѣки Дону и Бетюка
„сторожи не ставили, а нынѣ въ тѣхъ мѣстахъ безъ
сторожей быти не можно“.

1-я сторожа на усть рѣчки Товровки отъ горо-
да 4 версты, стоятъ сторожеі по 3 человекъ, проѣз-
жаютъ къ Носкову отрогу верстъ съ 5.

„2-я сторожа у Носково отрогу отъ города верстъ
„съ 8, а стоятъ на ней сторожи по 3 человекъ, а
„проѣзжаютъ къ Хавскимъ вершинамъ верстъ съ 10-ть.

„3-я сторожа у Хавскіе вершины отъ города
„верстъ съ 15, а стоятъ по 3 человекъ, а проѣзжа-
„ютъ внизъ по рѣчкѣ Хавѣ версты съ 3.

„Сторожи смесные дальніе, а стоятъ на нихъ
„сторожи изъ Донкова, изъ Рязсково, изъ Шатцко-
„во, съ Ливенъ, съ Оскола, съ Елифани, съ Михай-
„лова, съ Воронежа; изъ города по 4 человекъ ⁽³¹⁾.

„1-я сторожа на Бетюкѣ, проѣздъ отъ города
„2 днища, а проѣзжаютъ сакмы къ Ахматову липягу.

„2-я сторожа за Дономъ въ Вязовѣ, отъ города
„проѣзду 3 днища, а проѣздъ къ рѣкѣ Соснѣ верстъ
„съ 5.

„3-я сторожа въ Каменомъ отъ города два днища, проѣзжаютъ къ рѣкѣ Соснѣ къ верхнему броду 6 верстѣ.

„4-я сторожа въ Прогорѣломъ отъ города два днища, а проѣзжаютъ сторожи съ полднище“.

Вобщѣ въ отношеніи сторожевой и станичной службы было установлено:

I. Въ отношеніи къ станичникамъ:

1-е, посылать станичниковъ съ 25-го марта, или какъ откроется весна, 2-е, передъ отправленіемъ на службу, воевода долженъ собрать въ Съѣзжую избу всѣхъ станичниковъ, дѣтей боярскихъ, атамановъ, ѣздоковъ и вожей и пересмотрѣть ихъ по спискамъ, и потомъ списки своего смотра отправить въ Москву; 3-е, всѣхъ станичниковъ раздѣлить на двѣ половины, изъ коихъ первую посылать на сторожи съ 25 марта до августа, а вторую съ 1 августа до 15 ноября; 4-е, чтобы въ каждой станицѣ было по сыну боярскому, да по атаману, да по шести человѣкѣ ѣздоковъ, да по два вожа, и чтобы у каждаго станичника было по два коня, или къ коню по мерину по доброму; 5-е, при самомъ отправленіи станицъ, давать имъ наказныя памяти за воеводскою печатью, чтобъ они ѣздили бережно и осторожно, доѣзжали до урочищъ и привозили къ воеводамъ доѣзжныя памяти, въ доказательство, что они на урочищахъ были; а ежели гдѣ переѣдутъ какую сакму ⁽³²⁾, то немедленно-бъ посылали въ городъ своихъ товарищей человѣка два или три съ вѣстями, а сами-бъ продолжали путь до урочищъ, назначенныхъ въ разрядной росписи, и доѣздивались подлинныхъ вѣстей про татаръ и про черкасъ; ежели же гдѣ наѣдутъ на сакму воинскихъ людей, то объѣхавши ее и разсмотря людей въ точности, сколько и какіе люди, и

⁽³²⁾ Сакма—слѣдъ.

въ какую сторону идти, сами-бъ съ подлинными вѣ-
стями бѣжали къ воеводѣ; 6-е, по прїѣздѣ станич-
никовъ съ такими вѣстями, воевода, распрося ихъ
подробно, долженъ немедленно отправить гонцовъ въ
Москву и въ сосѣдніе города, дабы всѣ были гото-
вы къ отраженію непріятели.

II. *Отноительно сторожей:*

1-е, высылка ихъ на караулъ назначалась так-
же съ 25 марта, или смотря по открытію весны;
2-е, по отправленіи сторожей въ назначенныя мѣста,
воевода немедленно долженъ былъ отправить роспись
сторожъ въ Москву, съ прописаніемъ, сколько человѣкъ
отправлено на которую сторожу, сколько верстъ ко-
торая сторожа отъ города, и сколько проѣзду отъ
одной сторожи до другой; 3-е, отправляя сторожей,
наказывать имъ настрого, чтобы они стояли на ка-
раулахъ осторожно день и ночь, и дѣлали бы ча-
стые разѣзды отъ одной сторожи до другой, чтобы
провѣдать вѣрнѣе про воинскихъ людей; 4-е, во-
евода обязанъ былъ, какъ можно чаще, посылать
дозорщиковъ, чтобы они смотрѣли за исправностію
сторожей.

III. *Въ отношеніи сторожей и станичниковъ вмѣстѣ:*

1-е, ежели станичники не будутъ доѣзжать
до указанныхъ имъ урочищъ, а сторожи оставлять
свои караулы, не дождавшись смѣны, то воевода имѣлъ
право ихъ наказывать, смотря по винѣ; 2-е, ежели
которыхъ станичниковъ или сторожей погромить та-
тары или черкесы, то воевода немедленно долженъ
былъ писать объ этомъ въ Москву, съ означеніемъ, ка-
кой уронъ потеряли станичники или сторожа; 3-е, на-
конецъ, *въ отношеніи къ самому городу*, воевода обя-
занъ смотрѣть за исправностію городскихъ укрѣпле-
ній и по вѣстямъ собирать въ осаду всѣхъ уѣздныхъ

жителей, писать ихъ въ особые списки, въ которыхъ должно быть означено, кто съ какимъ боемъ будетъ сражаться противъ непріятеля, на какомъ мѣстѣ въ городѣ или въ острогѣ, и подѣ чьимъ начальствомъ, такъ, чтобы всякій зналъ свое мѣсто во время непріятельскаго нападенія и исполнялъ приказанія своего ближайшаго начальства ⁽⁵³⁾.

Насталъ 1590 годъ, и на смѣну Ромодановскому пріѣхалъ князь Иванъ Андреевичъ Шибановскій-Долгорукой. Бѣдный князь! Ты не предчувствовалъ своей ужасной судьбы: иначе бы ты остался въ Москвѣ. Ты упросилъ бы Царя пощадить твою сѣдую голову!... Но ты, потерявъ жизнь, сохранилъ, по крайней мѣрѣ, честь для своего потомства: исторія говоритъ намъ, что ты палъ, защищая вѣренныиъ твоему управленію царскій городъ; но кого дѣйствительно жаль, такъ это твоихъ соратниковъ, которые сражались рядомъ съ тобою; никто изъ нихъ не измѣнилъ, никто изъ нихъ не искалъ бѣгства—все до единого пали, сражаясь за Царя и за Отечество, а между тѣмъ вмѣсто похвалы, которую они заслуживаютъ какъ честные воины, нѣкоторые бытописатели выдумали басню, будто г. Воронежъ разграбленъ воронежскими же казаками ⁽⁵⁴⁾, т.-е. тѣми самыми героями, которые пали, защищая его до послѣдней капли крови!! Намъ всегда казалось, что назначеніе историка еще серьезнѣе, еще выше, чѣмъ даже роль судьи. Предъ судьей обвиняемый, если онъ не виновенъ, легко можетъ оправдать себя. Роль судьи—обвиненіе, роль подсудимаго—защита. Но предъ судомъ историка предстоятъ всегда „отошедшіе въ вѣчность“, которые уже сами защищаться не могутъ,—на историкѣ, поэтому, лежитъ священная обязанность, даже въ случаѣ виновности историческаго лица, собрать

⁽⁵³⁾ Ворон. Акты: кн. 1-я стр. 118, 126; кн. 2-я стр. 5, 16, 17, 42, 43.

⁽⁵⁴⁾ См. „Воронежъ въ ист. и совр.-статист. отя.“, стр. 17.

вѣтъ факты, которые могутъ послужить къ смягченію степени виновности его,—другими словами, историкъ долженъ представлять собою судью и защитника въ одно и тоже время, во имя справедливости, во имя исторической точности...

Руководствуясь этимъ, мы начнемъ съ того, что возстановимъ безвинно запятнанную честь первыхъ защитниковъ нашего перваго города—воронежскихъ казаковъ. Мы говоримъ, и сейчасъ докажемъ справедливость нашихъ словъ, что не только они не грабили и не убивали, но что напротивъ того, ихъ грабили и перерѣзали вѣхъ до одинаго вмѣстѣ съ злополучнымъ воеводою, княземъ Шибановскимъ-Долгорукимъ. Кто-же разорилъ Воронежъ и кто перебилъ его жителей? На это отвѣчаемъ: городъ Воронежъ разоренъ, а жители перебиты литовскою конницею, высланною нарочно съ этою цѣлью, и случилось это вотъ по какому поводу.

Затѣявъ войну съ Швеціею, Московское Правительство должно было обезпечить себя со стороны Польши, съ этою цѣлью были сдѣланы попытки склонить Крымскаго хана ко впаденіямъ въ Литву; но Польша очень скоро провѣдала объ этихъ переговорахъ, поэтому, когда московскіе полки шли громить Эстонію, а Годуновъ обратился къ градоначальникамъ Польской Ливоніи съ завѣреніемъ, что войско не коснется областей, принадлежащихъ Польшѣ, то король Сигизмундъ отвѣтилъ молчаніемъ. Между тѣмъ необходимо было узнать его расположеніе. Что оставалось дѣлать? Дума Московская избрала слѣдующій путь. Она отправила съ этою цѣлью гонца въ Вильну съ письмомъ къ литовскимъ панамъ, въ которомъ говорилось о намѣреніи Крымскаго хана воевать ихъ землю и что ханъ Казы-Гирей предлагалъ Россіи отъ имени Турецкаго султана вѣчный миръ; но что Государь отказался, искренно имъ доброжелательствуя. Письмо оканчивалось слѣдующими словами: „Остере-

гаемъ васъ, думая, что рано или поздно вы увидите необходимость соединиться съ Россіею для общей безопасности христіанъ“. Но литовскихъ пановъ трудно было обмануть: въ весьма вѣжливыхъ выраженіяхъ изъявили они благодарность за предостереженіе, но тутъ же прибавили, что у нихъ есть другіе слухи, а именно, что Москва склоняетъ дарами и обѣщаніями Крымскаго Хана ко впаденіямъ въ Литву..... Какъ бы въ отвѣтъ, вскорѣ послѣ этого, отрядъ литовскихъ казаковъ, разоривъ Черниговъ, Рыльскъ, Путивль, подошелъ къ Воронежу. Это было апрѣля въ 20 день 1590 г. *Воронежскіе казаки* и остальное войско, имѣя во главѣ воеводу, князя Ивана Андреевича Шибановскаго-Долгорукаго, бились до послѣдней капли крови: „и всехъ людей до одного человека выѣкли“, т.-е. *все* они были перебиты.—Никто не измѣнилъ, никто не опозорилъ себя бѣгствомъ. Когда гарнизонъ былъ перебитъ, литовскій отрядъ сжегъ городъ и удалился. Судя по донесенію Путивльскаго воеводы, что „отрядъ этотъ по пути громитъ казацкіе станичные и сторожевые пункты“, мы въ правѣ думать, что они же истребили или разогнали казачьи поселенія Придачи и Бороваго.

Наконецъ, чтобы окончательно доказать нѣпостоятельность обвиненія нѣкоторыми историками воронежскихъ казаковъ въ измѣнѣ Правительству, приводимъ авторитетный отзывъ о нихъ—Царя Михаила Ѳеодоровича: „А они, воронажские Черкасы, люди добрые: какъ пришли от Поляковъ, отъ ихъ разоренья и смертного убоиства и посеченья, свое крестное целованье помнятъ, какъ и пришли на Воронажъ, и изъ нихъ никто Намъ, Великому Государю, не измѣнивалъ, а служатъ они Намъ, Великому Государю, правдою, измѣны отъ нихъ никакой не бывало. И онибъ, Черкасы, і впредь, помня свое крестное целованье і Наше жалованье, Намъ, Великому Государю, и Нашего Царскаго Величества сыну Царевичю Князю Олек-

сѣю Михайловичю, служили, и на Воронеже на вѣч-
ное житѣ строились по прежнему Нашему указу,
безо всякаго сумнѣнья і опасенья“....⁽⁵⁵⁾.

Какъ увидимъ далѣе, Воронежъ не долго оста-
вался разрушеннымъ и, слѣдовательно, дѣло колони-
заціи края не прекратилось.

⁽⁵⁵⁾ Ворон. акт. кн. I, стр. 102.

ГЛАВА III-Я.

Новые факты. Поправки и дополненія. Виновики разрушенія Воронежа. Цѣль разрушенія. Доказательства. Значеніе Воронежа въ политическомъ и другихъ отношеніяхъ. Хорошая и дурная сторона казачества. Казачій Голова. Турція и Крымъ въ отношеніи къ Россіи. Сношенія Руси съ Крымомъ. Участь плѣнныхъ и выкупъ ихъ. Построенія города Ливенъ. Его значеніе и роль въ отечественной исторіи. Военные дороги. Старинный русскій языкъ. Князь Кольцовъ-Масальскій, какъ строитель городовъ. Сѣздъ пословъ и переговоры въ Ливнахъ. Гордость боярина Хворостинина. Враждебность Турціи. Посоль Благовъ. Василій Биркинъ, первый постоянный Казачій Голова на Дону. Построеніе новыхъ городовъ. Кончина Ѳедора Іоанновича. Смутное время. Поведеніе нашихъ украинскихъ городовъ. Выводъ.

Прежде чѣмъ продолжать дальнѣйшее повѣствованіе объ историческомъ теченіи событій въ Воронежскомъ краѣ, намъ необходимо сдѣлать нѣсколько поправокъ, или вѣрнѣе—совершенно измѣнить нѣкоторые факты, переданные нами со словъ писавшихъ о Воронежскомъ краѣ до насъ ⁽³⁶⁾, и оказавшіеся неточными, а также дополнить недосказанное ими.

Документы, хранящіеся въ Воронежскомъ Губернскомъ Статистическомъ Комитетѣ, не восходятъ далѣе 1615 года, поэтому мало надежды почерпнуть оттуда свѣдѣнія за первые годы существованія Воронежа (1586—99), и наши предшественники поэтому, вѣроятно,—обходили молчаніемъ этотъ періодъ, допуская, что Воронежъ былъ отстроенъ лишь въ правленіе Бориса Годунова, т. е. уже около 1598 года. Намъ посчаст-

⁽³⁶⁾ Волховитиновъ, Н. Второвъ и др.

ливилось отыскать вполне достовѣрныя свѣдѣнія, дополняющія сообщенное вышеупомянутыми бытописателями. Дополненія и поправки эти слѣдующія:

1. Изъ трехъ лицъ, посланныхъ строить городъ Воронежъ, *первымъ* воеводою оказывается Семень Ѳедоровичъ Сабуровъ, *вторымъ*—Иванъ Судаковъ, а Василий Биркинъ былъ посланъ *Казацкимъ Головою* донскихъ казаковъ. Ему назначено постояннымъ мѣстопробываніемъ вновь строившійся городъ Воронежъ. О Биркинѣ еще будетъ сказано далѣе.

2. Воевода князь Иванъ Андреевичъ Шибановскій-Долгорукій былъ назначенъ *первымъ* воеводою въ Воронежъ, не въ 1590, а въ 1589 году ⁽³⁷⁾ и одновременно съ нимъ *вторымъ* въ Воронежъ воеводою былъ посланъ князь Василий Григорьевичъ Щетининъ; но послѣднему не суждено было погибнуть въ Воронежѣ.... Въ началѣ роковаго 1590 года князь Щетининъ посланъ, въ званіи перваго воеводы въ городъ Михайловъ ⁽³⁸⁾, а князь Долгорукій остался одинъ въ ожиданіи младшаго товарища, вмѣсто котораго, какъ мы уже видѣли, явился отрядъ литовскихъ казаковъ изъ *Канева*, разрушившій городъ до основанія...

3. Весьма интересный для насъ фактъ. Оказывается, что городъ не оставался въ развалинахъ до 1598 года, а напротивъ того, въ томъ же году (1590), какъ только было получено извѣстіе о разрушеніи города Каневцами, немедленно былъ посланъ вновь построить городъ князь Григорій—меньшой Ивановичъ Долгорукій, родственникъ убитаго Каневцами воеводы ⁽³⁹⁾. Когда Каневскіе черкасы разрушили Воронежъ, въ то время князь Григорій—меньшой Ивановичъ Долгорукій находился головою въ Государевомъ полку

⁽³⁷⁾ См. опис. службъ бл. Рос. двор. ч. II, 4538-й.

⁽³⁸⁾ Тамъ-же, часть I, 2001-й.

⁽³⁹⁾ Тамъ-же, часть II, 4546-й.

въ походѣ въ Новгородъ противъ шведовъ, и онъ съ пути вернулся и вновь построилъ Воронежъ, въ которомъ онъ и пробылъ *первымъ* воеводою со второй половины 1590-го до 7-го августа 1592-го года, а затѣмъ былъ онъ отправленъ на берегъ Оки для храненія отъ прихода Крымцевъ—*вторымъ* воеводою Сторожеваго полка ⁽⁶⁰⁾. Такимъ образомъ оказывается, что городъ Воронежъ не существовалъ всего только нѣсколько мѣсяцевъ.

4. Князя Долгорукаго смѣнилъ первымъ же воеводою князь Владимиръ Ивановичъ Клубковъ-Масальскій ⁽⁶¹⁾, который оставался только до конца 1592 года, а на его мѣсто въ томъ же году присланъ князь Владимиръ Ивановичъ Масальскій ⁽⁶²⁾. Князь Клубковъ-Масальскій посланъ въ Шацкъ воеводою, гдѣ онъ пробылъ два года (1593—94) ⁽⁶³⁾, а первый оставался воеводою въ Воронежѣ, какъ кажется, до 1595 года.

5. Въ 1595 и 1596 годахъ въ Воронежѣ былъ воеводою князь Семень Михайловичъ Лобановъ-Ростовскій, который посланъ отсюда въ 1597 году первымъ воеводою въ Сургутъ ⁽⁶⁴⁾.

6. Въ 1597 году присланъ въ Воронежъ первымъ воеводою князь Федоръ Александровичъ Гладышевъ-Масальскій ⁽⁶⁵⁾, который пробылъ годъ.

7. Въ 1598 году воеводою въ Воронежѣ былъ назначенъ князь Федоръ Осиповичъ Масальскій ⁽⁶⁶⁾, который также пробылъ только годъ.

⁽⁶⁰⁾ Тамъ-же.

⁽⁶¹⁾ Тамъ-же, ч. II, 4040-й.

⁽⁶²⁾ Тамъ-же, ч. II, 4008-й.

⁽⁶³⁾ Тамъ-же, ч. II, 4040-й.

⁽⁶⁴⁾ Тамъ-же, ч. II, 2693-й.

⁽⁶⁵⁾ Тамъ-же, ч. II, 4006-й.

⁽⁶⁶⁾ Тамъ-же, ч. II, 4003-й.

8) Въ 1599 году первымъ воеводою годовалъ въ Воронежѣ князь Федоръ Борисовичъ Елецкій ⁽⁶⁷⁾.

Вотъ тѣ немногія свѣдѣнія, которыми мы пока пополняемъ лѣтописи воронежскаго края. Теперь вернемся къ прерванному повѣствованію.

Приписывая разрушеніе города Воронежа мести Литвы, а не простому грабежу литовскихъ черкасъ, мы основывались главнымъ образомъ на томъ, что для простыхъ грабителей новый городъ, существующій всего два или три года, съ чисто военнымъ населеніемъ, слѣдовательно городъ бѣдный, едва-ли могъ служить приманкою, столь сильною, чтобы ради этого отрядъ въ 600 человекъ рѣшился пройти столь значительное пространство, туда и обратно, въ то время когда по пути этому отряду попадались города болѣе древніе съ болѣе богатымъ населеніемъ; но что страннѣе всего, — эти грабители проходятъ равнодушно мимо тѣхъ городовъ, безкорыстно отказываются отъ поживы, а предпочитаютъ заняться малоприбыльнымъ трудомъ — уничтоженіемъ нашихъ станицъ и сторожъ, и бѣднаго города, вѣрнѣе даже, военного поста — Воронежа. Считать ихъ шайкою грабителей изъ малоросійскихъ казаковъ тѣмъ болѣе трудно, что помимо ихъ идеально-безкорыстнаго подвига, невозможнаго для разбойниковъ, необходимо имѣть въ виду, что малороссы — казаки „вольные“ — не дѣлали набѣговъ на своихъ собратьевъ, донскихъ казаковъ, и во всякомъ случаѣ не совершили бы рядъ подвиговъ, результатомъ которыхъ могли быть только польза и и выгода врагамъ ихъ, Литвѣ и Татарамъ, несомнѣнный вредъ единовѣрной Россіи и имъ же самимъ. Только одни *реестровые казаки* литовскіе, т. е. Литовская конница была способна совершить это предпріятіе. Эти реестровые казаки принадлежали къ регулярнымъ войскамъ Польши и были настолько преданы

(67) Тамъ-же, ч. II, 4123-й.

ей, что сражались и побивали своихъ же бунтовавшихъ собратьевъ „вольныхъ днѣпровцевъ“. Между реестровыми и вольными казаками существовала непримиримая вражда, какъ это видно изъ универсала гетмана Остряницы: „А казаковъ реестровыхъ, отродковъ и отщепенцовъ нашихъ, для власнихъ ихъ користей и привать своихъ, о упадокъ огчизни недбающихъ, яко ядовитой ехидни стережітєся и крийтєся“ (т.-е. казаковъ же реестровыхъ, выроdkовъ и отступниковъ нашихъ, незаботящихся, ради собственной прибыли и частныхъ выгодъ, объ упадкѣ отечества, берегитесь и опасайтєся, какъ ядовитой ехидны) ⁽⁶⁸⁾.

Мы старались доказать, что городъ Воронежъ былъ разрушенъ съ политическою цѣлью, между прочимъ и потому, что этимъ объясняется и значительность роли, которую игралъ этотъ городъ въ борьбѣ Руси съ Ногайскими и Крымскими татарами. Мы уже видѣли, какъ настойчиво домогались Турки и Крымцы уничтоженія его. А между тѣмъ самъ по себѣ городъ Воронежъ, какъ укрѣпленный пунктъ, былъ еще настолько ничтоженъ что достаточно было военной силы въ 600 человекъ, чтобы перебить весь гарнизонъ и уничтожить весь городъ. Спрашивается, почему же ему придавали такое важное значеніе? На это отвѣчаемъ, Воронежъ, не смотря на свои ничтожные размѣры и военную силу, игралъ весьма важную роль потому, что только благодаря этому городу могъ осуществиться давно лелеянный планъ борьбы съ полумѣсяцемъ Московскаго Правительства путемъ систематической колонизаціи края славянскимъ элементомъ. Въ этомъ отношеніи Московское Правительство одинаково радушно встрѣчало всякаго славянина—переселенца, былъ-ли то великороссъ, бѣлороссъ, полякъ, литовецъ, малороссъ; но образовавшееся изъ нихъ на

⁽⁶⁸⁾ См. „Записки о Южн. Руси“ П. Булишъ, т. II, стр. 306-я.

Дону казачество, при всѣхъ его неоцѣнимыхъ заслугахъ, отличалось по временамъ необузданностью, ставившею нерѣдко Правительство въ неловкое положеніе. Необходимо было, слѣдовательно, управлять этою полезною, но въ то же время полудикою массою, а *управлять казачествомъ* изъ Москвы, какъ неоднократно показаль опытъ, было весьма трудно. Тутъ опять выручалъ городъ Воронежъ. Жившій въ этомъ городѣ Казачій Голова, находился въ то время почти въ центрѣ казачьихъ поселеній и могъ наблюдать за ними. Наконецъ немаловажную роль игралъ также Воронежъ и въ томъ отношеніи, что благодаря ему, татарамъ не легко стало врываться внезапно и слѣдовательно появиться въ одное прекрасное утро „безвѣстно“ подъ стѣнами Москвы. Дѣло въ томъ, что въ Воронежѣ было достаточно служилыхъ людей для того, чтобъ, задержавъ татаръ на короткое время, дать знать о появленіи ихъ на Оку. А на Окѣ постоянно находилось весьма значительное сторожевое войско, которое было расположено такимъ образомъ, что могло подать помощь на каждый пограничный пунктъ, откуда бы ее не потребовали: въ Ливны, Воронежъ и др. города. Но эта громадная армія могла принести пользу въ томъ лишь случаѣ, когда она получала своевременно свѣдѣнія о набѣгѣ татаръ отъ города, удержавшаго ихъ на время; когда же такой городъ по дорогѣ татарамъ не попадался, то обыкновенные сторожевые и станичные посты ихъ уже не только не могли задержать, но даже явиться „съ вѣстями“ ранѣе этихъ проворныхъ хищниковъ имъ рѣдко удавалось, а больше частью они погибали въ степи отъ рукъ хищниковъ. Понятно, что татары успѣвали разграбить одинъ или даже нѣсколько городовъ и захвативъ „много полону“ скрывались ранѣе появленія полковъ съ Оки. Вотъ въ подобномъ то положеніи находилась Русь въ 1590 году, т. е. когда Воронежъ былъ разрушенъ.

Здѣсь сдѣлаемъ маленькое отступленіе, чтобы познакомиться съ положеніемъ, въ которомъ находился Крымъ въ описываемое время и съ отношеніемъ Турціи и Крыма къ Россіи.

Отношенія Турціи къ Россіи въ концѣ 16-го столѣтія были крайне натянуты. Турція никакъ не могла примириться съ мыслью, что два магометанскихъ царства, Казанское и Астраханское, подпали подъ власть Русскаго Царя, и она не переставала грозить отнятіемъ завоеваній Іоанна Васильевича. Крымскій ханъ, какъ вассалъ турецкаго султана, исполняя приказанія послѣдняго, съ 1584 по 1588 года нѣсколько разъ нападалъ на Украйну, произвелъ значительныя опустошенія и увелъ очень много плѣнниковъ. Въ это время Русь готовилась къ борьбѣ съ храбрымъ и сильнымъ королемъ польскимъ Баторіемъ, вслѣдствіе чего почти всѣ войска были выведены на границы Польши и Литвы, а вся южная Русь, въ томъ числѣ и Воронежскій край остались почти безъ защиты. Къ счастью, въ это время въ Крыму происходили усобицы: ханъ Магметъ-Гирей былъ убитъ братомъ Исламъ-Гиреемъ, который и занялъ его мѣсто; но сыновья Магметъ-Гирея, Сайдеть и Муратъ, свергнули и прогнали дядю своего Ислама-Гирея, причемъ опустошили весь Крымъ, ханскую казну всю разграбили и захватили всѣхъ русскихъ и литовскихъ плѣнныхъ женщинъ и дѣтей; но дядя ихъ Исламъ-Гирей, при помощи Турціи, вскорѣ вернулся и прогналъ своихъ племянниковъ Сайдета и Мурата, которые отдались подъ покровительство Руси: Сайдету разрѣшили кочевать съ Ногаями близъ Астрахани, а Муратъ предпочелъ городскую жизнь, и ему позволили поселиться въ самомъ городѣ—Астрахани. Между тѣмъ Исламу-Гирею пришлось очень скоро убѣдиться, что онъ среди своихъ подданныхъ далеко не такъ популяренъ, какъ его племянники. Опасаясь этого вліянія, онъ

старался привлечь на свою сторону Турокъ, позволяя имъ всякаго рода насилія, тѣмъ окончательно возстановилъ противъ себя Крымцевъ. Дошло наконецъ до того, что Крымцы стали громко высказывать слѣдующее неутѣшительное для него желаніе: „Мы всѣмъ Крымскимъ юртомъ желаемъ“, откровенничали подвластные ему Татары, „чтобы былъ царемъ Сайдеть-Гирей царевичъ, а Исламъ-Гирея всѣ люди не любятъ, турецкими людьми Крымскій юртъ опустошилъ, отъ янычаръ насильство и убійство великое“. Положеніе Крыма было въ это время до того жалкое, что когда московскій гонецъ привезъ въ Крымъ ничтожные подарки, то, противъ обыкновенія, и имъ тамъ удивлялись и радовались: „Государь вашъ прислалъ мнѣ поминки легкіе“, говорилъ гонцу Алпъ-Царевичъ, калга Исламъ-Гирея, „но мы не думали, чтобы Государь вашъ въ такое время захотѣлъ и сноситься съ нами“!.

Исламъ-Гирей понялъ серьезность своего положенія, необходимость во чтобы ни стало избавиться отъ соперничества племянниковъ, а если можно, то и отъ нихъ самихъ. „Если хочешь съ нами въ самомъ дѣлѣ быть въ дружбѣ“, писалъ онъ Царю Ѳеодору Іоанновичу въ отвѣтъ на полученное отъ него письменное увѣреніе въ дружбѣ и вѣчномъ мирѣ, „то ты бы нашихъ недруговъ, Сайдета и Мурата у себя не держалъ, хотя они тебѣ и въ руки попались; ты бы сослалъ ихъ туда, гдѣ бы ихъ не слышать, ни видать, а денегъ и казны негодится имъ давать. Если ты съ нами подружисься, то мы непременно станемъ надъ *незпноу* Лигвою промышлять“.

Но Московское Правительство не трогалась этими обѣщаніями и не сослало крымскихъ царевичей по указанному Исламомъ адресу. Оно отлично понимало, что царевичи эти для Руси полезны, ибо пребываніе ихъ близъ Крыма—мечъ надъ головою Исламъ-Гирея; тѣмъ не менѣе Московскому послу велѣно

было поручиться хану, что Сайдеть и Мурать не пойдутъ на Крымъ, если только самъ ханъ не пойдеть на Московскія Украйны, царевичей не отпустить, султану походъ на Астрахань отговорить, а въ Москву вѣсть пришлетъ о замыслахъ Турціи. Хану оставался выборъ: или сдѣлаться отнынѣ другомъ Россіи, или продолжать набѣги и тогда, быть можетъ, лишиться ханства. Онъ предпочелъ первое, но и это его не спасло....

Запорожскіе казаки оказывали еще больше услугъ Руси, чѣмъ донскіе казаки, тѣмъ что буквально не давали покоя ни туркамъ, ни татарамъ, принимали ихъ всячески и тѣмъ раздражали султана и хана противъ Литвы—въ то время также сильнаго врага Руси; перессоривъ и разоривъ враговъ и противниковъ, казаки давали Руси возможность отдохнуть на время отъ войны, или набѣговъ. Но всего менѣе церемонились „вольные сыны степей днѣпровскихъ“ съ Крымомъ. Безцеремонность доходила до того, напримѣръ, что ограбивъ Крымскіе улусы, они вскорѣ послѣ этого являлись къ хану съ предложеніемъ своей службы и, недождавшись результата переговоровъ, вторично грабили. За годъ до построения города Воронежа, именно въ 1585 году, днѣпровцы съ атаманомъ своимъ, Яномъ Ярышевскимъ, напали на Крымскіе улусы и такъ очистили, что однихъ лошадей и скота татары не досчитали послѣ этого визита болѣе 40,000 головъ, причемъ они увели съ собою въ плѣнъ множество людей. Еще не успѣли татары опомниться послѣ этого набѣга, какъ пріѣхали къ хану, отъ того же Ярышевскаго, четыре казака, которые говорили ему: „Прислали насъ атаманы Днѣпровскіе, *чтобы ты, государь, ихъ пожаловалъ, съ ними помирился и далъ имъ свое жалованье*; атаманы же и веѣ черкасы тебѣ хотятъ служить: куда ихъ пошлешь на своего недруга, кромѣ Литовскаго короля, и они готовы“. Но вмѣсто службы хану казаки взяли городъ

Очаковъ, а въ 1588 году, въ числѣ 1500 человекъ, пришли моремъ въ судахъ на Крымскіе же улусы и Туптараханъ, между Козлевымъ и Перекопью, взяли и разрушили 17 селъ. Тогда разгнѣванный Турецкій султанъ прислалъ къ Исламъ-Гирею съ угрозою, что если все такъ будетъ, то онъ выгонитъ его изъ Крыма.

Поставленный межъ двухъ огней, бѣдный Исламъ *умеръ* въ томъ же году, а преемникъ его, Казы-Гирей, въ исполненіе воли султана, долженъ былъ мстить Литвѣ за опустошенія Днѣпровскихъ казаковъ. Но разрушеніе города Воронежа Литовскимъ отрядомъ въ 1590 году явно доказываетъ, что Литовцамъ были извѣстны сношенія Головъ Лихарева и Хрущова съ Днѣпровцами....

Но не мало доставалось также Турціи и Крыму отъ Донскихъ и Терскихъ казаковъ. Ханъ писалъ Годунову: „Ваши казаки донскіе Азову городу досаждаютъ; ваши же козаки съ Дона и съ Самары къ Овечьимъ Водамъ приходятъ украдкою къ нашимъ улусамъ, воруютъ скотъ. Султанъ ко мнѣ писалъ, что казну свою потратилъ, взялъ городъ Дербентъ, а теперь изъ Азова въ Дербентъ людямъ его прохода нѣтъ: Русскіе козаки, которые на Терекѣ живутъ, на перевозахъ и топкихъ мѣстахъ на нихъ нападаютъ; султанъ не можетъ этого терпѣть, съ большою ратью и нарядомъ хочетъ города брать и Москву воевать“.

Согласно существовавшему обычаю, каждый новый ханъ, для поддержанія своего достоинства, обязанностью считалъ „побывать“ на берегу Оки, т.-е. сдѣлать набѣгъ на нашу Украину. Казы-Гирей пробовалъ, вскорѣ послѣ своего избранія, прорваться до Москвы, но какъ войска успѣли собраться подъ Москвою, слѣдовательно набѣгъ, не будучи неожиданнымъ, не могъ быть успѣшенъ, то онъ дѣйствительно окончился очень неудачно для Казы-Гирея.

который вернулся разбитый, раненый и потерявъ весь обозъ; но когда онъ сдѣлалъ вторичный набѣгъ, въ 1592 году, когда въ маѣ мѣсяцѣ этого года въ предѣлы Воронежскаго края ворвался „безвѣстно“ калга Фети-Гирей, то обстоятельства значительно измѣнились къ худшему для насъ: Не только Воронежскія, но и Рязанскія, Каширскія и Тульскія земли были имъ страшно опустошены. Татары пожгли множество селъ и деревень и забрали въ плѣнъ большое количество людей. Полону сведено было такъ много, говоритъ лѣтописецъ, что и старые люди не запомнятъ такой войны отъ поганыхъ...

Повеселѣвшій послѣ этого удачнаго набѣга ханъ надсмѣхался надъ безпечностью воеводъ и сказалъ царскому гонцу: „Дивлюсь я больше всего тому, что около Троицына дня у васъ прибылыхъ большихъ людей ни на берегу (рѣки Оки) ни на Украинѣ не было, а которые украинскіе люди и собрались, и они были всѣ въ лѣсу, на поле не вышли и съ нашими людьми не бились, *только и побились немного Литовскіе люди*. Сказывали мнѣ царевичи и всѣ князья: такой войны нашимъ людямъ не бывало никогда; наши люди ни сабли, ни стрѣлы не вынимали, *загоняли плетнями плетми*“ ⁽⁶⁹⁾. Гонецъ отвѣчалъ: „Ты призывалъ къ Государю гонцовъ своихъ съ любовными грамотами, и отъ того людей на Украинѣ въ сборѣ не было; *если теперь такъ оплошали, то впередъ уже такъ не будетъ, не оплошится Государь нашъ, положась на твое слово*“. Мы скоро увидимъ, что это не была пустая фраза, и что похвальба эта дорого обшлась хвастливому хану....

На запросы ханскіе и обычные увѣренія, что „калга-де напалъ на Московскія украины своевольно“, Царь велѣлъ отвѣчать ему: „Посылаемъ къ тебѣ посла съ большими поминками, а на тебѣ хотимъ

⁽⁶⁹⁾ Ист. Госуд. Росс.

еще правды посмотрѣть. Одного изъ пословъ твоихъ, Аллабердея мурзу, мы оставили у себя для большаго дѣла, чтобъ безъ добраго человѣка у насъ не было и ссылка между нами не порвалась. Когда нашъ посланникъ Семенъ Безобразовъ и твои гонцы въ Крымъ къ тебѣ придутъ, то ты тотчасъ отпусти къ намъ своего гонца легкаго и отпиши, какого своего добраго человѣка нарядишь къ намъ въ послахъ и какого большаго своего человѣка пошлешь съ нимъ въ провожатыхъ, который съ нашимъ добрымъ человѣкомъ у Ливенъ будетъ говорить о вѣчномъ мирѣ. Напиши къ какому сроку быть имъ къ Ливнамъ и взять нашего посла и твоего позла Аллабердея съ большими поминками и запросными деньгами: мы къ этому сроку пришлемъ при своемъ послѣ, князь Меркурій Щербатомъ, и своего добраго человѣка, который съ твоимъ ближнимъ великимъ человѣкомъ о всякихъ дѣлахъ приговорить и размѣняется послами по прежнему обычаю: нашъ посолъ князь Щербатый и твой посолъ Аллабердей пойдутъ къ тебѣ, а твой новый посолъ и нашъ старый посланникъ Безобразовъ пойдутъ къ намъ“.

Посылая „поминки“ крымскимъ хану и военачальникамъ, Московское Правительство, во избѣжанія бесполезной траты денегъ, дало посланнику Безобразову секретно наказъ такого рода: „Послано съ нимъ 1000 золотыхъ и ему тѣ золотые держать у себя тайно; какъ онъ придетъ въ Крымскіе улусы и провѣдаетъ, что царь въ Крыму не по старому и походу на Московскія украины не чаятъ, или царь ждетъ себѣ перемѣны отъ Турскаго, или есть на немъ какая нибудь иная худоба, или будетъ у него походъ на Литву, по приказу Турскаго, то ему, Безобразову, ни какъ не давать золотыхъ и держать ихъ у себя тайно, чтобъ никто не зналъ, и толмачи. А если онъ провѣдаетъ, что царь наготовѣ, собрался на государевы украины и худобы на немъ нѣтъ никакой,

то дать золотые: парю 700, калѣ 200, Нурадину царевичу 100⁽⁷⁰⁾. Но принимая мѣры и сторожности, чтобы „золотые“ безъ крайне необходимости не попадали въ карманъ ненавистныхъ татаръ, Московское Правительство въ тоже время ничуть не скупилось, когда дѣло шло о выкупѣ плѣнныхъ. Обыкновенно платили за дѣтей боярскихъ отъ 50 до 100 рублей, за сотника стрѣлцаго 50, за попадю 25, за княжескую дочь 50, а за людей простаго званія обыкновенно не платили деньгами, а обмѣнивались плѣнниками. Но такъ какъ татары нерѣдко уводили такъ много мирныхъ жителей въ плѣнъ, что ни выкупить, ни обмѣнять не представлялось никакой возможности, то этимъ несчастнымъ почти никогда не удавалось возвратиться въ свое отечество. Молодые русскія женщины и дѣвушки продавались въ гаремы на восточныхъ базарахъ, а выдѣлявшіяся красотою поступали въ ханскій гаремъ; мушны же продавались въ рабство.

Въ послѣдній набѣгъ 1592 года попало въ плѣнъ нѣсколько людей значительныхъ. Безобразову дано было порученіе *непретѣнно выкупить ихъ*: такъ на примѣръ за Никифора Ельчанинова велѣно дать до 200 рублей; за жену Тутолмина 200 изъ царской казны, да отъ мужа столько же, итого 400 рублей—сумма по тому времени громадная, говорящая намъ о красотѣ Тутолминой; за мать Щепотьевыхъ, женщину знатнаго происхожденія, но не молодой, давать до 70 рублей изъ царской казны, да отъ дѣтей ея до 40.

Въ 1593 году, городъ Ливны, построенный, какъ мы видѣли, одновременно съ Воронежемъ, не могъ еще считаться *краснымъ градомъ*, даже по понятіямъ того времени. Если городъ Ливны отличался лучшимъ укрѣпленіемъ въ сравненіи съ Воронежемъ, такъ какъ онъ построенъ болѣе опытнымъ въ этомъ

(70) Тамъ-же.

дѣлѣ бояриномъ Кольцовымъ-Масальскимъ, за то Воронежъ имѣлъ преимущество предъ нимъ въ силу своего географическаго положенія, т.-е. находясь почти на точкѣ впаденія Воронежа въ Донъ, онъ скоро сдѣлался торговымъ центромъ. Ливны же построены потому, что въ 20 верстахъ отъ этого города, близъ устьевъ рѣки Чернавы, былъ бродъ. Здѣсь проходилъ знаменитый въ исторіи воронежскаго края „Журавскій шляхъ“—это былъ главный путь, по которому врывались на Русь изъ Крыма татарскія толпы. Сюда же выходила изъ Воронежскаго края, по берегу рѣки Дона, татарская „Калмюская дорога“, и по нынѣшней Курской губерніи шла дорога изъ Крыма къ Чернавскому броду; такимъ образомъ онѣ сливались здѣсь, на этомъ мѣстѣ, въ одну большую дорогу, которая проходила къ Тулѣ и далѣе ⁽⁷¹⁾.... Вотъ на этомъ то мѣстѣ и по этой причинѣ и построенъ городъ Ливны. Понятно, что съ военной точки зрѣнія городъ Ливны долженъ былъ играть весьма важную роль, но сдѣлаться торговымъ городомъ онъ не могъ: эти пути, вопреки обыкновенному порядку вещей, не только не способствовали тому, но, обратно, служили помѣхою... То были не мирные пути, торговые, а *кровавые*, по которымъ кровь не высыхала....

Такъ какъ городъ Ливны въ настоящее время не входитъ въ составъ воронежской губерніи, и мы по этому не будемъ о немъ впослѣдствіи распространяться, то скажемъ здѣсь нѣсколько словъ изъ того немногаго, что намъ извѣстно объ этомъ городѣ, для чего намъ необходимо вернуться немного назадъ.

Ранѣе мы говорили, что воевода, князь Владиміръ Васильевичъ Кольцовъ-Масальскій, разставшись съ строителями Воронежа, вошелъ въ устье рѣки

(71) См. „Русскій архивъ“ 1866 г., IV, стр. 369.

Сосны и направился вверхъ по теченію, отыскивая удобное для построенія города мѣсто. Выраженіе: „На Соснѣ поставить Ливны“ было также хорошо понято княземъ Масальскимъ, какъ „на Дону, на Воронежѣ поставить городъ Воронежъ“—воеводою Сабуровымъ. Эта способность выражаться кратко и ясно—отличительная черта языка нашихъ предковъ. Въ переводѣ на современный намъ языкъ это выраженіе звучитъ такъ: Масальскій долженъ плыть по Соснѣ, пока не дойдетъ до устья рѣчки Ливенки, и здѣсь слѣдовало построить городъ съ наименованіемъ рѣчки; выраженіе „на Соснѣ“ опять замѣняетъ здѣсь цѣлую фразу: Хотя городъ долженъ находится у устья Ливенки (иначе онъ не былъ бы названъ напередъ Ливнами), но вмѣстѣ съ тѣмъ его должно построить *непрерывно* на берегу рѣки Сосны, а не Ливенки. Точно также выраженіе: „На Дону, на Воронежѣ“, означало, что городъ долженъ быть построенъ на рѣкѣ Воронежѣ, но какъ можно ближе къ Дону. Что касается выраженія „не доѣзжая 2 днища до Оскола и Богатаго затона, то-есть въ разстояніи отъ этихъ точекъ двухъ дней ходьбы, или около 120 верстъ, то оно здѣсь не служитъ опредѣленіемъ географическаго положенія будущихъ городовъ, а приведено *для сѣдѣнія*, что вотъ такія-то мѣстности будутъ находиться въ такомъ-то разстояніи отъ вновь построенныхъ городовъ.

Князь Кольцовъ-Масальскій выбралъ то самое мѣсто, на которомъ ранѣе была сторожа, на крутомъ мысу, образуемомъ впаденіемъ Ливенки въ Сосну. Выше мы уже видѣли, какъ почиталась въ то время мѣстность нынѣшняго города въ стратегическомъ отношеніи, благодаря тому обстоятельству, что здѣсь сходились дороги *Калмусская* (на ю.-в.), *Муравская* (на ю.-з.) и Изюмская (средняя), по которымъ происходили набѣги ордынскихъ хищниковъ. Сообразно этому и былъ построенъ городъ, вѣрнѣе кремль. Онъ былъ поставленъ на крутомъ мысу, кромѣ того, съ

востока и юга укрѣплень землянымъ валомъ, а съ сѣвера и запада высокимъ деревяннымъ палисадомъ и кругомъ обведенъ рвомъ въ $2\frac{1}{2}$ сажени глубиною. Воевода и князь Владиміръ Васильевичъ, строитель Ливень⁽⁷²⁾, былъ знатокъ своего дѣла. За годъ предъ тѣмъ онъ былъ посланъ *описывать и мѣрить* Козельскій уѣздъ и исполнилъ какъ тамъ, такъ и тутъ блестяще возложенныя на него порученія. Къ концу года готовый городъ Ливны уже красовался на высокомъ мысѣ на страхъ врагамъ, а въ началѣ 1587 года, передавъ городъ присланному первымъ воеводою въ Ливны князю Андрею Ивановичу Дашкову⁽⁷³⁾, самъ отправился первымъ же воеводою въ Болховъ. Впослѣдствіи мы еще съ нимъ встрѣтимся, въ Валуйкахъ, а тутъ только замѣтимъ, что онъ былъ посылаемъ почти всегда въ качествѣ строителя городовъ: Ливень, Кромъ, Тетюшанъ, Валукъ и другихъ.

Что касается дальнѣйшей судьбы этого интереснаго для насъ въ настоящее время города, то замѣтимъ вкратцѣ, что какъ городъ, такъ и его окрестности подвергались частымъ опустошеніямъ отъ татаръ не только въ XVI, но и въ XVII столѣтіи, какъ напримѣръ въ 1618, 1624, 1625, 1646, 1659 и 1677 годахъ.

Въ періодъ самозванцовъ городъ этотъ пріобрѣлъ себѣ весьма печальную извѣстность: онъ держалъ ихъ сторону и служилъ мѣстомъ сбора всѣхъ бродягъ и „лихихъ“ людей, такъ что въ народѣ сложилась даже пословица: „Ливны—всѣмъ ворами дивны“⁽⁷⁴⁾.... Съ девяностыхъ годовъ XVI столѣтія до половины царствованія Михаила Ѳеодоровича въ Ливнахъ

(72) См. „Опис. сл. благ. Рос. дв., ч. II, 4017-й.

(73) Тамъ-же, ч. I, 1114-й.

(74) См. „Геогр.-Стат. слов. Рос. И.“ П. Семенова, т. III, стр. 45.

происходилъ размѣнъ привѣтствій пословъ московскихъ и ханскихъ и содержался конвой, сопровождавшій нашихъ пословъ въ Крымъ и обратно. Принимая и провожая ханскихъ пословъ изъ Ливенъ, Московское Правительство каждый разъ напоминало провожавшимъ ихъ, водить пословъ прямо на Ливны, дабы тѣ не замѣтили существованія новыхъ городовъ по Дону, т. е. Воронежа, Валускъ и другихъ.

Такова исторія этого города до описываемой нами эпохи. Теперь посмотримъ къ какому результату привели переговоры Хворостинина и Щербатова съ Ахметъ-пашою, происходившіе въ Ливнахъ въ концѣ 1593 года.

Позднею осенью, именно въ ноябрѣ 1593 года, въ маленькомъ городкѣ Ливнахъ должно было замѣчаться необычайное оживленіе. Городокъ, вѣроятно, принялъ праздничный видъ. Причиной тому былъ чутъ ли не первый здѣсь съѣздъ представителей Московскаго Правительства для предварительныхъ переговоровъ съ ханскимъ посломъ. Со стороны Московскаго Правительства главнымъ представителемъ былъ нарочно присланный сюда первымъ воеводою бояринъ и князь Ѳедоръ Ивановичъ Хворостининъ, ему въ помощь—крымскій посоль (1593—94 гг.) нашъ, князь Меркурій Александровичъ Щербатовъ; съ ними пріѣхали также оружничій Богданъ Яковлевичъ Бѣльскій и многочисленная свита. Пріѣхалъ также и ханскій посоль и тоже съ блестящею свитою; но въ Ливны не заѣхалъ, а остановился на правомъ берегу рѣки, гдѣ и раскинулъ свой шатерь. Хворостининъ послалъ сказать Ахметъ-пашѣ, чтобъ тотъ ѣхалъ къ нимъ за рѣку Сосну, т.-е. въ городъ на переговоры; Ахметъ заупрямился и не поѣхалъ на томъ основаніи, что ему, Ахмету, ѣхать неумѣстно: „прежде пріѣзжалъ въ Путивль большой братъ мой Муратъ-князь“, объяснялся Ахметъ-паша, „а

съ Москвы прїѣзжалъ тогда на размѣну пословъ Андрей Нагой, который прїѣзжалъ за рѣку Сеймъ къ Мурату-князю въ шатерь, а потому теперь я, Ахметъ-паша, государя своего имени потерять и прежняго обычая нарушить не хочу“. Упорствовалъ на своемъ и Хворостининъ: „Андрей Нагой“, возражалъ онъ, „былъ дворянинъ обычный и великаго такого дѣла тогда не было, а теперь для великаго дѣла посланы люди великіе“. Ахметъ отвѣчалъ, что и онъ у своего государя человѣкъ именитый же, да и служба его къ царю Федору Іоанновичу вѣдома, и ему отъ хана приказъ—за Сосну не ѣздить. Споры о томъ, кто къ кому поѣдетъ, длились долго. Хворостининъ даже запросъ сдѣлалъ въ Москву, какъ ему быть? Оттуда получили онъ внушеніе, что земля за Сосною тоже Русская, что не слѣдуетъ тормазить переговоры изъ-за причинъ второстепенной важности; но гордая натура русскаго боярина возмущалась при одной мысли, что ему, Хворостинину, первому ѣхать къ поганному пашѣ, и—придумалъ исходъ: онъ урядился съ Ахметъ-пашою, чтобъ имъ съѣзжаться на середину рѣки Созны, на мосту. Такъ и было. Ахметъ далъ шерть (клятву) за хана и царевичей—быть въ прямой дружбѣ и братствѣ съ Царемъ, а Хворостининъ обѣщалъ: „Если ханъ, калга и всѣ царевичи въ своей правдѣ устоятъ, лѣтомъ 1594 года на Московскія украины воевать не будутъ, то государь осенью пословъ своихъ и другую половину запроса (первую половину везъ Щербатовъ) къ хану пришлетъ, и впредь поминки станутъ посылать ежегодно, „государя нашего слово тако не будетъ, въ томъ спрѣте намъ“, добавилъ онъ. Ахметъ отвѣчалъ: „Я вашимъ словамъ вѣрю“; но тутъ же сталъ требовать, чтобъ государь велѣлъ съ Дона казаковъ свести. Хворостининъ обѣщался. Послѣ этихъ предварительныхъ переговоровъ, поѣхалъ въ Крымъ князь Щербатовъ съ поминками; но тамъ дѣло долго не ладилось, несмотря на состоявшееся уже соглашеніе.

Въ Крыму были недовольны поминками, и дѣло бы навѣрно разстроилось, если бы не Ахметъ-паша, который говорилъ хану: „Если ты теперь предъ Московскимъ посломъ клятвы въ вѣчномъ мірѣ не дашь, и пойдешь на султанову службу въ Венгрію, а государь Московскій съ королемъ Литовскимъ помирится, то впередъ тебѣ отъ него ничего не видать“. Ханъ согласился и далъ шерть.

Таковы были отношенія Руси къ Крыму въ описываемую нами эпоху. Что касается Турціи, то въ ней еще таилась глубокая вражда къ намъ за покореніе Казанскаго и Астраханскаго царствъ, а тутъ еще казаки подливали масло въ огонь своими безпрестанными набѣгами на ея владѣнія.

Выше мы упомянули, что въ 1584 году по Дону отправился въ Царь-градъ посланникъ нашъ Благовъ. Это было вотъ по какому поводу. Отношенія царя Іоанна Васильевича къ Турціи, какъ мы видѣли, были крайне натянуты, и Турція выжидала удобнаго момента, чтобы отомстить Россіи. Но какъ въ началѣ 1584 года скончался Іоаннъ Васильевичъ, а на престолъ вступилъ Ѳеодоръ Іоанновичъ, то въ іюль того же 1584 года поспѣшили отправить въ Константинополь посломъ Благова, которому поручено было извѣстить Султана Амурата о восшествіи на престолъ царя Ѳеодора и объявить о милостяхъ, оказываемыхъ имъ турецкимъ подданнымъ. Касательно казацкихъ набѣговъ, Благову велѣно было всю вину взвалить на Крымцевъ, и Благовъ говорилъ турецкимъ пашамъ, что на Дону и близко Азова живутъ казаки, все бѣглые люди, иные казаки тутъ и постарѣли живучи, а ссора идетъ отъ того, что Азовскіе люди съ Крымцами и Ногаями ходятъ на государевы украины войною, много Русскихъ берутъ въ плѣнъ и возятъ въ Азовъ, а козаки этого не могутъ терпѣть и на нихъ приходятъ, потому что ихъ родъ и племя на окраинахъ. Благовъ настаивалъ, чтобъ

султанъ отправилъ съ нимъ своего посланника въ Москву. Турецкое правительство на это долго не соглашалось, наконецъ уступило, и султанъ отпустилъ съ нимъ въ Москву посланника своего Ибраима-Адзія.

Первое требованіе Ибраима, какъ и его предшественника, было, чтобы уняли Донскихъ козаковъ, въ особенности атамана ихъ Кишкина, безпрестанно нападавшаго на Азовъ. Ибраима отпустили съ отвѣтомъ, что на Дону разбойничаютъ больше козаки Литовскіе, чѣмъ Московскіе, что Кишкинъ отозванъ въ Москву, а остальнымъ казакамъ запрещено нападать на Азовъ.

Но если Благовъ говорилъ въ Константинополѣ всѣмъ одно о казакахъ: „Сами знаете, что на Терекѣ и на Дону живутъ воры, бѣглые люди, безъ вѣдома государева, *слушаютъ они никого*, и мнѣ до козаковъ какое дѣло“, то онъ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи подчеркнутаго нами, былъ совершенно правъ. Казаки дѣйствительно, если не всѣ, то большая часть ихъ, вышли изъ повиновенія и доходили до того, что покушались грабить и „безчестили“ даже царскихъ пословъ. Когда въ Москвѣ узнали объ этомъ, то во избѣжаніе непріятностей, на встрѣчу посланникамъ Благову и турецкому, возвращавшимся изъ Турціи, былъ отправленъ Василій Биркинъ. Этотъ Биркинъ, если читатель помнитъ, былъ посланъ вмѣстѣ съ воеводою Сабуровымъ, — строителемъ Воронежа. Итакъ роль Биркина для насъ теперь выяснилась: въ лицѣ этого энергичнаго чловека отправлялся въ Воронежскій край *первый Казачій Голова* — вновь учрежденная должность для обузданія и подчиненія козаковъ.

Пріѣхавъ на Донъ, Биркинъ вмѣстѣ съ подчиненнымъ ему атаманомъ Кишкинымъ и другими атаманами и казаками, вѣрными Правительству, принялись сыскать и перехватывать грабителей и по

данному наказу, „лучшихъ“ трехъ-четырехъ изъ грабителей привели къ государю, т.-е. отравили въ Москву, а другихъ, за воровство ихъ, били кнутомъ на Дону, и били такъ, „чтобъ другимъ, на нихъ смотря, было не повадно воровать“.

Въ 1592 году въ Воронежѣ жилъ уже второй *Казачій Голова*, смѣнившій Василя Биркина—боярский сынъ Лукьянъ Хрущовъ. По поводу назначенія Хрущова, донскіе козаки жаловались Нащокину: „Прежде мы служили Государю и *Головъ у насъ не бывало*, служивали своими головами, и теперь ради Государю служить своими головами“. Изъ этихъ словъ видно, что Хрущовъ дѣйствительно былъ Козачьимъ Головою, и что донцы въ Биркинѣ не признали еще постоянного начальника, а считали его должность временною, вызванною обстоятельствами....

Строитель города Ливенъ, князь Владиміръ Васильевичъ Кольцовъ-Масальскій игралъ въ свое время роль инженера-архитектора: къ этому заключенію приводятъ насъ дошедшія до насъ свѣдѣнія о порученіяхъ, кои на него возлагались. Такъ, напримѣръ, въ 1585 году поручено ему *описать и мѣрить* Козельскій уѣздъ ⁽⁷⁵⁾. Спустя годъ, какъ мы видѣли, строить онъ Ливны. Въ 1594 г. дано ему новое порученіе—строить и укрѣплять *Кромы*, но чтобы татарскіе набѣги не отвлекали его отъ инженерныхъ работъ, даны ему Головы съ войскомъ. Проходитъ годъ (1595), и онъ уже строить городъ на Тетюшахъ. Въ слѣдующемъ 1596 году строить онъ городъ на усть-Яикѣ, который ему же поручено разрушить въ слѣдующемъ 1597 году ⁽⁷⁶⁾. Въ 1599 году, говоритъ намъ весьма достовѣрный источникъ, велѣно кн. Кольцову-Масальскому ⁽⁷⁷⁾ итти изъ Новосиля, гдѣ

⁽⁷⁵⁾ См. „Сокр. Оп. Сл. Рос. Двор., ч. II, 4017.

⁽⁷⁶⁾ Тамъ-же.

⁽⁷⁷⁾ Тамъ-же.

онъ былъ вторымъ воеводою, *въ степь* и построить на усть-Валуйкѣ городъ, а въ слѣдующемъ году, говорится тамъ же, посланъ первымъ воеводою въ Осколь.

На первый взглядъ малоинтересныя для насъ подробности о дѣятельности князя Владиміра Васильевича Кольцова-Мосальскаго приобрѣтають весьма важное значеніе, когда вникнемъ въ нихъ внимательнѣе, и тогда мы узнаемъ, какіе города построены въ концѣ XVI столѣтія, сколько времени требовалось на это, и наконецъ—не безынтересная для насъ новость: „Въ 1599 году онъ посланъ *въ степь* строить городъ на усть-Валуйкѣ“. И такъ какъ на устьѣ рѣки Валуйки уже былъ построенъ городъ того же имени въ 1593 году, то отсюда видно, что городъ Валуйки былъ разрушенъ, какъ и Воронежъ, въ періодъ времени 1593—1599! Допустить неточность въ нашихъ свѣдѣніяхъ, т. е. усомниться въ томъ, что Валуйки, Осколь и другіе города построены въ 1593, какъ говорятъ лѣтописи, нельзя, ибо если-бы городъ Валуйки строился *снова* въ 1599 году, то въ томъ же году не могъ бы существовать еще городъ Осколь, а между тѣмъ мы видѣли, что князь Кольцовъ-Масальскій, не строя его, попадаетъ въ *уирьтовшій*, повидимому, городъ Осколь воеводою. Кто строилъ города Валуйки и Осколь, когда и кѣмъ разоренъ городъ Валуйки остается для насъ пока тайною, ибо объ этихъ городахъ мы пока почти что ничего не знаемъ, и только съ восшествіемъ на престолъ перваго Царя изъ Дома Романовыхъ, завѣса немного приподнимается, и предъ нашими глазами вдругъ появляется городъ Валуйки, долгое время играющій затѣмъ важную роль, соперникъ Воронежу, мѣсто встрѣчь и проводъ пословъ.

7-го января 1598 года въ часъ утра, въ лицѣ царя Ѳеодора Іоанновича угасъ царственный Домъ Рюрика, и осиротѣвшая Россія 15 лѣтъ сряду представляла зрѣлище столь ужасное, что оно не поддается никакому описанію. Что перенесли наши предки въ эти 15 лѣтъ, судя по описанію современниковъ, нельзя сравнить даже съ многовѣковымъ періодомъ Монгольскаго ига! Такъ какъ и нашему Воронежскому краю пришлось испытать надъ собою власть разныхъ „Петрушекъ“ и „Гришекъ“, выдававшихъ себя то за неубитаго будто-бы царевича Дмитрія, то за сына Ѳеодора Іоанновича, поэтому считаемъ не лишнимъ вскользь рассмотреть этотъ печальнѣйшій періодъ въ нашей исторіи, не даромъ названный историками *„смутнымъ временемъ“*.

Положеніе Воронежскаго края въ періодъ междуправствія, съ 1598 до 1613, пока совершенно для насъ покрыто мракомъ неизвѣстности. Ни лѣтописей, ни грамотъ, ни даже устныхъ преданій не дошло до насъ—край какъ будто не существовалъ! А между тѣмъ три временныхъ правителя на правахъ царей распоряжались Русью—Борисъ и Ѳеодоръ Годуновы и Василій Шуйскій, не считая массы проходивцевъ, извѣстныхъ въ отечественной исторіи подъ именемъ лжецаревичей, выдававшихъ себя то за неубитаго будто-бы царевича Дмитрія, то за несуществовавшаго въ дѣйствительности царевича Петра Ѳеодоровича. Изъ отечественной исторіи узнаемъ мы, что всѣ эти *воры* поочереди перебывали въ Воронежскомъ краѣ, распоряжались здѣсь какъ и повсюду, т. е. убивали не потерявшихъ совѣсти и грабили. Тайнственной кажется намъ исторія края за это время; желаніе узнать, что творилось тогда въ Воронежскомъ краѣ, особенно сильно именно благодаря этой неизвѣстности. Поэтому попытаемся освѣтить, насколько возможно, этотъ періодъ тѣми данными, кои могутъ быть почерпнуты изъ отечественной исторіи и записокъ иностранцевъ очевидцевъ-современниковъ.

Русь пережила 15-лѣтній періодъ страданій, столь тяжкихъ, что монгольское иго развѣ только можетъ быть сравниваемо съ тѣми страданіями нравственными и матеріальными, какія выпали на долю Руси. Къ концу смутнаго времени Русь представляла ужасную картину: почти всѣ города были разорены, многіе сожжены или лежали въ развалинахъ; беззащитные, запуганные жители прятались по лѣсамъ; боярскіе и княжескія жены и дочери обезчещены, поруганы или же насильно попали въ наложницы къ отъявленнымъ негодяямъ, разбойникамъ и мятежникамъ, коими были покрыты всѣ дороги растерзанной Руси; не падали даже 6-лѣтнихъ дѣтей женскаго пола.... Храмы Божіи, которые падали монголы, мѣстами замѣнили собою ночлежные дома и даже конюшни. Ябедничество, наговоры стали до того общи, что братъ доносилъ на брата, дѣти остерегались родителей и обратно, а ядовитое зелье сдѣлалось обыкновеннѣйшимъ средствомъ устранить своего ближняго. По всѣмъ городамъ, весямъ, дорогамъ шли „погромы“: бились, отбивались, убивали. Нѣтъ пера, нѣтъ кисти, которыя бы въ состояніи были намъ дать достаточно ясное понятіе объ этомъ *смутномъ* времени.

Мысленно прослѣдивъ весь пятнадцатилѣтній періодъ невыразимыхъ страданій нашего дорогаго отечества, съ цѣлью доискаться настоящаго виновника этихъ бѣдъ, мы невольно останавливаемся на — Борисѣ Годуновѣ! Отъ начала до конца мы находимъ въ немъ *единственнаго* виновника этого ужаснаго времени.

Попытаемся доказать справедливость нашихъ словъ; кстати накинemъ бѣглый очеркъ положенія Воронежскаго края въ эти 15 лѣтъ, въ связи съ отечественною исторіею.

Борисъ Федоровичъ Годуновъ игралъ довольно видную роль еще при жизни Іоанна Васильевича.

Основываясь на сходственности приёмовъ во внѣшней и внутренней политикѣ того и другаго, можно сказать, что Борисъ Годуновъ воспитался въ школѣ Іоанна Васильевича и въ послѣдствіи подражалъ своему учителю во всемъ, до малѣйшихъ подробностей. Безсердечный, тонкій дипломатъ, онъ, повидимому, съ самаго начала своей политической карьеры избралъ себѣ девизъ *divide et impera*, и въ этомъ отношеніи личность его насколько таинственна, настолько же и несвѣтлая. Въ самомъ дѣлѣ, разсматривая длинный списокъ лицъ, подвергшихся подозрѣнію Іоанна Васильевича, въ связи съ женитьбою Годунова на дочери Малюты Скуратова, невольно рождается вопросъ, насколько Годуновъ былъ безучастенъ въ дѣлѣ преслѣдованія и казни Іоанномъ Васильевичемъ многихъ заслуженныхъ бояръ, *вредныхъ* только развѣ для одного Годунова? Вспомнимъ, какъ онъ уже въ послѣдствіи при Ѳедорѣ Іоанновичѣ ухитрился все хорошее издавать отъ своего имени, а все дурное напротивъ взваливать на мягкосердечнаго и добраго Ѳедора Іоанновича или же на бояръ. Вспомнимъ, далѣе, совокупность преступленій, въ видѣ завѣдомо ложныхъ обвиненій, отравленій и вообще убійствъ, съ цѣлью устраненія съ дороги лицъ, мѣшавшихъ ему достигнуть намѣченной цѣли. Вспомнимъ адскую выдумку его — закрѣпощеніе крестьянъ, имѣвшее роковыя послѣдствія, эхо котораго слышно было еще въ нашемъ столѣтіи. Напрасно оглядываемся мы въ прошедшее, желая хоть что нибудь найти хорошее, свѣтлое, которое могло бы служить ему въ оправданіе — нѣтъ ничего: Борисъ Годуновъ ничего не дѣлалъ хорошаго тамъ, гдѣ оно не соприкасалось съ его личными выгодами. Озлобленный на бояръ, Іоаннъ Васильевичъ преслѣдовалъ ихъ, но въ тоже время тамъ, гдѣ онъ не видѣлъ измѣны, т.-е. въ народной массѣ, онъ относился съ любовью, съ искреннимъ желаніемъ принести пользу. Такъ ли поступалъ Годуновъ?

Роли Грозного и Годунова въ исторіи лучше всего можно опредѣлить отношеніемъ къ землѣ помѣщика-собственника и кулака-арендатора. Въ главахъ помѣщика земля, переходившая изъ рода въ родъ, имѣетъ совершенно не то значеніе, какое она имѣетъ у кулака-арендатора. Первый занимается ею съ любовью; онъ часто производитъ завѣдомо непроизводительные для себя расходы, для улучшенія ея въ будущемъ—своимъ потомкамъ, а кулакъ-арендаторъ хищнически высасываетъ послѣднія соки ея, ибо какое ему дѣло до будущности ея? Вѣдь онъ спекуляторъ, а о любви къ дѣлу тутъ не можетъ быть и рѣчи.

Іоаннъ Васильевичъ по подозрѣнію выдергиваетъ полезныя растенія, принимая ихъ за бурянь; но въ тоже время заботится объ улучшеніи и расширеніи своей Нивы, а Годуновъ? Годуновъ накликаетъ Крымцевъ на свою родину, поджигаетъ Москву, убиваетъ роднаго брата и невиннаго младенца, потому только, что это ему *выгодно*. Почти всѣ источники единогласно обвиняютъ Бориса Годунова въ преждевременной кончинѣ царевича Дмитрія Іоанновича; слѣдовательно уже этимъ ужаснымъ преступленіемъ Борисъ Годуновъ накликалъ бѣду на свое отечество, ибо, живи царевичъ, Гришки Отрепьева роль была бы мыслима?

Чтобы составить себѣ понятіе о безсердечности Годунова, достаточно сказать, что народъ обвинялъ его въ слѣдующихъ преступленіяхъ—мнимыхъ или дѣйствительныхъ—это не совсѣмъ выяснено, но во всякомъ случаѣ важно уже то, что народъ считалъ *его способнымъ* на это. Вотъ главнѣйшіе изъ нихъ: 1.) Въ отравленіи Царей, Іоанна Васильевича, Феодора Іоанновича и многихъ бояръ. 2.) Въ убіеніи царевича Дмитрія, брата своего и многихъ другихъ лицъ. 3.) Въ завѣдомо ложныхъ обвиненіяхъ въ измѣнѣ и другихъ преступленіяхъ бояръ съ примѣне-

ніемъ пытки. 4.) Въ поджогѣ Москвы. 5.) Въ набѣгѣ татаръ на Россію. 6.) Въ закрѣпощеніи крестьянъ. Исторія прибавляетъ къ нимъ еще и страсть Бориса Годунова къ взяткамъ—поминкамъ, не имѣвшимъ ничего общаго съ интересами Россіи. Таковъ въ общихъ чертахъ характеръ личности, которую нѣкоторые историки сіяются представить намъ въ видѣ чуть ли не гениальнаго правителя и благодѣтеля Руси, основываясь на пристрастныхъ отзывахъ иностранныхъ, хорошо имъ оплаченныхъ, историковъ.

Вотъ все то, что мы считали необходимымъ сказать для болѣе яркаго освѣщенія картины смутнаго времени и для выясненія истинныхъ виновниковъ 15-тилѣтнихъ страданій Руси, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Воронежскаго Края.....

„Въ лѣто 7092 Государь Царь и Великій Князь Іоаннъ Васильевичъ былъ въ тяжкомъ недугѣ“, такъ начинается свое грустное повѣствованіе о смутномъ времени одна древняя лѣтопись ⁽⁷⁸⁾, „и признавъ свое отъ временнаго отшествіе, повелѣ митрополиту Діонисію постричь себя, и нарекоша имя ему Іона, на царство благослови сына своего царевича Ѳеодора Іоанновича, а меньшему своему сыну царевичу Димитрію Іоанновичу повелѣ дать удѣль, градъ Угличъ со всѣмъ уѣздомъ, съ доходы со всѣми, потомъ преставися марта 18 дня, и положенъ въ Архангельскомъ Соборѣ, и приказа Царь брещи чада своя князю Іоанну Ѳеодоровичу Мстиславскому, да Никитѣ Юрьевичу Романову“..... И не успѣлъ Іоаннъ Васильевичъ глаза закрыть, „тоя же нощи“, по приказанію Бориса Ѳеодоровича Годунова, поймано и разослано по городамъ и темницамъ семейство Нагихъ, причемъ дома ихъ раззорили, а помѣстья и отчины „повелѣ въ раздачу раздати“, а царевичъ Дмитрій Іоанновичъ съ царицею Марьею Ѳеодоровною и

(78) См. „Лѣтоп. о мног. мят.“, стр. 1.

съ дѣдомъ Ѳеодоромъ Нагимъ отправлены на житье въ Угличъ.

Но народъ зналъ уже Бориса Годунова и—бо-
ялся его. Этимъ объясняется съ перваго взгляда не-
понятное появленіе въ Москвѣ *именитыхъ людей все-
го государства*, которые „молиша со слезами“ Госу-
даря Царевича Ѳеодора Іоанновича, *чтобы былъ на
Московскомъ государствѣ Царемъ и вѣнчался царскимъ
вѣнцемъ*. Зачѣмъ имъ было умолять объ этомъ *закон-
наго наследника*, да еще со слезами? Сильно же, дол-
жно быть, было опасеніе въ народѣ, чтобъ Годуновъ
не захватилъ престола! Не успѣлъ обвиняться Царь
Ѳеодоръ Іоанновичъ, какъ „по малѣ же времени“ *уми-
раетъ попечитель, Никита Юрьевичъ Романовъ*, и ре-
зультатомъ этой неожиданной смерти—*„бысть пре-
емникъ и правитель въ его мѣсто Борисъ Ѳеодоровичъ
Годуновъ“* ⁽⁷⁹⁾.

Ошиблись, горько ошиблись *именитые люди все-
го государства*, полагая конецъ своимъ опасеніямъ
съ момента воцаренія Ѳеодора Іоанновича. Больной,
набожный Ѳеодоръ Іоанновичъ могъ только номи-
нально считаться Царемъ, государствомъ же правилъ
Борисъ Годуновъ и правилъ такъ, что къ началу
1598-го года, когда скончался мягкосердечный, крот-
кій, но болѣзненный Ѳеодоръ Іоанновичъ, все было
подготовлено Годуновымъ къ безпрепятственному за-
нятію престола: законный наследникъ престола, ца-
ревичъ Дмитрій Іоанновичъ, палъ отъ рукъ подо-
сланныхъ убійцъ, а убитую горемъ мать и самыхъ
близкихъ ей людей Годуновъ заточилъ по отдален-
нымъ монастырямъ и темницамъ за то, что они *не-
брежно стерегли наследника престола!* У очень мно-
гихъ Угличанъ послѣ этого *языки посырзали* подъ
предлогомъ наказанія, а городъ Угличъ раззорили....

У мудраго, даже геніальнаго, по мнѣнію другихъ,
Бориса Годунова къ 6 января 1598 года руки ока-

(79) См. „Лѣтоп. о мног. мят.“, стр. 3.

зались совершенно развязанными, и онъ дѣйстви-
тельно началъ дѣйствовать.

Изъ отечественной исторіи мы уже знаемъ, что ца-
рица Ирина, супруга скончавшагося Царя Ѳеодора Іоан-
новича и сестра Бориса Годунова, съ погребенія ца-
ря, „не ходя въ свои царскіе хоромы“, прямо отпра-
вилась „простымъ обычаемъ“ въ монастырь Пречи-
стыя Богородицы (Новодѣвичій Монастырь), гдѣ и
постриглась, принявъ имя Александры.

Борисъ Годуновъ принялъ дѣятельныя мѣры, и
его агенты, соря золотомъ въ народъ, пропаганди-
ровали въ его пользу. Золото съ одной стороны,
ссылка и запугиванья съ другой не преминули ока-
зать свое дѣйствіе: къ Борису Ѳеодоровичу Годунову
явились многіе бояре, все воинство и всего государ-
ства Московскаго всякіе люди—„ото всѣхъ градовъ
и весей збирахуся людіе“. Они конечно сначала,
какъ того требовалъ обычай, обратились къ патрі-
арху Іову и умоляли его избрать на царство Году-
нова. Патріархъ же и всѣ власти, *со всю землю со-
етовася*, пришли къ не совсѣмъ неожиданному для
всѣхъ заключенію, что на Московскій престолъ слѣ-
дуетъ посадить Бориса Ѳеодоровича Годунова за его
*праведное и крѣпкое правленіе и за показанную къ
людямъ ласку великую* ⁽⁸⁰⁾. Начинаютъ просить Го-
дунова на царство—опять сюрпризъ: оказывается,
что *онъ не желаетъ*. Тогда другъ и приверженецъ
Годунова, патріархъ Іовъ „учини соборъ со всѣми
властями“ и, позвавъ къ себѣ бояръ и всѣхъ право-
славныхъ христіанъ, уговаривается съ ними идти съ
честными кресты и святыми иконами и со всенарод-
нымъ множествомъ въ Новодѣвичій монастырь къ
бывшей царицѣ Иринѣ, инокинь Александрѣ, просить
милость: чтобъ имъ государыня пожаловала на *цар-
ство брата своего* Бориса Годунова.... Во всей этой
жалкой комедіи, разыгранной Іовомъ и Годуновымъ,

(80) См. „Лѣтоп. о мног. мят.“, стр. 46.

охотно вѣрится намъ въ чистосердечность отказа, повидимому, дѣйствительно честной личности Ирины. Такъ и кажется, что царица Ирина, лишившись мужа, въ ужасѣ отъ преступленій *геніальнаго* брата, спасается въ монастырь, чтобы навѣки скрыться отъ преступнаго міра; но брату понадобилось ея участіе въ разыгрываемой имъ комедіи. По всему видно, она бы рада была отсѣлѣвать народу, спасти его отъ *щедротъ и ласкъ* брата; но она *его* знаетъ: пришлось бы разстаться съ жизнью; съ другой стороны совѣсть не допускала дать согласія на эту просьбу: „отъидохъ азъ суетнаго житія сего, *яко вамъ годно, тако и сотворите*“⁽⁸¹⁾, отвѣчаетъ она имъ! А въ это же время несчастный народъ, понуждаемый приставами, бьетъ челомъ царю, инокинь Александрѣ, „умоляше съ великимъ воплемъ.... и со слезами вошяху, а *ими мазаху слинами подѣ очима, будто слезы испущаху и утираху и сице* многожды бысть и егда она изволить посмотреть на людей, тогда принуждающе веляху падати на землю; а не хотящихъ приставы бьюще въ шю“...⁽⁸²⁾.

Итакъ Борисъ Годуновъ, отказавъ *всему Московскому народу* въ просьбѣ принять на себя бразды правленія, безропотно повинуетъ вельнію сестры, инокини Александры! Какой неостроумный приемъ, возможный только въ XVI столѣтіи!...

Хитрецъ добился своего. Бояръ уже онъ не опасался; объ искорененіи болѣе опасныхъ соперниковъ онъ позаботился еще при жизни Іоанна Васильевича, и никогда не переставалъ онъ преслѣдовать ихъ тайно и явно, изводя ихъ темницею, ссылкой и отравою; на народъ же онъ могъ дѣйствовать двумя средствами: щедростію и скрывая свое стремленіе занять пре-

⁽⁸¹⁾ „Смют. Лѣтоп. о мног. мят.“, стр. 48.

⁽⁸²⁾ См. „Лѣтопис. Велик. земл. Росс. и велик. яз. славен.“, стр. 136.

столю. Безъ сомнѣнія, вся эта комедія была розыграна Годуновымъ для того, чтобы народъ, будучи *принужденъ упрашивать его на царство*, болѣе дорожилъ имъ. Другую причину тому трудно найти.

Когда насталъ моментъ вѣнчанія на царство, то столь долго отказывавшійся отъ престола Борисъ Годуновъ до того неосторожно обнаружилъ свои сокровенныя желанія, что въ порывѣ восторга, тряся воротъ рубашки своей, клялся въ церкви всенародно, что „никто въ его государствѣ нищъ, или бѣденъ не будетъ“. Какъ мало это походило на прежнихъ Царей! Чернь, понятно, радовалась; но на народъ тяжело подѣйствовали это неслыханное, *непривычное* швыряніе казною, небывалыя клятвы въ обогащеніи народа и многое другое....

Семилѣтнее царствованіе Бориса Годунова представляетъ собою смѣшеніе добра и зла. Добро—исключительно тамъ, гдѣ того требовали его личные интересы, его собственная польза; но въ остальномъ, ради этихъ же интересовъ, онъ не щадилъ никого. Случалось современникамъ видѣть его, какъ онъ послѣ казни или отравленія неповиннаго вельможи, съ добродушной повидимому улыбкой, отправлялся въ церковь, гдѣ уже его ждали бѣдные, щедро имъ надѣляемые...

Послѣ вѣнчанія на царство, Годуновъ могъ опасаться одного только семейства Романовыхъ. *Федоръ Никитичъ Романовъ*, какъ ближайшій наслѣдникъ престола, любимый и уважаемый народомъ, былъ настолько опасенъ ему, что Годуновъ, не безъ риска потерять столь дорого купленную популярность, рѣшился въ 1599 году сослать его въ Сійскій монастырь, находящійся въ Архангелогородскомъ уѣздѣ, и тамъ велѣлъ постричь его *насильно*, а супруга его Ксенія и младшій сынъ Михаилъ въ томъ же году сосланы въ деревню по ту сторону Онеги.

Въ первомъ же году своего царствованія Годуновъ могъ уже замѣтить, что его положеніе, какъ незаконное, насильственное, не прочно; что хотя золотомъ и можно подкупить чернь, а ссылкою запугать бояръ, но народную любовь ему ни тѣмъ, ни другимъ не пріобрѣсти. Несчастный, злополучный по послѣдствіямъ, *наговоръ* его, вслѣдствіе котораго Царь Θεодоръ Іоанновичъ, *не слушая совѣта старѣйшихъ бояръ, приказалъ выходъ крестьянамъ*, въ свое время былъ всеѣмъ и каждому извѣстенъ. Борису Годунову, готовившемуся со временемъ захватить престолъ, необходимо было скопить значительныя средства, ему поэтому необходимы были для его огромныхъ помѣстій рабочія руки; но крестьянъ трудно было удержать на одномъ мѣстѣ — они часто переселялись. И вотъ появляется указъ о всеобщемъ укрѣпленіи крестьянъ, какъ полагають, въ 1593 году. Въ этомъ указѣ, между прочимъ, говорится: „которые крестьяне изъ помѣстій и отчинъ выбѣжали до нынѣшняго года за пять лѣтъ, на тѣхъ судъ давать и сыскивать накрѣпко, и по суду этихъ бѣглыхъ крестьянъ съ женами, дѣтьми и со всеѣмъ имѣніемъ *отвозить назадъ*, гдѣ они жили; и которые крестьяне выбѣжали до этого указа лѣтъ за пять, за семь, за десять и больше, а помѣщики или отчинники на нихъ въ побѣгъ не били челомъ, на такихъ суда не давать“. Этотъ указъ, кажется намъ, долженъ былъ выселить изъ внутреннихъ областей въ Воронежскій край множество крестьянъ, бѣжавшихъ на Донъ ради спасенія своей независимости и сильно увеличившихъ собою донское козачество, а въ тоже время и число враговъ Годунова. Донское казачество во все время государствованія Годунова оказывается непримиримымъ врагомъ его, какъ это увидимъ далѣе.

Вскорѣ вліяніемъ Бориса Годунова былъ изданъ другой указъ, который, полагаемъ, долженъ былъ удвоить число его враговъ. Вмѣстѣ съ прикрѣ-

плениемъ крестьянъ, въ 1597 году послѣдовало обращеніе *въ холопы* вольныхъ слугъ. Велѣно было всѣмъ господамъ принести въ *Холопій приказъ* списки именъ холопей своихъ, какъ служащихъ, такъ и бѣглыхъ, и крѣпости на нихъ и записывать въ книги для большаго укрѣпленія. Кто далъ на себя служилую кабалу съ 1-го іюня 1586 года, тѣмъ быть въ холопствѣ, денегъ по этимъ служилымъ кабаламъ у нихъ не брать и челобитья ихъ не слушать, а выдавать ихъ господамъ въ службу до смерти. Которые люди служатъ у кого добровольно, тѣхъ вольныхъ людей ставить въ Холопьемъ приказѣ съ тѣми, у кого служатъ, да спрашивать, какъ давно служатъ? и кабалу на себя даютъ-ли? которые люди вольные послужили у кого недѣль *пять-шесть*, а кабаль на себя давать не хотятъ, тѣхъ *отпускать на волю*, а кто послужилъ *съ полгода* и больше, на тѣхъ служилыя *кабалы давать* и челобитья ихъ не слушать, потому что господинъ такого добровольнаго холопа кормилъ, одѣвалъ и обувалъ ⁽⁸³⁾.

Много зла породилъ этотъ крайне несправедливый указъ; много горя и злоупотребленій вызвалъ онъ собою. Значительная часть древнихъ документовъ, хранящихся при Воронежскомъ Губернскомъ Статистическомъ Комитетѣ, состоитъ изъ подобныхъ жалобъ, то по поводу незаконнаго закрѣпощенія и кабалы, то по сыску бѣглыхъ крестьянъ и холопей. Но за то росло все болѣе и болѣе населеніе Воронежскаго края. Къ этому именно времени слѣдуетъ отнести появленіе многихъ казачьихъ селъ, преимущественно по теченію рѣки Дона.

Между тѣмъ Борисъ Годуновъ пустилъ въ ходъ свои дипломатическія способности для ослабленія своихъ враговъ. Узнавъ о быстромъ развитіи Ногайской Орды, онъ повелѣлъ Астраханскимъ воеводамъ перессорить Ногайскихъ князей между собою, и ре-

⁽⁸³⁾ Акты истор. I, № 221.

зультаты оказались блестящіе; „и бысть между ими война великая, другъ друга побиваху и многіе удысы запусѣша“, говоритъ лѣтопись ⁽⁸⁴⁾. Съ тѣмъ же успѣхомъ перессорилъ онъ бояръ между собою и бояръ съ ихъ слугами.

Въ томъ же году, 1-го апрѣля, Борисъ Годуновъ получилъ извѣщеніе изъ Воронежскаго края, отъ Оскольскаго воеводы, князя Ивана Андреевича Солнцева-Засѣкина о намѣреніи Казы-Гирей воевать съ Московскимъ Государствомъ. Справившись въ разныхъ источникахъ объ этомъ воеводѣ, находимъ, что городъ Осколь былъ имъ построенъ въ 1590 году ⁽⁸⁵⁾, слѣдовательно за три года до срока, указываемаго Никоновою лѣтописью. Это подтверждается также и словами Крымскаго посла, упрекавшаго послѣ этого Московскаго посла въ томъ, что мы въ степи поставили новые города. Этотъ же воевода былъ посланъ позже въ 1597 году на Осколь на Волдаево городище *города строитъ* ⁽⁸⁶⁾. Въ слѣдующемъ 1598 году, раннею весною, узнавъ о появленіи враждебныхъ татаръ, князь Иванъ Андреевичъ Солнцевъ-Засѣкинъ выступилъ противъ нихъ съ Донца, имѣлъ съ нимъ бой и, узнавъ отъ плѣнника, взятаго его донцами въ схваткѣ съ Крымцами, что ханъ Казы-Гирей намѣревается со всею ордою и съ семью тысячами султанскихъ воиновъ вступить въ предѣлы Московскіе, донесъ объ этомъ Годунову. По этому поводу была собрана громадная армія, говорятъ—до полумиліона войска, и Годуновъ отправилъ въ степныя крѣпости, въ томъ числѣ въ Воронежъ, Ливны, Валуйки, Осколь и другіе города гонцовъ съ *милостивымъ словомъ* къ воеводамъ; велѣно было *спроситъ о здравіи* какъ воеводъ, такъ и дворянъ, сотниковъ, дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ и козаковъ. Воеводамъ были доставлены

⁽⁸⁴⁾ „Лѣтоп. о мног. ят.“, стр. 54.

⁽⁸⁵⁾ См. „Сокр. опис. сл. благ. Рос. Дворянъ“, ч. I, 1911.

⁽⁸⁶⁾ Тамъ-же.

грамоты Бориса Годунова съ требованіемъ, чтобы они читали ихъ вслухъ всенародно. Борисъ писалъ: „Я стою на берегу Оки, и смотрю на степи: гдѣ явятся непріатели, тамъ и меня увидите“. На сѣверной границѣ закипѣло дотолѣ невиданное зрѣлище: по Окѣ разѣзжала *плавная* или судовая рать, по берегу раскинулись безчисленныя палатки. Борисъ Годуновъ ежедневно производилъ смотры и маневры, которые заканчивались лукулловскими обѣдами: если вѣрить современникамъ, почти ежедневно въ продолженіе шести недѣль обѣдали у Годунова не менѣе десяти тысячъ людей, на серебрянныхъ блюдахъ, въ нарочно для этого раскинутыхъ палаткахъ ⁽⁸⁷⁾. Но слухи о непріателяхъ не подтвердились, а вмѣсто войскъ явились мирные послы съ предложеніемъ возобновленія договора съ Θεодоромъ Іоанновичемъ о вѣчномъ союзѣ.

Результаты закрѣпощенія крестьянъ, предпринятаго имъ же въ царствованіе Θεодора Іоанновича, въ 1593 году, начали обнаруживаться все болѣе и болѣе, вызывая усиленное переселеніе крестьянъ на Донъ. Козачество донское росло, а вмѣстѣ съ нимъ росло и число враговъ Годунова. Желая поправить свою ошибку, онъ отмѣнилъ, въ 1601 году изданный имъ въ 1593 году законъ объ уничтоженіи свободнаго перехода крестьянъ отъ одного помѣщика къ другому и объ укрѣпленіи ихъ навѣки за господами. Но уже было поздно—зло пустило корни. На этотъ разъ, новымъ закономъ были недовольны и крестьяне, и помѣщики богатые, которые, имѣя много земель, впустѣ лежащихъ, не могли уже населять ихъ вольными хлѣбопашцами, коихъ сманивали отъ другихъ вотчинниковъ или помѣщиковъ; неудовольствіе было всеобщее; правительство было зава-

⁽⁸⁷⁾ См. Маржеретъ, стр. 62: „Il fit festin par l'espace de six semaines presque journellement à dix mille hommes chacune fois“.

лено жалобами; вслѣдствіе чего Борисъ рѣшился прекратить принявшіе весьма серьезный характеръ безпорядки изданіемъ въ 1601 г. новаго указа и подтвержденіемъ его въ 1602 г., дозволяя крестьянамъ господъ малочинныхъ, дѣтей боярскихъ и др. переходить въ извѣстный срокъ, въ Юрьевъ день, отъ владѣльца къ владѣльцу того же состоянія, но не вѣсьмъ вдругъ *и не болѣе какъ по два вмѣстѣ*, а крестьянамъ бояръ, дворянъ, знатныхъ дьяковъ, да же казеннымъ, святительскимъ, монастырскимъ повелѣно *остаться безъ перехода*. Понятно, какимъ сильнымъ неудовольствіемъ должны были отозваться на Дону эти распоряженія; число недоброжелателей Бориса въ Воронежскомъ краѣ росло съ необыкновенною быстротою. Не помогло даже облегченіе, какое Борисъ сдѣлалъ, какъ передаетъ Шиль ⁽⁸⁸⁾, для крестьянъ господскихъ, установивши извѣстную норму: сколько крестьянамъ работать и платить своимъ господамъ....

Гораздо ранѣе, еще при жизни царя Ѳеодора Ивановича, въ Воронежскомъ краѣ и соседнихъ украинскихъ мѣстахъ распространился упорный слухъ въ простомъ народѣ, что Борисъ Годуновъ привелъ Крымцевъ на Московское государство и что онъ это сдѣлалъ, какъ объясняетъ лѣтопись ⁽⁸⁹⁾, „бояся отъ земли про убивство царевича Димитрія“. Не обратилъ Годуновъ на это вниманія, слухъ, въ концѣ концовъ,

⁽⁸⁸⁾ См. его: „Relation“, стр. 462: „Die Pauern und armen Leuth, so unter den Bojarn oder Edelleuthen ihre Wohe haben, und zuvor bey andern Grossfürsten von ihren Herren für leibeigen gehalten worden, seindt auch von ihrer Grossm. begnadet und einem jeden Edelmann, so Untersassen oder Pauern hat, jährlichen ein Ordnung gemacht, wie viel und was ihme seine Unterthanen zu geben, zu dienen schuldig, und weis jezo ein jede Dorfschafft oder Wohnung, wie hoch sie ihrer Obrigkeit verpflichtet seyen“.

⁽⁸⁹⁾ „Лѣтопись о многихъ мятежахъ“, стр. 29.

замолкъ бы; но онъ разослалъ по украинымъ городамъ разслѣдовать виновныхъ, вслѣдствіе чего „мно-
го людей переимаху и пытаху и кровь неповинную
проліяху, не токмо въ одномъ градѣ, *но и во всей
Украинѣ* множество людей съ пытокъ помроша, а
иныхъ казняху и языки рѣзаху; а иныхъ по темни-
цамъ уморяху и отъ того *многія мѣста запустѣша*“...

Такъ вотъ она первоначальная причина фана-
тической ненависти населенія Воронежскаго края къ
Борису! Вскорѣ къ этому присоединился страшный
голодь, вслѣдствіе полныхъ неурожаевъ въ продол-
женіе 1601, 1602 и 1603 годовъ, затѣмъ моръ, опу-
стошившій Россію; къ этому присоединился неиз-
бѣжный спутникъ—разбой. Разбой производился въ
громадныхъ размѣрахъ, такъ что между Царскими
войсками и разбойническою ратью Хлопко Косолапа
происходили настоящія, кровопролитныя сраженія....

Надъ политическимъ горизонтомъ Московскаго
государства все болѣе и болѣе сгущались грозныя
тучи; въ народѣ шли недобрыя вѣсти; не взирая на
кучи золота, перешедшія въ карманы народа, Борисъ
ни любви, ни уваженія не пріобрѣлъ себѣ. Вдругъ,
это было въ январѣ 1604 года, получается въ Мос-
квѣ письмо одного Нарвскаго сановника, писавшаго
Абовскому градоначальнику, что мнимо-убитый сынъ
Іоанна Васильевича, Димитрій живъ и живетъ у ка-
заковъ. Немного спустя, подобныя же вѣсти прихо-
дятъ изъ Литвы. Еще не успѣли въ Москвѣ опом-
ниться отъ этой новости, какъ уже получается но-
вая вѣсть: Донскіе козаки, разбивъ на Волгѣ околь-
ничаго Семена Годунова, посланнаго въ Астрахань,
и захвативъ нѣсколько стрѣльцовъ, отпустили ихъ
въ Москву, съ поклономъ Годунову, чтобы онъ ихъ,
донцовъ, вскорости ожидалъ къ себѣ вмѣстѣ съ ца-
ревичемъ Димитріемъ... Подозрѣніе уже глубоко за-
пало въ душу Годунова,—и небезосновательно. Въ

Польшѣ лжецаревичъ Димитрій уже готовился переступить границы Московскаго государства.

Между тѣмъ, для усиленія авторитета самозванца Гришки въ Польшѣ, донскіе козаки, по словамъ лѣтописи ⁽⁹⁰⁾, „послаша къ нему съ Дону атамана Корелу, съ нимъ же послаша козаковъ и дары многіе, и биша ему челомъ, чтобъ не замѣшкалъ и шель въ Московское государство, а *они ест ему рады*“. Понятно, подобное посольство должно было послужить въ пользу самозванца: поляки дѣйствительно послѣ этого стали много внимательнѣе къ нему. Эта же лѣтопись открываетъ намъ новую причину ненависти при-Донскаго населенія къ Борису: „Тѣмъ же козакамъ отъ царя Бориса было гоненіе велие, ибо не пушалъ ихъ ни въ который градъ. Куды они ни прѣйдутъ, ихъ вездѣ имахъ и по темницамъ сажаше, и они же поидоша къ нему и *неволю*, не имѣюще себѣ пристанища нигдѣ“ ⁽⁹¹⁾.

Предчувствуя свою гибель, Годуновъ поспѣшно двинулъ войска къ Литовскимъ границамъ и въ то же время принялъ всѣ мѣры, чтобы скрыть слухи о самозванцѣ отъ народа. Не дремала и Польша. Король Сигизмундъ вооружилъ на Бориса не только самозванца, но и Крымцевъ. Съ своей стороны и самозванецъ не бездѣйствовалъ: осенью, въ октябрѣ 1604 года, вступилъ онъ въ предѣлы Россіи съ 17000 войскомъ. Для насъ любопытно то, что первою мѣрою къ оборонѣ Государства, предпринятою Годуновымъ была смѣна воеводъ украинскихъ крѣпостей; онъ послалъ туда воеводъ съ стрѣleckими Головами. Самозванецъ разсылалъ по городамъ грамоты, въ которыхъ проклиналъ Годунова и убѣждалъ народъ покинуть его. Хотя большинство воеводъ и жгло эти грамоты, но въ народѣ начинались уже толки, читались и переходили изъ рукъ въ руки эти грам-

⁽⁹⁰⁾ „Лѣтопись о мятѣжахъ, стр. 80.

⁽⁹¹⁾ Тамъ-же.

моты. Во всѣхъ украинскихъ городахъ, безъ сомнѣнія, въ томъ числѣ и въ Воронежскомъ краѣ, дѣйствовали неумоимо лазутчики самозванца; начались тайныя сношенія между нѣкоторыми гражданами степныхъ городовъ и Лжедмитріемъ. Народъ, подстрекаемый лазутчиками, готовился къ измѣнѣ. Начались военныя дѣйствія. По порядку сдались Моравскъ, Черниговъ, Путивль, Рыльскъ, Комарницкая Волость, Борисовъ, Бѣлгородъ, Валуйки, Осколь, Воронежъ, Кромы, Ливны, Елецъ, *преданныя своими воеводами*, по словамъ нашихъ лѣтописцевъ. Совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ покажется намъ поведеніе городовъ Воронежскаго края, когда мы справимся по источникамъ иностраннымъ, въ данномъ случаѣ, *не менѣе* заслуживающимъ довѣрія, потому что иностранцы эти были очевидцами и даже сами участвовали въ сраженіяхъ. Гревенбрухъ, напримѣръ, со словъ ихъ пишетъ, что Осколь, Валуйки, Воронежъ, Ливны и др., сдались самозванцу, *лишь послѣ неудачнаго приступа Царскихъ Воеводъ къ Рыльску* ⁽⁹²⁾, а не въ одно время съ другими городами. Карамзинъ отвергаетъ это сообщеніе Гревенбруха на томъ основаніи, что извѣстіе Паерле ему противорѣчитъ и въ то же время согласно съ нашими лѣтописями. Впрочемъ Гревенбрухъ не былъ, какъ кажется, очевидцемъ, а писалъ какъ и наши лѣтописцы больше по слухамъ ⁽⁹³⁾. Мы привели извѣстіе Гревенбруха какъ *возможное*, но не какъ *доказанное* событіе. Не сдавался одинъ только Новгородъ, но Лжедмитрій не отступалъ.

Положеніе Годунова было самое жалкое. Видя повсюду измѣну, онъ спокойно рѣшился ожидать своей участи: впервые пришлось ему убѣдиться, что ни золо-

⁽⁹²⁾ Ист. Гос. Рос., т. XI, прим. 253.

⁽⁹³⁾ Gerard Grevenbruch издалъ въ Кельнѣ въ 1609 году книгу о Лжедмитріи, подъ заглавіемъ: „Tragoedia Moscovitica sive de vita et morte Demetrii (Московская трагедія, или о жизни и кончинѣ Дмитрія).

томъ, ни ласкою ему нельзя подкупить сердца народа. Въ то время, какъ на слабый, болѣзненный зовъ законнаго царя Ѳеодора Іоанновича добровольно являлись сотни тысячъ ратниковъ, нынѣ явилось едва 40000 или 50000 всадниковъ и то собранныхъ *угрозами*, наказаніями, и понятно, что подобными войсками побѣждать было трудно. А между тѣмъ войско Борисово, подъ главнымъ начальствомъ князя Мстиславскаго, шло, колеблясь сомнѣніемъ, толками, взаимнымъ недоверіемъ, и уже при первой встрѣчѣ съ самозванцемъ перешло на его сторону нѣсколько дѣтей боярскихъ. Близъ Новгорода къ войску присоединился выступившій изъ крѣпости Басмановъ, и грянулъ бой—упорный и кровопролитный. Войска дѣлали возможное, но должны были отступить. Годуновъ, узнавъ объ этомъ, сдѣлалъ промахъ, имѣвшій для него роковыя послѣдствія: онъ всѣмъ воеводамъ, участвовавшимъ въ этомъ дѣлѣ, *изъявилъ свое неудовольствіе!* Какъ бы для того, чтобы доказать намъ, что несчастье помрачило его разсудокъ, онъ вытребовалъ Басманова въ Москву, передавъ предводительство малоопытному князю Василю Ивановичу Шуйскому, — Годуновъ безсознательно самъ трудился въ пользу самозванца. Дальнѣйшіе шаги его были уже столь необдуманны, что, по словамъ лѣтописца, желаніе *избыть Бориса* сдѣлалось всеобщимъ! Лѣтописи же говорятъ, что въ порывѣ отчаянія, Годуновъ принялъ ядъ. Это отчасти подтверждается и симптомами его болѣзни, длившейся всего нѣсколько часовъ. 13 апрѣля 1605 года, въ часъ утра, Борисъ засѣдалъ еще въ думѣ, мрачный, убитый горемъ, принималъ знатныхъ иностранцевъ и обѣдалъ съ ними въ Золотой Палатѣ. Но едва онъ всталъ изъ-за стола, какъ почувствовалъ дурноту. Кровь хлынула у него изъ носа, ушей и рта. Благословивъ сына и поручивъ его попеченіямъ Басманова, онъ черезъ два часа умеръ, „пріавъ предъ смертію иноческій образъ, подѣ именемъ Боголѣпа“...

Такъ кончилъ свою жизнь государственный человекъ, общественная дѣятельность котораго еще до нынѣ не нашла себѣ исторически точной оцѣнки. Возведенный одними историками на пьедесталь безсмертія, какъ мужъ замѣчательнаго государственнаго ума, благодѣтель и просвѣтитель своего народа, онъ другими въ тоже время низводится до степени хитраго, бездарнаго придворнаго интригана, близорукаго политика, сѹмѣвнаго правда добиться престола, но не тонкимъ умомъ, а путемъ отравлений и убійствъ. Сторонники его указываютъ намъ на его сочувствіе дѣлу народнаго просвѣщенія и ссылаются на извѣстіе нѣкоторыхъ иностранцевъ, что Борисъ Годуновъ думалъ учредить въ Москвѣ высшее училище—университетъ, но что это ему не удалось, вслѣдствіе кратковременности его царствования. Но защитники его, приводя это извѣстіе изъ иностранныхъ источниковъ, упускаютъ изъ виду ихъ пристрастіе къ Борису Годунову; мы уже видѣли, какъ сочувственно, можно сказать нѣжно, онъ относился къ иностранцамъ; какъ легко было въ его царствованіе какому нибудь иностранцу добиться въ Россіи и почестей и помѣстья; но если бы даже принять извѣстіе иностранцевъ о желаніи Годунова учредить университетъ за достовѣрный фактъ, то это только свидѣтельствовало бы о близорукости Годунова, какъ государственнаго мужа. Московское государство нуждалось, и нуждалось сильно, въ элементарныхъ школахъ при всеобщемъ невѣжествѣ, но не въ университетахъ, требующихъ предварительной подготовки, между тѣмъ единственная школа, которую, какъ говорятъ, онъ построилъ, была такъ неразумно принаровлена къ духовнымъ нуждамъ народа, что съ перваго момента ея появленія она была встрѣчена какъ *латинская ересь*. Впрочемъ, мы не вѣримъ тому, чтобы у Годунова зародилась мысль учредить университетъ, ибо фактъ на лицо—закрѣпощеніе крестьянъ... Какъ могли зародиться въ

одной головѣ такія двѣ крайнія мысли, какъ учрежденіе университета и закрѣпощеніе народа, для котораго онъ учреждается! Вообще характеръ Бориса Ѳеодоровича Годунова, какъ государственнаго дѣятеля, не можетъ пока считаться достаточно выясненнымъ.

Для Россіи настало ужасное время: „умолкли законы; затворились судебныя мѣста; поправа истина, осквернено благочестіе, дубина содѣлалась закономъ—дубинное право произошло“⁽⁹⁴⁾. Хотя нѣтъ прямыхъ извѣстій, но можно себѣ вообразить, какой хаосъ царствовалъ въ это время въ Воронежскомъ краѣ! Мы обойдемъ молчаніемъ кратковременное царствованіе Ѳедора Борисовича,—несчастливаго и неповиннаго, какъ и сестра его Ксенія „аки агньцы нескверныя, ждущи на себя заклатія“—царствовавшего всего только нѣсколько недѣль. Всѣмъ извѣстно, какъ жестоко судьба отомстила этимъ несчастнымъ, но симпатичнымъ намъ лицамъ, за преступленія отца ихъ: Ѳеодоръ Борисовичъ былъ убитъ самымъ варварскимъ, самымъ возмутительнымъ способомъ⁽⁹⁵⁾, а Ксенію... самозванецъ, „лиша неистовымъ образомъ невозвратнаго дѣвицамъ сокровища, неволею постригши и въ заточеніе отославъ“! Послѣ всего этого остается для насъ загадкой легкость, съ какою самозванецъ одолѣлъ царскія войска.

Это можно только объяснить всеобщю неувѣренностью народа въ томъ, что царевичъ Дмитрій былъ убитъ. Большинство вѣрило самозванцу, вѣрило, что онъ успѣлъ спастись. Населеніе же Донскаго края, безъ сомнѣнія, руководствовалось исключительно же-

(94) „Опис. дѣян. Петра Велик.“ Туманскаго 1788 г., ч. I, стр. 81.

(95) „Лѣтоп. о мн. мятеж.“, стр. 95:.... *злойный убійца, взявъ его за тайные уды, раздави.*

ланіемъ отомстить Годунову. Это видно уже и изъ того обстоятельства, что появленіе Лжепетра они встрѣчаютъ такъ же сочувственно, какъ и Лжедмитрія. Душевное состояніе царскихъ войскъ—*ратныхъ людей*, не могло быть утѣшительно. Имъ приходилось жертвовать жизнью, бороться за права двухъ претендентовъ на престолъ, при полномъ сомнѣніи въ правотѣ дѣла того и другаго. Правда, Годунову они присягали; но спрашивается, могъ ли человѣкъ XVI столѣтія не подчиниться вліянію и не увѣровать въ *законности* правъ самозванца Лжедмитрія, хотя бы изъ за одной знаменитой молитвы его, которую самозванецъ всенародно, торжественно произносилъ предъ началомъ каждаго сраженія. Вотъ что разсказываютъ объ этомъ со словъ очевидцевъ ⁽⁹⁶⁾: „Ужасно читать то, что ложной Дмитрій предъ всякимъ сраженіемъ, по свидѣтельству нѣкихъ писателей, представлялъ“. Онъ предъ началомъ битвы останавливался предъ арміею и, простирая къ небу руки, громкимъ голосомъ въ услышаніе всѣхъ произносилъ слѣдующую молитву: *Правосудный Боже! есть-ли я не по праву, или сребролюбія и злости ради, предприѣмлю сіе дѣло, то порази меня молніею и изтреби меня съ земли; но пощади сію Христіанскую кровь, но Ты отдаешь невинность мою, Царю Небесный! предаю себя и воиновъ сихъ въ Твои руки*. Такая молитва, при такой торжественной обстановкѣ, понятно, должна была сильно дѣйствовать на умы народа въ началѣ XVII столѣтія. И дѣйствительно народъ признавалъ его за „драгой залогъ Божіей милости, которая не вотще спасла его отъ подысковъ царя Бориса“... Войска стали неузнаваемы. Даже иностранцы удивлялись имъ и не узнавали въ нихъ прежнихъ героев: ⁽⁹⁷⁾ со-

⁽⁹⁶⁾ Голиковъ. „Допр. къ дѣян. Петра Велик.“, т. I, стр. 160 и Relatio legati Russ. op. Ludvig. i. c.

⁽⁹⁷⁾ Маржеретъ: On eust dis, que les Russes n'avoient point de bras pour frapper.

мнѣніе лишило ихъ рукъ. Но за то они были воодушевлены, сражаясь за самозванца; а народъ соперничалъ съ войскомъ. Изъ грамоты Лжедмитрія перваго узнаемъ мы, что ни одинъ воевода всего Воронежскаго края не сдалъ ему добровольно своего города, а что всѣ они были принуждаемы къ этому жителями; такимъ образомъ были связаны и выданы головою самозванцу воеводы воронежскій, валуйскій, оскольскій и прочіе, что отчасти подтверждаютъ слова Гревенбруха.

Не долго властвовалъ Лжедмитрій: онъ, какъ извѣстно, былъ убитъ; но его мѣсто заступилъ, хотя не „Дмитряшка“ и не „Петрушка“, но все же не всѣмъ народомъ избранный царь—бояринъ и воевода Василій Ивановичъ Шуйскій. Современники рассказываютъ, что объ этомъ оригинальномъ избраніи на царство даже въ самой Москвѣ не всѣ знали. Не отличаясь отъ другихъ ни высокимъ умомъ, ни представительною наружностью, малорослый, толстый, подслѣповатый шестидесятилѣтній старикъ-холостякъ, спрашивается, могъ ли онъ надѣяться на спокойное властвованіе надъ народомъ, привыкшимъ къ буйству, въ теченіе 13-ти мѣсяцевъ (съ апрѣля 1605-го до мая 1606 года) и бывшимъ не бездѣтельнымъ свидѣтелемъ смерти Бориса, гибели Θεодора и убіенія Лжедмитрія? Народъ сталъ роптать. Въ самой Москвѣ слышны были жалобы: кто избралъ его? Развѣ по волѣ народа сѣлъ онъ на царство? Спрашивали-ли мнѣнія всѣхъ городовъ Русскихъ? Прошелъ слухъ, что царь не убитъ, а спасся въ общемъ смятеніи....⁽⁹⁸⁾.

Бунтъ начался на югѣ Россіи. Изъ городовъ Воронежскаго края въ немъ принялъ участіе одинъ только городъ Осколь.

Но если Шуйскій и не могъ считаться полноправнымъ царемъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ, его нельзя

(98) „Лѣтоп. о мног. мятеж.“, стр. 111.

было обвинить въ измѣнѣ—престоль былъ свободенъ; еще менѣе въ тѣхъ дурныхъ качествахъ, коими отличался Годуновъ. Чистая въ этомъ отношеніи совѣсть Шуйскаго сказала въ отвѣтъ его Шведскому королю, когда тотъ предложилъ ему союзъ и вспоможеніе противъ мятежниковъ. Шуйскій съ благородною гордостію отвѣчалъ: „мнѣ нуженъ только одинъ помощникъ—Богъ: болѣе никого не надо“; да и войско царское преобразилось. Мужественно выступило оно противъ новаго самозванца Лже-Петра и побѣдило его. Лже-Петръ—терскій козакъ Ильющка Васильевскій, выдававшій себя за сына Θεодора Іоанновича—интересенъ для насъ въ томъ отношеніи, что онъ зимовалъ въ 1606 году на Донѣ, гдѣ чрезъ мѣстныхъ казаковъ какъ въ Воронежѣ, такъ и другихъ городахъ, превозглашалъ себя царевичемъ Петромъ, и гдѣ онъ безчинствовалъ съ своею многочисленною шайкой....

1608 годъ, по сказанію лѣтописцевъ⁽⁹⁹⁾, одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ. Стали образоваться многочисленныя шайки изъ крестьянъ, посадскихъ людей изъ украинскихъ городовъ и стрѣльцовъ. Буйныя шайки хватали по городамъ воеводъ и сажали ихъ по темницамъ, разоряли и жгли дома боярѣ, грабили помѣстья, а женъ и дѣтей ихъ „за себя имаху“. Такъ продолжалось до 1612 года, когда одинъ самозванецъ смѣнялъ другаго, или же свирѣпствовали по нѣскольکو въ разъ. Въ этомъ году происходили кровопролитныя битвы въ Воронежскомъ краѣ между литовскими войсками съ одной стороны и князьями воеводами Григоріемъ Тюфякинымъ и Θεодоромъ Елецкимъ съ другой. Литовцы, разбитые на голову, бѣжали, покинувъ плѣнныхъ⁽¹⁰⁰⁾.

Послѣ кратковременнаго правленія Василя Шуй-

⁽⁹⁹⁾ *Хронографъ Столяр.* (л. 532 на об.) И. Г. Р. т. XII, 36.

⁽¹⁰⁰⁾ Тамъ же, стр. 245.

скаго раздоры пуще прежняго терзають почти замученную Русь. Появляются почти одновременно новые три самозванца, новые Лжедмитріи; третій изъ нихъ, разбитый Жолѣвскимъ подъ Москвою, лишается жизни въ Калугѣ; но Жолѣвскій разбилъ самозванца для того, чтобы взвести на Московскій престолъ польскаго королевича Владислава, сына Сигизмунда. Это было въ 1610 году, а въ слѣдующемъ 1611, стѣсненные шведами Новгородцы, не видя ни откуда помощи, узнавъ о бѣдствіи всего государства, въ отчаяніи просятъ къ себѣ въ цари одного изъ шведскихъ принцевъ... Россія казалась на краю гибели, „яко древо вскрай висящее надъ морскими пучинами“... какъ вдругъ, является скромный, но безсмертный въ лѣтописяхъ отечественной исторіи князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій и — спасаетъ Русь.

Разославъ, въ іюнѣ 1612 года, грамоты по всѣмъ городамъ о сборѣ ополченія, князь Пожарскій успѣлъ въ томъ же году, 22 октября, овладѣть Кремлемъ, а ровно черезъ четыре мѣсяца, 21 февраля 1613 года, всѣ Россійскіе чины провозгласили въ Москвѣ Царемъ и Самодержавцемъ шестнадцатилѣтняго двоюроднаго брата Царя Θεодора Іоанновича—*Михаила Θεодоровича Романова*, и невыразимымъ страданіямъ Россіи насталъ конецъ.

Финалъ этого кроваваго періода свершился въ Воронежскомъ же краѣ. Заруцкій съ Мариною и сыномъ ея, отступя отъ города Михайлова, кинулся къ Переславию, въ надеждѣ, взявъ этотъ городъ, укрѣпиться въ немъ; но храбрый воевода Михаилъ Матвѣевичъ Бутурлинъ вышелъ ему на встрѣчу и завязался бой упорный и кровопролитный. Заруцкій, потерявъ значительное число убитыми и ранеными, перемѣнилъ планъ и направился въ Воронежскій край, разоряя и сжигая попадавшіеся по дорогѣ города ⁽¹⁰¹⁾

(101) „Лѣтоп. о мн. мят.“, стр. 299.

и убивая воеводъ—лучшее доказательство безупречнаго поведенія нашихъ украинскихъ городовъ: теперь у нихъ былъ Царь, было за кого постоять—и они постояли. Заруцкій, отступая назадъ и отбиваясь отъ напиравшаго царскаго войска, остановился подъ самимъ городомъ Воронежемъ. Хотя у насъ нѣтъ прямого указанія, гдѣ именно происходилъ этотъ рѣшительный, отчаянный бой—послѣдній вздохъ мятежнаго, смутнаго времени, но съ большою вѣроятностью можно предположить, что онъ происходилъ, съ сѣверной стороны города, близъ Троицкой слободы. Къ чести описываемаго нами края можемъ мы, на основаніи достовѣрныхъ историческихъ свидѣтельствъ, сказать, что городъ Воронежъ не только не примкнулъ къ мятежному войску Заруцкаго, но все населеніе его присоединилось къ царскому войску. Войскомъ же царскимъ, посланнымъ въ погоню за Заруцкимъ, командовалъ князь Иванъ Никитичъ Одоевскій. Къ нему, по Государеву указу, по пути должны были присоединиться Суздальская рать подъ начальствомъ князя Романа Петровича Пожарскаго, Тульская—князя Григорія Васильевича Тюфякина, Владимірская—Ивана Васильевича Измайлова, Рязанская—Мирона Андреевича Вельяминова и кромѣ того къ нимъ присоединились почти всѣ способные носить оружіе жители городовъ Воронежскаго края; но странный, можно сказать, необъяснимый случай: эту громадную армію изнуренная шайка Заруцкаго разбила, не смотря на то, что въ самомъ разгарѣ сраженія казаки Заруцкаго, узнавъ о восшествіи на престолъ Царя, покинули Заруцкаго и въ большомъ количествѣ передались воеводамъ. Болѣе всего досталось отъ Заруцкаго Воронежцамъ, коихъ онъ много побилъ. Заруцкій, не смотря на временную побѣду, предвидѣлъ возможность появленія болѣе талантливыхъ въ военномъ искусствѣ воеводъ, хотя бы въ родѣ Бутурлина, котораго онъ еще не успѣлъ забить, поэтому онъ поспѣшно переправился черезъ

Донъ и направился къ Астрахани; но подъ вліяніемъ оживившей всѣхъ новости о воцареніи Михаила Ѳеодоровича, шайка Заруцкаго таяла съ часу на часъ. Покидавшіе его козаки отправлялись партіями въ Москву, гдѣ принимали присягу въ вѣрности и извѣщали о скоромъ прибытіи слѣдующей партіи ихъ товарищей. Кроткій Михаилъ Ѳеодоровичъ жаловалъ ихъ и тѣмъ положилъ конецъ прежней ненависти, вселенной въ нихъ близорукою политикою Годунова и Шуйскаго.

Для Воронежскаго края, какъ и для всего Московскаго государства, казалось наступило наконецъ время отдыха. Заруцкаго—послѣдняго факела догораваго мятежа, вмѣстѣ съ Мариною и сыномъ ея, уже казнили въ Москвѣ; по городамъ водворяли порядокъ и тишину. Какъ вдругъ появились ногайскіе хищники въ большомъ количествѣ, которые, накинувшись и снова разоривъ украинскіе города, направились чрезъ Воронежскій край и чрезъ Оку на Москву, разоряя Коломенскія, Серпуховскія и Боровскія мѣста и забирая громадное количество людей въ полонъ.... „Тѣмъ же городамъ пакость велію содѣяша, дворянъ и дѣтей боярскихъ многихъ поимаша“⁽¹⁰²⁾; но восточные князья-дипломаты вскорѣ послѣ этого извинялись тѣмъ, что имъ будто бы неизвѣстно было о воцареніи Михаила Ѳеодоровича и что „ногайскіе люди ходили воевать безъ ихъ, ногайскихъ князей, вѣдома“. Но и тутъ, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, понимая счастье отечества исключительно въ мирѣ и спокойствіи, простилъ ногайцевъ и „принялъ ихъ подъ свою высокую государеву руку“. Оставалось еще умирить множество шакъ простыхъ воровъ и разбойниковъ, грабившихъ и убивавшихъ по всему государству. Замѣчательно, что эти разбойничьи шайки состояли не изъ однихъ только простолюдиновъ, но изъ боярскихъ

⁽¹⁰²⁾ „Лѣт. о мн. мят.“, стр. 316.

дѣтей и другихъ подобныхъ имъ сословіи; всѣ они называли себя казаками, грабили и опустошали съ непонятнымъ остервенѣніемъ. Лѣтописецъ говоритъ про нихъ, что они такъ терзали, мучили свои жертвы, *яко съ древнихъ лѣтъхъ такихъ мужъ не баше*: людей ломающе на древо вѣшаху, и въ ротъ зелье сыпаху и зажимаху, и на огнѣ жгоша безъ милости. Женскому жъ полу сосцы порѣзоваху, и веревки вдергиваху, и вѣшаху, и въ тайныя уды зелья сыпаху и зажигаху, и многими различными муками мучиша, и многія грады разориша, и многія мѣста запустотипа“⁽¹⁰³⁾. Если такія возмутительныя насилія возможны были подъ самою Москвою, спрашивается, каково жилось въ это ужасное время въ Воронежскомъ краѣ! Въ довершеніе злополучія сюда стекались литовскіе козаки-грабители, разбитые и прогнанные воеводою Борисомъ Михайловичемъ Лыковымъ, послѣ жестокаго боя на Волгѣ. Но этотъ храбрый воевода, имѣя порученія отъ добраго царя Михаила Феодоровича—*миловать гдѣ только можно*, преслѣдуя и разбивая шайки, вѣшалъ только старѣйшинъ ихъ, а остальныхъ приводилъ къ крестному цѣлованью, *ничего имъ не сдѣлавъ*. Послѣдствіемъ этого гуманнаго обращенія съ невѣжественнымъ народомъ, какъ и слѣдовало ожидать, было то, что „съ тоя поры въ тѣхъ городѣхъ не бысть войны отъ козаковъ“⁽¹⁰⁴⁾.

Такова исторія Воронежскаго края до воцаренія Дома Романовыхъ. Прослѣдивъ событія, въ немъ совершавшіяся съ появленія хозаръ до конца смуты, внимательный читатель могъ замѣтить, что на долю Воронежскаго края за этотъ длинный періодъ времени выпало немного годовъ мирныхъ, не кровавыхъ. Не скоро еще суждено было этому краю отдохнуть, ибо съ восшествіемъ на престолъ миролюбиваго и

⁽¹⁰³⁾ „Лѣтоп. о мн. мят.“, стр. 320.

⁽¹⁰⁴⁾ Тамъ-же, стр. 322.

кроткаго царя Михаила Ѳеодоровича незакончивалось, а началось только замиреніе края. До Михаила Ѳеодоровича на Воронежскій край смотрѣли какъ на пограничную степь, бесполезную по малолѣтству, вредную по враждебности мусульманскаго населенія; съ воцареніемъ же Михаила Ѳеодоровича этотъ неправильный взглядъ, какъ увидимъ далѣе, измѣнился. Уже поручныя записи на вновь прибывшаго поселенца или служилаго, приведенныя нами выше, ясно показываютъ, что вниманіе правительства было обращено на освобожденіе края отъ „лихихъ“ людей, бродягъ и разбойниковъ. Не только начали быстро появляться города; но и самый характеръ городовъ пересталъ быть чисто военнымъ. Правительство, заботясь о его нуждахъ, какъ и объ остальномъ государствѣ, въ тоже время налагало на него и тѣ же обязанности и повинности, какія носила и остальная Русь. Впервые встрѣчаемъ теперь пошрины и сборы, и наборъ ратныхъ людей бываетъ уже не изъ однихъ казаковъ исключительно, но и стрѣльцовъ и другихъ видовъ войскъ. Однимъ словомъ, начиная съ царствованія Михаила Ѳеодоровича, намъ приходится говорить о Воронежскомъ краѣ не какъ о степи, состоящей изъ *Ногайской и Крымской* стороны, а какъ о части Московскаго государства. Мало того, теченіемъ благопріятныхъ обстоятельствъ, Воронежскій край на продолжительное время займетъ весьма видное мѣсто въ ряду областей Московскаго государства; настанетъ наконецъ моментъ, когда вниманіе всей Европы, не исключая могущественной Турціи, будетъ обращено на него, и городъ Воронежъ станетъ временной столицею одного изъ величайшихъ Монарховъ, когда-либо царствовавшихъ; но объ этомъ рѣчь впереди, а пока на этомъ остановимся.

Л. Б. Вейнбергъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ГЛАВА I-я.

Стр.

Вступленіе. Періодъ I. Воронежскій край до XVII столѣтія. Растительное и животное царства его. Картина Средне-азиатской степи. Обитатели ея. Хазары, печенѣги, половцы, татары и др. народы. Естественныя богатства при-Донскаго края. Неопредѣленность положенія края. Удѣльная система какъ причина безсилія и бѣдствій Руси. Начало единой державы и постепенное освобожденіе Воронежскаго края отъ хищниковъ. Начало донскаго козачества; его вина и заслуги. Начало возникновенія городовъ. . . . .

1

ГЛАВА II-я.

Какъ былъ построенъ Воронежъ? Козачество. Первые въ Воронежѣ храмы. Слѣды ихъ существованія до 1596 года. Первое населеніе города и пригородныхъ селъ. Основаніе слободы изъ охотниковъ-ямовъ. Селенія великороссовъ, малороссовъ и татарскія. Первые занятія городскихъ и сельскихъ жителей. Замѣчательно быстрое развитіе Воронежа. Значеніе и обязанности первыхъ должностныхъ лицъ. Воеводы. Головы. Значеніе и характеръ поручной записи. Военное сословіе. Разрушеніе города. Ложное обвиненіе воронежскихъ казаковъ въ томъ, будто они участвовали въ разрушеніи его. Кто были въ дѣйствительности виновники разрушенія? Мнѣніе достойныхъ источниковъ. Свидѣтельство объ этомъ Царя Михаила Феодоровича. Возникновеніе другихъ городовъ. . . . .

44

ГЛАВА III-я.

Новые факты. Поправки и дополненія. Виновики разрушенія Воронежа. Цѣль разрушенія. Доказательства. Значеніе Воронежа въ политическихъ и другихъ отношеніяхъ. Хорошая и дурная сторона козачества. Козачій голова. Турція и Крымъ въ отношеніи Россіи. Сношенія Руси съ Крымомъ. Участь плѣнныхъ и выкупъ ихъ. Построеніе города Ливень. Его значеніе и роль въ отечественной исторіи. Военные дороги. Старинный русскій языкъ. Князь Кольцовъ-Масальскій, какъ строитель городовъ. Слѣзды пословъ и переговоры въ Ливняхъ. Гордость боярина Хворостинина. Враждебность Турціи. Посоль Благовъ. Василій Биркинъ—первый постоянный Козачій голова на Дону. Построеніе новыхъ городовъ. Кончина Феодора Ивановича. Смутное время. Поведеніе нашихъ украинскихъ городовъ. Выводъ. . . . .

71

